

Евгений Маурин

Пастушка королевского двора

Евгений Иванович Маурин

Пастушка королевского двора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6600662

Аннотация

«На безоблачном, смеющемся небе светило яркое солнце. Улицы благословенного города Божанси уже наполнялись празднично разодетой толпой, степенно следовавшей призыву церковного колокола, все окна домов были дружелюбно раскрыты навстречу ароматному весеннему утру, и только серый прямоугольник ставней, угрюмо прикрывавших одно из окон приречной гостиницы «Золотой осел», вносил дисгармонию в общую картину радостного пробуждения...»

Содержание

I[1]	5
II	11
III	20
IV	40
V	55
VI	74
VII	86
VIII	101
IX	116
X	125
XI	140
XII	149
XIII	155
XIV	163
XV	173
XVI	180
XVII	190
XVIII	199
XIX	210
XX	225
XXI	240
XXII	245
XXIII	251

Евгений Маурин

Пастушка

королевского двора

I¹

На безоблачном, смеющемся небе светило яркое солнце. Улицы благословенного города Божанси² уже наполнялись празднично разодетой толпой, степенно следовавшей призыву церковного колокола, все окна домов были дружелюбно раскрыты навстречу ароматному весеннему утру, и только серый прямоугольник ставней, угрюмо прикрывавших одно из окон приречной гостиницы «Золотой осел», вносил дисгармонию в общую картину радостного пробуждения.

Должно быть, эти ставни привлекли собой любопытство одного из шаловливых сынов солнца – маленького, но юрко-го луча. Несколько раз пыгливо скользнув по дереву ставней, луч наконец набрел на дырочку – след выпавшего сучка – и поспешно юркнул в комнату, повиснув в ней узенькой зо-

¹ Начало событий, развитых в настоящем романе, изложено в произведении того же автора «Шах королеве».

² Очень древний городок, расположенный на высоком правом берегу Луары, между Блуа и Орлеаном, в двадцати пяти верстах от последнего.

лотистой дорожкой, в которой весело заплясали ожившие в солнечной ласке пылинки.

От этой золотой полоски полумрак комнаты слегка про-светлел, и ясно вырисовалась незатейливая обстановка но-мера захолустной провинциальной гостиницы с простым столом, несколькими стульями и большой деревянной кро-ватью, на белых простынях которой выделялась безмятежно спавшая женская фигура.

К этой то фигуре и устремился проказник-луч. Он лег-комысленно скользил по маленьким, полным белым рукам с тонкими синими прожилками, блеснул искорками на ис-синя-черных, слегка вьющихся волосах, капризными прядя-ми разметавшихся по небольшой, но красивой и крепкой юной груди, на ходу мимолетно лобызнул прелестную родин-ку, которая, словно букашка, приютилась под гостеприим-ным кровом немного отвисшей пухлой нижней губы, прока-тился вдоль благородно изогнувшегося аристократическим горбом остренького носика и сделал попытку заглянуть под низко опущенные веки спящей. Если целью этого проказли-вого луча было разбудить заспавшеюся ленивцу, то теперь он добился своего, потому что веки задрожали, пальцы рук спавшей зашевелились, и вдруг востроносенькая барышня одним прыжком привскочила, а затем уселась на кровати, с недоумением озираясь по сторонам еще заспанными, но все же быстрыми, веселыми карими глазками.

Мало-помалу память, расплывшаяся в крепком сне, вер-

нулась к девушке, и тогда она обратила внимание на солнечный луч, свидетельствовавший, что дневное светило уже прошло значительную часть своего пути вверх по небосводу. Это открытие вызвало у хорошенькой ленивицы взрыв звонкого смеха, который делал ее, и без того напоминавшую красивенькую птичку, похожей на голосистого жаворонка.

– Однако! – воскликнула она, вдвигая крошечные голенькие ножки в стоявшие у кровати туфли. – Вот так заспалась я! Но, как ни жестко это убогое ложе, оно показалось мне райским при той смертельной усталости, которая явилась наградой за вчерашнее молодечество. – Она лениво потянулась, зевнула и продолжала: – Ой-ой, до сих пор кости ломит, и я с удовольствием вернулась бы обратно в кровать и поспала бы еще добрый часочек, если бы... если бы мне не было совестно валяться так долго... Да, да, – с капризным задором обратилась она к своему отражению, показавшемуся в небольшом зеркале, у которого она теперь очутилась, – представь себе, мой уважаемый двойник, что и Беатрисе Перигор иногда бывает чего-нибудь совестно... правда, чуть-чуть, самую малость... и она никому этого не показываете, но... бывает, бывает, бывает!

При последних словах шаловливая Беатриса взялась двумя пальцами за подол рубашки, изящным жестом прирожденной аристократки оттянула его, словно юбку бального платья, и стала грациозно приседать в такт своему «бывает, бывает». Но тут же она снова рассыпалась звонким, сереб-

ристым смехом, показала своему изображению язык и порхнула к окну. Под усилиями ее быстрых рук ставни распахнулись, окно раскрылось, и в комнату ворвались свет и воздух.

Осторожно пригнувшись к окну, чтобы не высунуться в таком легкомысленном туалете перед каким-нибудь случайным прохожим, Беатриса жадно вдохнула воздух, напоенный ароматом первых весенних цветов, и при виде Луары, широко катившей свои серовато-голубые волны у заросшего зеленью берега, на ее губах показалась радостная улыбка.

Однако эта улыбка тут же сбежала с лица Беатрисы, которое сразу стало серьезным и озабоченными.

– Бедный Тибо! – пробормотала она. – Старикашка совсем ослаб! И надо же было мне закапризничать и отказаться остановиться в Мере! Я хотела доказать свое молодечество и неутомимость и... чуть не уморила моего старенького, верного Тибо! Господи, какой несчастный вид был у него, когда вчера его пришлось снимать с седла и на руках нести в комнату!

Ну да, наверное, сегодня он уже оправился и после обеда можно будет тронуться в путь!

Беатриса оглянулась по комнате и подошла к углу где в тянувшемся от пола до потолка борове виднелась небольшая дверка. Вчера, когда краснощекая Серафина отвела Беатрису в эту комнату, она на вопрос проезжей, каким образом позвать в случае нужды прислугу, указала на эту отдушину. Боров, видневшийся в углу, шел от кухонного очага, находив-

шегоя в нижней, общей, комнате гостиницы. Играл ли тут роль надочажный колпак или в самом канале борова была какая-нибудь случайная особенность, обуславливавшая акустически каприз, но только дымоход являлся отличной разговорной трубой: достаточно было открыть отдушину и громче крикнуть в трубу, чтобы Серафина, вечно возившаяся у очага, услышала призыв.

Теперь Беатриса убедилась, что боров действительно великолепно справляется со своей косвенной обязанностью, потому что стоило ей один раз крикнуть в отдушину: «Серафина», – как в ответ послышалось грубоватое: «Иду!» – и через несколько секунд лестница тяжело затрещала под массивными стопами высокой, плотной орлеанезки.

– Ну, что мой слуга? – озабоченно опросила Беатриса вошедшую.

– Ой, барышня, плох совсем старикашка! – ответила Серафина. – Вчера мы с хозяйкой его, словно малое дитя, уложили в постель, а сегодня он и двинуться не может! Уж утром хозяйка напоила его горячим вином с кореньями, и старичку...

– Стало лучше? Не сомневаюсь, потому что моему Тибо вино всегда помогает, даже... без кореньев! Но скажи, милая, он жаловался на что-либо? Или это – просто усталость?

– Надо полагать, что усталость и больше ничего! Да ведь и то сказать – в один день отмахать в седле почти пятнадцать лье! Да ведь это и солдату впору, а не то что такой молодень-

кой барышне со стариком! Ну, да старик-то крепенький, и достаточно ему будет отлежаться дня два...

– Дня два! – с ужасом подхватила Беатриса. – Милая Серафина, ты мне ужасно нравишься, но за эти слова я от души желаю... типун тебе на язык! Два дня, когда я рвусь вперед и хотела бы поехать сегодня же! Но ведь я высохну со скуки в этом ужасном гнезде!

– Напрасно обижаете, барышня, – с легкой обидой в голосе заметила Серафина, – Божанси – город, как город!

– Да что же я буду здесь делать? Есть здесь, по крайней мере, хоть на что посмотреть?

– Посмотреть? И смешная же вы, барышня! Словно Божанси – не город, а ярмарочный балаган! Чего у нас смотреть? Ну, церковь есть... дом себе мэ́р выстроил, знатный дом! Мост каменный есть на Луаре – очень старый; отец Бенедикт говорил как-то, что его, мост этот, еще до Рождества Христова выстроили. Ну, а делать что? Господи, да что благородной барышне такого особенного делать? В церковь сходите помолиться, погуляйте – у нас под городом очень хорошо, а хотите – у нас лодка есть, вас работник покатает.

– Покатает! – презрительно фыркнула Беатриса. – Уж если я захочу покататься, то поеду сама! Однако помоги мне одеться поскорее, милая Серафина, и я спущусь посмотреть на своего старичка; быть может ты окажешься неправой в своем злопророчествовании, и мне удастся гораздо раньше вырваться из божансийского пленения!

II

Спустившись к Тибо, помещенному в небольшой комнатке нижнего этажа, Беатриса должна была убедиться, что Серафина была отчасти права. Как заверил Тибо, двух дней ему для отдыха, конечно, не понадобится, но и сегодня он тоже встать с кровати и отправиться в путь не мог. Старик чувствовал себя совершенно разбитым, день полного отдыха был ему совершенно необходим, и Беатрисе предстояло провести целые сутки в этой глухой провинциальной норе.

– Ах, Тибо, Тибо! – с капризным отчаянием воскликнула барышня. – И надо же было тебе расклеиться, когда я так стремлюсь скорее вперед, вперед! Не мог ты свалиться в Париже?

– Что же делать, мамзелечка, – слабым, голосом ответил старый Тибо, выныривший Беатрису и души не чаявшей в ней, – говорил ведь я – «тише едешь, дальше будешь»! Вот и вышло по-моему!

– Да все бы ничего, – с досадой ответила девушка, – если бы только здесь не было так нестерпимо скучно! Целые сутки! Боже, чем их наполнить?

Не успела Беатриса договорить последнюю фразу, как на улице раздался быстрый лошадиный топот. Молодая девушка обернулась к окну, выходявшему на улицу, и увидела, что к гостинице подъезжает какой-то всадник и уже осадил ло-

шадь у ворот. Всадник был молод, красив; все, несмотря на нарочитую простоту одежды, изобличало в нем благородное происхождение, и Беатриса сейчас же подумала: «Гм... Если этот молодчик остановится здесь, то пожалуй, я... не очень проскучаю этот день!».

С этой мыслью девушка принялась разглядывать спешившегося всадника, к которому подскочил работник гостиницы, с поклоном принявший повод коня. Новоприбывший шел прямо к окну, у которого стояла Беатриса, умышленно вставшая как можно больше на виду. Однако юноша только скользнул рассеянным, невидящим взором по ее фигуре и ровно ничем не выдал, что его внимание хоть сколько-нибудь привлечено ею.

«Гм, ни малейшего впечатления, – подумала девица Перигор. – Но это, конечно, произошло лишь потому, что он не разглядел меня! Надо дать ему эту возможность!» – И с этим самоуверенным решением она, кинув Тибо несколько ободряющих слов, вышла из комнаты, двигаясь с таким расчетом, чтобы столкнуться с новоприбывшим при его входе в гостиницу.

Этот расчет Беатрисы вполне оправдался, однако не увенчался результатом. Столкнувшись с девушкой, юноша вежливо, но холодно прикоснулся к шляпе и отошел, уступая ей дорогу. Затем он продолжал говорить с хозяйкой, и Беатриса, медленно поднимавшаяся к себе наверх, слышала его вопросы:

– У вас есть комнаты, выходящие на реку?

– О, да, сударь: все три верхние смотрят на Луару!

– Сколько у вас комнат?

– Три наверху да две внизу.

– Сейчас постояльцы есть?

– Только барышня со слугой. Старик расхворался, и это задержало проезжую у нас.

– Кто она такая? Откуда?

– Кто же ее знает, ваша милость! А едет она с далекого юга.

– И больше нет никого? Значит, из пяти комнат заняты две и три свободны? Отлично, оставляю за собой все три!

– Но они в разных этажах!

– Это мне все равно. Я только хочу, чтобы была полная тишина, потому что я не спал две ночи и намерен выспаться до вечера. Так что потрудитесь не пускать на постой больше никого, кто бы это ни был. Поняли? Затем скажите, не прошла ли сегодня утром снизу по направлению из Блуа весельная галера?

– Нет, ваша милость.

– Наверное? Да? Ну, так она скоро появится. Вот что: я умираю с голода, велите приготовить мне поесть и дайте вина, а тем временем пусть кто-нибудь из слуг следит за рекой и сейчас же даст мне знать, как только галера покажется!

С этими словами новоприбывший вошел в общую комнату, и Беатриса, прислушивавшаяся к разговору с верхней

площадки, вернулась к себе в комнату. Здесь она уселась у окна, уставилась на реку и стала раздумывать о виденном и слышанном.

С детства отличаясь необыкновенной наблюдательностью, Беатриса всегда находила особое удовольствие в том, чтобы зорко подмечать все творившееся вокруг нее и делать быстрые, верные, порой неожиданные по меткости умозаключения. Наблюдение над всем окружающим, способность не упустить вокруг себя ни малейшего пустяка стали для Беатрисы с течением времени второй натурой, привычкой, которой она отдавалась совершенно произвольно. А теперь вдобавок было так скучно!

И вот, зорко поглядывая вправо, откуда могла показаться галера, упомянутая в разговоре незнакомца с хозяйкой, молодая девушка думала:

«В костюме этого юноши видна простота, не вяжущаяся с его гордым видом и манерами. Все указывает, что он старается скрыть свое высокое происхождение. Значит, он не хочет, чтобы на него обратили внимание, быть может, даже опасается, как бы его случайно не опознали. Значит, это действительно знатный и известный человек.

Почему ему понадобились все комнаты? Чтобы ему не мешали выспаться? Но если он не спал две ночи, то его не разбудит даже пушечный грохот. Затем, почему у него вырвалось одобрительное восклицание, когда он узнал, что единственная постоялица – барышня, едущая с далекого юга?

Очевидно, потому, что он боится, не выслеживают ли его. Он ждет галеры, имеет какое-то дело к тому, кто едет на этой галере, и не хочет, чтобы это свидание стало известным.

Но какого рода это предстоящее свидание? Оно – не любовное, потому что в этом случае юноша забыл бы об усталости и голоде и не послал бы слуги следить за прибытием галеры, а сторожил бы сам. К тому же она должна прибыть теперь, а юноша собирается спать до вечера. Это наводит на размышление. По-видимому, свидание состоится под покровом ночи.

Нет, все говорит, что здесь – какая-то тайна и, по-видимому, – политическая. Политические тайны должны быть интереснее любовных, и проникнуть в одну из них не бесполезно для той, кто едет в центр всех тайн и интриг – Париж, собираясь выковать там себе кусочек судьбы. Во всяком случае эта история поможет мне убить время в этой скучной норе, а в лучшем – она может дать мне в руки кое-какие нити. А потому будем наблюдать!»

Прошло с полчаса, но в течение их ровно ничего не случилось. Вдруг девушка увидела корпус довольно большой баржи, быстро поднимавшейся вверх по реке. Это была двадцатичетырехвесельная галера, выкрашенная в светло-голубую краску и отделанная бронзовыми украшениями. На палубе виднелась каютная надстройка, окна которой были завешаны спущенными шелковыми голубыми занавесями, отливавшими золотом в лучах яркого полуденного солнца.

Дойдя до высоты города, галера повернула и вдвинулась в небольшой проток между левым берегом и небольшим, заросшим зеленью островком. Тут она бросила якорь, и длинные весла, взметнувшись в последний раз вверх, безжизненно поникли к воде.

В то же время на лестнице слышались быстрые шаги, дверь в соседнюю комнату отворилась, и голос Серафины произнес:

– Вот сюда пожалуйста, ваша милость!

– Хорошо, ступайте! – слышалось в ответ.

«Гм... – подумала Беатриса. – Почему этому юноше надо наблюдать за галерой из окна, когда проще было бы взять лодку и отправиться на судно?»

Девушка прилегла на подоконник и высунулась в окно, как только могла дальше. Поглядывая то на соседнее окно, то на галеру, она заметила, что из первого высунулась рука, взмахнувшая несколько раз в воздухе белым платком. В ответ на это одна из шелковых занавесок галеры слегка отодвинулась, и оттуда тоже махнули белым платком. Тогда в окне гостиницы показался голубой платок. Шелковая занавеска галеры снова раздвинулась, и из-за нее опять появилась рука с белым платком и стала производить ритмические, резко отделяемые интервалами движения. Очевидно, тут имело значение уже не помахивание, как в первый раз, а определенный счет взмахов. Беатриса сосчитала последние: их ровно девять! Вслед за этим занавеска снова задвинулась. Сосед

Беатрисы отошел от окна, распахнул дверь и крикнул:

– Эй, есть тут кто-нибудь? Приготовьте мне постель и закройте ставни!

«Так! – подумала Беатриса. – Кое-что я уже понимаю. Платок из гостиницы означал: «Я – здесь!», платок с галеры. «Вижу!». Затем юноша собирается спать до вечера, а платок на галере махнул девять раз. Это должно означать: «Увидится в девять часов». Ну, а голубой платок? Он мог означать только: «Препятствия нет, путь свободен». Значит, свидание состоится в гостинице».

Одобрительно кивнув самой себе за сообразительность, Беатриса продолжала наблюдать. Но наблюдать было нечего; на галере не видно было ни малейших признаков жизни, а легкий храп в соседней комнате свидетельствовал, что таинственный юноша безмятежно отдался объятиям Морфея. Таким образом, оставалось ждать вечера.

Беатриса пообедала, навестила еще раз Тибо и с тоской задумалась, как убить остающееся время. Вдруг ей пришла в голову счастливая мысль. Расспросив, где именно находится хозяйская лодка, девушка спустилась к реке, прыгнула в утлый челнок и сильными, ловкими движениями весла направила его вверх по течению, придерживаясь правого берега. Затем, далеко опередив галеру, Беатриса пересекла реку, повернула лодку и пустила ее вниз по течению, бесшумно правя веслом так, чтобы челнок попал в проток между левым берегом и островком.

Медленно спускаясь по течению, лодка с девушкой без единого всплеска тихо прошла вдоль борта галеры. Но там по-прежнему не чувствовалось ни признака жизни. Только на носу сидели два матроса, шепотом разговаривавшие между собой, и, когда один из них вдруг начал смеяться, другой с испугом остановил его.

Таким образом, Беатриса ровно ничего не узнала. Но тем не менее она была довольна: прогулка по реке была очень приятна сама по себе, да и значительная часть времени была таким образом убита.

Уже начинало смеркаться, когда девушка вернулась в гостиницу. На пороге ее встретила Серафима, которая заботливо сказала:

– Слава Тебе, Господи, что вы вернулись, барышня! Вот бы никогда не поверила, что благородная девица так ловко справляется с лодкой, словно заправский рыбак. Только хорошо ведь все, что хорошо кончается! Смотрите-ка, какие тучи нашли! Того гляди, поднимется буря!

Дай Бог! – мысленно ответила Беатриса. – Чем темнее будет вечерок, тем лучше!»

– Не хотите ли покушать? – продолжала тем временем заботливая орлеанезка. – У меня курица жарится, а то можно моментально свежую рыбу зажарить или...

– Нет, что вы, милая Серафима, я еще не успела проголодаться, – ответила девушка.

– Ну так вам уже придется удовольствоваться холодным

ужином в своей комнате, потому что молодой барин, приехавший утром, будет угощать приятеля и хочет поболтать с ним без помехи. С восьми часов мы больше никого не пустим в зал!

– О, я не прихотлива! – ответила Беатриса, у которой сердце забилось особым охотничьим трепетом. – Принесите мне в комнату холодного мяса, вина и каких-нибудь сладостей на десерт!

Девушка поднялась к себе и выжидательно уставилась взором в небо: действительно, с запада медленно напозала громадная, тяжелая туча и с каждой минутой мрак становился все гуще и гуще!

III

После того как на дальней церковной колокольне пробило восемь, Беатриса потушила огонь в своей комнате и уселась у открытого окна. Вдали на галере чуть светились огоньки; кругом царили мрак и полная, гнетущая тишина.

Но вот в соседней комнате послышались скрип кровати, протяжный зевок. Ряд дальнейших шорохов свидетельствовал, что сосед занялся туалетом. Затем послышался стук раскрываемых ставней, и снова воцарилось полное молчание.

Прошло немного времени, и вдруг Беатриса заметила, что в стороне, где стояла галера, один из огоньков пришел в движение, описывая крестообразные взмахи. Вслед затем сосед поспешно вышел из комнаты. Беатриса напрягла все свое зрение и вскоре заметила, что от гостиницы вниз по берегу Луары спускается какая-то блестящая точка; очевидно, таинственный сосед шел с фонарем навстречу своему гостю. Тогда, не раздумывая долго, Беатриса накинула на плечи темный дорожный плащ и тише мыши выскользнула из комнаты. Осторожно опустившись по лестнице, она шмыгнула к выходу и притаилась там в ожидании дальнейшего.

Вскоре на реке послышался тихий плеск весел, затем на откос к гостинице стали взбираться две светящиеся точки. Беатриса напрягла слух до последней возможности, и ей удалось уловить окончание фразы соседа:

– ... только какая-то девчонка. Вообще идеальнее ничего себе представить нельзя: полная изолированность – ни подслушать, ни подсмотреть! Да и некому.

– Вообще, милый мой, – ответил другой, довольно неприятный, слегка скрипучий голос, – по правде сказать, я совершенно не понимаю, к чему понадобилось окружать наше свидание такой таинственностью? Как видишь, я в точности подчинился, но...

Тут оба собеседника вошли в общую комнату гостиницы, и захлопнувшаяся за ними массивная дубовая дверь погасила остальные звуки.

Беатриса осторожно направилась вдоль фасада дома, стараясь найти такое место, откуда можно было бы хоть что-нибудь увидеть или услышать. Но из-за плотных ставней звуки совершенно не доносились, а в попавшуюся маленькую щелочку Беатриса могла лишь видеть, что собеседники примостились подальше у окон – почти у самого очага. На госте таинственного соседа была надета черная полумаска, перед собеседниками стояло несколько бутылок вина. С кислой улыбкой Беатриса должна была сознаться, что всего замеченного слишком мало и что обстоятельства складываются очень плохо для ее любопытства.

Вдруг девушку осенила блестящая мысль. Со всей быстротой, допускаемой необходимой осторожностью, она вошла в дом, поднялась с себе в комнату, тихонько пододвинула кресло к борovu, открыла отдушину и явственно услышала

голос соседа:

– Всем этим и объясняется эта таинственность. Там ведь тоже принимают свои меры, и было бы рискованно без надлежащих предосторожностей подойти к такой важной политической тайне!

«Люблю политические тайны!» – подумала Беатриса и с полным комфортом откинулась на спинку кресла.

– Политическая тайна? – насмешливо переспросил скрипучий голос. – Но, поскольку я понял, дело касается самой обыкновенной любовной интриги, и моей возлюбленной супругой руководит, конечно, только чувство оскорбленной любви.

– Мне не трудно будет доказать вашему высочеству что это не совсем так! – последовало в ответ.

«Высочество? Это начинаете становиться интересным», – подумала прыткая девица Перигор.

– Ну, если и не совсем, то в значительной части. Во всяком случае, очень рад видеть тебя, милый мой Вард! Я провел скучнейшее время в этих разъездах по провинциям да крепостям, и мне так не хватало тебя и всего нашего милого кружка. Как ты поживаешь? По-видимому, ты совсем оправился? По правде сказать, я не чаял, что ты так легко отделаешься после схватки с этим гасконским проходимцем!

– О, полученная мной рана была мучительна, но не опасна. Во всяком случае с этим господином мы еще посчитаемся, – в голосе Барда послышалась непримиримая ненависть.

висть. – В данный момент он недосыгаем, но я умею ждать!

– А, так этому авантюристу удалось укрепиться при дворе?

– О да! Ренэ Бретвиль, маркиз де Табр, герцог д'Арк находится там на положении привилегированной особы. Но, как рыцарь и защитник прекрасной Луизы, он падет вместе с остальными, когда завершится задуманное нами дело!

«Герцог д'Арк? Ренэ? – с восторгом повторила Беатриса. – Но это становится совсем интересным!»

– А это задуманное вами дело должно свершиться при моей помощи? – насмешливо спросил скрипучий голос. – Однако моя возлюбленная супруга считает меня окончательно идиотом. После всех тех оскорблений, которым я подвергся по ее милости, я должен теперь помогать ей сводить счета с ее возлюбленным, давшим ей чистую отставку, и девчонкой, из-за которой все это произошло? Да какое мне дело до всего этого! Провалитесь вы все там в тартарары, перегрызите себе горло, а я буду жить и наслаждаться жизнью!

– Благоволите выслушать меня, монсеньор, и увидите, что вы не совсем правы. Я не буду отрицать, что всеми нами руководят личные мотивы. Ее высочество имеет счета и с королем, и с туреннской пастушкой, которая слишком уж нагло повела свою игру. Графиня де Суассон не может забыть то время, когда она была Олимпией Манчини и питала надежду стать французской королевой. Ваш покорный слуга имеет свои счета с герцогом Арком, которому так покрово-

вительствует король, предпочитающий сомнительный пришлый сброд коренному дворянству. Граф де Гиш... Ну, мотивы Гиша не совсем ясны нам, хотя он пожалуй самый неукротимый и непримиримый из нас. По всей вероятности, он ревнует Арка, вытеснившего его из сердца короля. Возможно, что наш присяжный сердцеед потерпел крушение у пастушки. Кроме того, будучи предан всей душой ее высочеству герцогине...

– Только ли душой, милый Вард? Я кое-что слышал. Впрочем, не все ли мне равно? Пусть, пусть утешает ее и утешается сам! С моей стороны препятствий нет, дорога свободна!

«Вот это я называю быть удобным мужем!» – не без иронии подумала Беатриса.

– Итак, – продолжал маркиз де Вард, – я не буду отрицать, что всеми нами руководят личные мотивы. И если вы, ваше высочество, примкнете к нам, то достаточные личные мотивы найдутся и у вас. Я не буду говорить о том, что его величество допустил герцога д'Арка в своем присутствии наговорить вам кучу дерзостей. В данном случае его величество выступил во всеоружии своего высокого сана, и, как с королем, вы с ним считаться не можете. Но ведь он – не только король, он – брат вашему высочеству.

«Э! Так вот ты кто!» – подумала Беатриса.

– И довольно плохой брат! – буркнул скрипучий голос.

– Поэтому, – продолжал Вард, – считаясь с ним, не как с королем, а только как с человеком, вы едва ли можете забыть,

что... что...

– Что Людовик наставлял мне рога, не переставая мне же читать мораль! – невозмутимо проскрипел брат короля.

– Что касается Луизы де Лавальер, то едва ли вы, ваше высочество, пожелаете забыть, что эта девчонка разыгрывала перед вами воплощенную невинность. Она отвергла вас, метя на нечто большее, а вы обратите в прах ее высокомерные замыслы. Затем, каковы бы ни были ваши счета с супругой, – это узко семейное дело вашего высочества, – и, блюдя принцип рода, стоя на страже чести всей французской аристократии, вы не можете допустить, чтобы какая-нибудь провинциальная девчонка позволяла себе оскорблять вашу супругу. Оскорбляющий супругу принца оскорбляет самого принца!

– А ведь ты, ей-богу, прав, Вард! – произнес принц. – Твое здоровье!

Послышался звон бокалов. Затем Бард продолжал:

– Таким образом, ваше высочество, вы видите, что у всех нас найдутся достаточные личные мотивы. Но суть не в них. Удовлетворение желания свести личные счета придает задуманному делу в наших глазах некоторый пикантный оттенок, налет забавы, скрашивающий серьезный замысел. Личные мотивы – это перец в рагу. Он придает вкус, но не сытность. И теперь, доказав вашему высочеству, какой интерес в соучастии с нами имеете вы как человек, я перейду к изложению обстоятельств, которые должны заставить вас при-

мкнуть к нам, как принца крови и первого после короля дворянина Франции.

– Ой, милый Вард, пожалуй это будет слишком скучно! – жалобно протянул принц. – Ты знаешь, я ведь мало интересуюсь политикой и начинаю засыпать самым непреодолимым образом, как только предо мной затянут эту скучную канитель.

– Но это необходимо, потому что я вижу, что вы, ваше высочество еще не убеждены, – твердо ответил Вард. – Я постараюсь быть как можно немногословнее, а вы соблаговолите выслушать меня, потому что это крайне необходимо!

– Ну, говори Только покороче!

– Постараюсь – насколько возможно. Первое, на что я должен обратить внимание вашего высочества, это крайне опасное для всех нас направление ума и симпатий короля. Чем человек знатнее и ближе к королю, тем дальше король отстраняет его от себя и унижает. Родного брата король отравляет со скучным и трудным поручением, а какого-то проходимца, не представившего никаких документов, утверждает в высоком герцогском сане и сажает с собой за стол. Недавно произошел такой случай. Мольер, этот гаер, написал комедию, причем позволил себе в ней уже не просто увеселять общество, а высмеивать и поучать его. Он откровенно назвал ее «Жеманницы» и пересыпал самыми откровенными намеками, позволяющими угадывать в выводимых персонажах многих высоких особ, не исключая даже... супруги ва-

шего высочества!

– Негодяй! – крикнул принц.

– Вернее – престо шут, – ледяным тоном возразил Вард, – дерзкий и наглый шут, больше ничего. Но его величество пригасил Мольера прочесть эту комедию, выслушал до конца, много смеялся, умышленно подчеркивал те места, которые и без того ясны в своих наглых выпадах, и в результате пожаловал коменданта высоким званием своего личного камердинера. Тогда остальные камердинеры запротестовали и открыто заявили, что они, родовитые дворяне, считают ниже своего достоинства оправлять королевскую постель вместе с каким-то шутком. Что же сделал его величество? Он освободил Мольера от камердинерства, но в один прекрасный день пригласил его к завтраку, прислуживать за которым заставил всех протестантов-камердинеров!

– Но это черт знает что такое! – крикнул принц, и в его голосе теперь уже не слышалось ни следа недавней скуки и вялости.

– То же самое можно сказать и о другой стороне королевской жизни. Представительницы древнейшей аристократии, самые знатные, красивые, умные в изящные дамы отстранены, а милость короля дарится какой-то провинциальной замухрышке. Недавно маркиза Курбетон имела несчастье попасть к королеве Марии Терезе в дурную минуту, и ее величество обошлась с ней очень резко. По обычаям двора маркиза имела право получить в утешение из сумм короля де-

нежное вознаграждение. Однако король вычеркнул имя маркизы из представленного списка, заявив, что у него и так нет денег, но в тот же день он заказал для своей Лавальер умывальный прибор из чистого золота!

– Да что Курбетон, когда даже меня урезают самым бессовестным образом! – воскликнул принц.

– Ну, вот видите? А почему это происходит? Да потому, что от непосредственной близости короля отстранены все те, кто готов служить интересам королевской семьи и коренной придворной аристократии. Мы должны принять против этого свои меры. Все друзья короля, не принадлежащие к коренной аристократии, должны быть устранены всякими доступными нам мерами. Всякая возлюбленная, взятая не из нашей среды, должна уступить место такой, которая использует стою интимную близость к королю в нашу пользу. Тогда брат короля будет пользоваться тем уважением и влиянием, на которые он имеет несомненное право, тогда брат короля не будет лишь каким-то рассыльным при своем августейшем брате, тогда брату короля не надо будет унижаться до займов у ростовщиков. Таким образом, теперь вы, ваше высочество, видите, что задуманное нами дело – не простая придворная интрига, продиктованная чувством ревности или мелкой злобы, а акт самообороны коренной придворной аристократии, ограждающей себя и королевскую семью – следовательно, также и ваше высочество – от опасности потерять всякое значение и быть униженными ради какого-то сброда!

– Да, это действительно серьезное и нужное дело, – задумчиво произнес королевский брат.

– Теперь другая сторона дела, – снова заговорил Вард. – Вашему высочеству известно, что благодаря родственным связям правителей обеих стран отношения Франции и Англии не оставляли желать ничего лучшего. Прошлые недоразумения забыты, интересы обоих государств пошли рука об руку. Еще недавно король Людовик вполне согласился с доводами английского короля, что возвышению Нидерландов должен быть положен конец. Воспользовавшись временным ослаблением Англии под влиянием длительных междоусобиц, Нидерланды, флот которых растет не по дням, а по часам, стали все больше грозить морскому и торговому могуществу Англии. Его величество еще недавно обсуждал план совместных с Англией действий, направленных против нидерландской республики. И вдруг он стал высказывать полное равнодушие к этому делу! Посланник Нидерландов опять в фаворе, все переговоры с Англией умышленно затягиваются. Мы не можем не ставить всего этого в зависимость от момента появления на первом плане д'Арка и Лавальер. Гасконский проходимец открыто дружит с нидерландским посланником, а последний всеми мерами лебезит перед Лавальер...

– Ну, эта сторона меня интересует меньше всего! – пренебрежительно возразил принц. – Война с Нидерландами нужна Англии, а не Франции, и я понимаю, что моя жена Генри-

етта, как пламенная англичанка, хлопочет тут изо всех сил. Но меня вся эта политика отнюдь не трогает!

– Мне не трудно было бы доказать, что вы, ваше высочество, ошибаетесь и в этом тоже. Прежде всего... Ах, да, чтобы не забыть! Помните ли вы, монсеньор, хорошенькую баронессу Дженни Финч?

– Которая приезжала в свите Генриетты? Господи, да как же мне забыть эту милую, веселую пташку!³ О, я тогда порядком увлекся этой кокетливой вертушкой, совсем уже начинал терять голову, но с одной стороны – Генриетта, а с другой – барон Финч... Словом – бедовую баронессу убрали обратно в Англию, а она ведь уже явно начинала сдаваться. Забыл ли я ее? Да разве таких забывают? Но почему ты вспомнил о ней, Вард?

– Я недавно был в Лондоне с поручением от ее высочества. Король Карл был высокомиловит и пригласил меня поужинать запросто с ним вдвоем. Его величество – очаровательный собеседник и умеет держать себя так, что, с одной стороны, в нем не чувствуешь короля, а с другой – не забываешь, что он – король. Между прочим, английский король очень интересовался галантной жизнью французского двора, много расспрашивал меня и много рассказывал сам о забавных приключениях лондонской знати. В этих рассказах не последнее место заняло повествование о том, как Джонни Финч выследила мужа с леди Чэлт, накрыла парочку в очень

³ Финч – по-английски птичка.

рискованный момент и связала обоих ремнями в самой компрометирующей позе, после чего созвала гостей для обозрения «интересного скульптурного произведения, только что найденного при раскопках в Греции». В числе приглашенных был и старый лорд Чэлт...

Рассказ Варда был прерван взрывом скрипучего смеха принца.

Затем маркиз продолжал:

– В заключение Дженни публично заявила, что она не останется в долгу перед мужем и воздаст ему той же монетой, но с ростовщическими процентами. Конечно, чуть не весь цвет юной аристократии предложил баронессе себя в качестве орудия расплаты. Но пока что Дженни никого не удостоила. Она уверяет, что растерялась от богатого выбора и ни на ком не может остановиться. Когда король Карл рассказал мне все это, я заметил, что готовность лондонцев помочь баронессе меня не удивляет, так как Дженни Финч везде и всегда пользовалась головокружительным успехом. Мимоходом я упомянул, что и ваше высочество далеко не равнодушны к английской пташке. Король вспомнил, что сама Финч тоже проявляла несомненный интерес к герцогу Орлеанскому, и выразил готовность отправить ее ко двору герцогини в Париж.

– Господи, и это ты оставляешь на самый конец? – задыхающимся от волнения голосом произнес герцог. – И об этом ты упоминаешь как о чем-то побочном, несущественном?

Вард! Я не узнаю тебя, твоей дружбы! И ты не сказал королю Карлу, чтобы он не медлил, чтобы он сейчас же исполнил свое благое намерение? Ну так это сделаю я сам. Я сейчас же напишу королю Карлу...

– Боюсь, что теперь из этого ничего не выйдет, монсеньор!

– Но... почему?

– Да потому, что король Карл уже высказывает недовольство Францией в нидерландском вопросе.

Он готов видеть в двусмысленном положении нашего правительства предательство, особенно непонятное после всех прежних переговоров и взаимных уверений. Если Англия начнет войну одна, то наступят такое охлаждение и даже натянутость отношений между парижским и лондонским дворами, при которых будет уже не до таких дружеских услуг. К тому же король Карл едва ли будет склонен оказать такую услугу разумеет от своей сестры, что вы, ваше высочество отказываетесь употребить свое влияние в пользу совместности выступления обеих стран, да и вообще настроены против...

– Но я ровно ни против чего не настроен и ни от чего не отказываюсь! – с досадой воскликнул герцог. – Ты меня не так понял, Вард. Я только сказал, что Англия заинтересована тут больше Франции, но это не значит, что я не хочу оказать содействие интересам короля Карла, которого я очень люблю и ценю...

– Ну, так извиняюсь, что я не так осветил слова вашего

высочества! Значит, вы тоже согласны с нами, что на короля Людовика надо повлиять в этом отношении? Великолепно! Значит, вы стоите в своих интересах совершенно на одной плоскости с нами. У вас, так же, как и у нас, имеются свои личные счета, вы наравне с нами жаждете отстоять права высшей знати и, наконец, разделяете наш взгляд, на необходимость совместного выступления с Англией. Следовательно не только ничто не мешает, но, наоборот, все заставляет вас всецело примкнуть к нашему замыслу и посодествовать в первую голову устранению с пути проходимца-фаворита и выскочки-фаворитки.

– Друг мой, я, конечно, всецело ваш, да и, по правде сказать, ради одной возможности заполучить Дженни Финч уже готов пойти на все. Но не понимаю, чем я могу быть вам полезен в устранении Лавальер и д'Арка? Можно подумать, что ни яды не открыты, ни оружие не изобретено! Уж не готовите ли вы меня на роль наемного убийцы?

– Ваше высочество!

– Ну так будь добр высказаться яснее. Чего от меня ждут, чего от меня требуют и что мне предлагают?

– Ваша супруга, ее высочество герцогиня, предлагает вам взаимно забыть прошлое и объединиться с ней в честном и крепком, но строго политическом союзе, в котором каждая сторона – и вы, и ваша супруга – в отношении личной жизни будет пользоваться полной, бесконтрольной свободой при одном только условии соблюдения внешних приличий.

– Принимаю это предложение с радостью и искренней готовностью!

– Теперь далее. Мы не отказываемся в случае нужды прибегнуть к яду или кинжалу, но в данный момент это было бы и трудно, и рискованно, и бесполезно. Должен вам сказать, что эта Лавальер играет в очень большую и рискованную игру. Представьте себе, ваше высочество, его величество пока еще ровно ничего не добился у этой извращенной ломаки!

– Да что ты говоришь, Вард!

– Невероятную, но сущую истину.

– Но я никогда не предполагал, чтобы Людовик мог согласиться играть такую глупую, унижительную роль!

– Да, и из этого вы можете заключить, насколько велико и опасно для нас влияние Лавальер на короля! Играя в целомудрие и неприступность, Лавальер может довести нашего пылкого короля до такого состояния, когда он готов будет заплатить за обладание ею любую цену. А этой ценой будет полное отстранение от двора всех, кто не лебезит перед фавориткой, и полный захват власти последней. Устранить фаворитку до того, пока надежды короля не будут осуществлены, – значит возбудить в нем адскую бурю страстей. Даже если виновники устранения не будут обнаружены (а это может легко случиться), король все-таки не откажется от подозрений в отношении нас, тем более что как ее высочество герцогиня, так и графиня де Суассон не удержались от открытого и публичного проявления своих чувств по отношению к

фаворитке, из-за чего у обеих высоких дам уже были столкновения с его величеством. Вы знаете короля, знаете, что он склонен считаться со своими подозрениями больше, чем с формальными уликами. Его величество всегда решителен, а в гневе уподобляется слепому, бьющему палкой по сторонам, не разбирая ни врагов, ни друзей. Что за толк устранить фаворитку и потерять даже последние остатки того, ради чего предпринято это устранение?

– Избави Бог! – с дрожью в голосе воскликнул герцог Орлеанский. – Да, теперь я понимаю, почему наше свидание должно было быть обставлено такой таинственностью! – Между тем, – все тем же деловым тоном продолжал Вард, – мы можем воспользоваться как раз тем, в чем теперь сила Лавальер. Нам известно, что король, обуреваемый страстью, несколько раз готов был сломить притворную стыдливость своей «пастушки», но каждый раз ей удавалось хитростью или сантиментальными уговорами уберечься от его домогательств. Если в один из таких моментов, когда расчеты короля только что потерпят крушение, его толкнуть в объятия другой женщины, то король не найдет в себе силы противостать соблазну. Но, отдав свою страсть другой, его величество в первый момент охладит к Лавальер, ее чары уже не будут так полновластно царить над его величеством. Мы же примем меры, чтобы охлаждение продлилось. Для этого мы воспользуемся известной вашему высочеству брезгливостью короля, не терпящего никаких уродств и недостат-

ков кожи. Достаточно будет подsunуть белолицей пастушке особую мазь вместо туалетной, и ее лицо покроется прыщами. Пройдет неделя, пока прыщи сойдут. Тут король опять «случайно» встретит свою обольстительницу, ему непременно придет в голову, что сопротивление Лавальер делает ее скучной, и... Но если в тот момент, когда король выйдет из объятий красавицы, ему сообщат, что его недоступная «пастушка» умерла от болей в желудке, он не испытает особого горя, и со всей историей будет кончено навсегда. Тем временем поспеет война с Голландией, это отвлечет короля, опасность будет устранена окончательно, и мы заживем в покое и удовольствии, а ваше высочество в объятиях Дженни Финч найдет достойную награду за хлопоты и беспокойство!

– Гм... Конец нравится мне в этой истории больше всего! – посмеиваясь, ответил герцог. – Но тут имеется один пункт, возбуждающей во мне сомнения. Ваш план очень хорош, однако он построен на том, что король не устоит перед соблазнительной красоткой, в объятия которой вы его толкнете. Но, друг мой, не забыли ли вы мудрого кулинарного рецепта: «Для приготовления вкусного паштета из зайца надо прежде всего... иметь зайца»?

– Мне приходилось слышать нечто другое в этом же роде, монсеньор. Народная мудрость утверждает, что искусство в том и заключается, чтобы приготовить вкусный паштет из зайца, не имея зайца! Но это неважно, потому что заяц у нас готов; все дело в том, чтобы суметь подать его величе-

ству вкусный паштет в минуту острого голода. И вот для этой цели нам и нужна ваша помощь. Совершенно случайно ее высочество увидела при исключительных обстоятельствах, о которых сейчас не буду говорить, девушку редкой, классической красоты. Жанна Риколь, как ее зовут, была грязна и оборванна до ужаса. Кроме того, плохое питание и побои дружков самого низкого сорта сделали ее немного тощей. Но сложена эта Жанна изумительно, с нее можно лепить статую Венеры! Девочка попала в грязную историю: в минуту ссоры она пырнула друга ножом и ей предстояла смертная казнь. Герцогиня взяла Жанну под свое покровительство, но предупредила, что только рабское повиновение, слепое исполнение ее приказаний избавит преступницу от кары. Девочка страстно хочет жить и будет исполнительна, как выдрессированная собака. Теперь она живет за городом в строжайшей тайне. К Жанне приставлены опытная старуха, растирающая ее мазями для улучшения кожи, балетмейстер, обучающий ее танцам, и доктор, следящий за тем, чтобы девочка пополнела, но не слишком. Ее высочество уверена, что Жанна Риколь после этих забот превратится в истинное чудо красоты. При этом нет опасности, что король увлечется ею без меры: больше двух недель его страсть не продержится. Таким образом, паштет готов, важно подать его вовремя. Ее высочество решила, что это сделаете вы. Вы припишете себе честь открытия красотки. Ее высочество надеется, что не далее как завтра вы напишете королю шутивное письмо, в ко-

тором выскажете радость вскоре повидать его и мимоходом сообщите, что вам удалось открыть истинное чудо. Это чудо вы везете в Париж и покажете при случае королю. Чтобы заинтересовать его величество, одной красоты мало – девчонка должна будет произвести свой эффект потом, теперь же его величество ведет себя истинным монахом. Потому ее высочество придумала устроить Жанне две родинки на груди в виде королевских лилий. Быть может, вы слышали, что в Париже жил восточный знахарь, который продавал особое средство для искусственного наведения родинок вместо накладных мушек. Вот эти родинки в виде королевских лилий и будут тем чудом, которое заинтересует короля. Для того чтобы показать Жанну Риколь во всей красоте вы, ваше высочество, устроите...

– Довольно, довольно, милый Вард! – с отчаянием в голосе воскликнул герцог. – Я не могу слушать долее, у меня и без того кружится голова от этого истинно дьявольского плана! Ну-ну! Я всегда знал, что Генриетта создана для политических интриг, но не думал, что она настолько дьявольски изобретательна. Я сделаю все, что вы хотите, но только сейчас дай мне покой. К тому же я смертельно хочу спать. Когда же я приеду в Париж, вы сообщите мне все детали, какие нужно.

– Ну что же, самое главное я сказал, остальное придет в свое время, – согласился Вард. – Только одно еще: ее высочество прислала со мной проект письма к королю.

– Вот это превосходно! Ну-с, а теперь пойдём, проводи меня до реки. Ты когда едешь?

– Завтра. А когда надо ждать ваше высочество?

Последний вопрос прозвучал совсем еле слышно, так как собеседники, видимо, отдалялись от очага; ответа Беатриса и вовсе не слышала.

Но это нисколько не огорчило ее.

– Теперь можно и спать лечь! – пробормотала она. – Беатрисочка была умницей и вполне заслужила покой и отдых!

IV

Мы расстались с Луизой де Лавальер⁴ в тот момент, когда король открыто подчеркнул исключительное положение «туреннской пастушки», заставив Генриетту Английскую предоставить «неудавшейся монашке» отдельные апартаменты с Полиной д'Артиньи в качестве компаньонки-подруги. Этим король сразу ставил Луизу в ранг признанной фаворитки, хотя, ради соблюдения внешнего декорума, Луиза и Полина все еще считались состоящими в штате фрейлин герцогини Орлеанской и при официальных случаях фигурировали наравне с остальными.

Каждый такой случай, когда Луизе приходилось отбывать дежурство при Генриетте, превращался для девушки в истинную Голгофу. С первого момента открытого признания Луизы фавориткой короля часть общества, вдохновляемая Генриеттой и графиней де Суассон, стала в открыто-враждебную позицию к «пастушке». Остальные, особенно женщины рангом пониже, на первых порах не показывали недоброжелательства, но так как при дворе не было ни одной мало-мальски молодой и привлекательной женщины, которая не мечтала бы о королевских объятиях и не считала бы себя наиболее достойной для роли фаворитки, то внутренне

⁴ См. роман того же автора «Шах королеве».

против Луизы было настроено подавляющее большинство. Будь Лавальер человеком другого покроя, усвой она себе мудрость пословицы «с волками жить – по-волчьи выть», покажи она зубы, – недоброжелательство так и не было бы проявлено наружу. Но Луиза была робка, застенчива, скромна, она не гордилась королевской дружбой, а стыдилась ее. Поэтому, когда заметили, что фаворитка не только сама не способна защищаться, но даже не решается искать защиты у короля, недоброжелательство стало проявляться совершенно открыто, и если мстительная итальянка, графиня де Суассон, позволяла себе очередную глумливую выходку против «неудавшейся монашки», то неизменно встречала благодарную аудиторию.

В конце концов безобидность Луизы притупила у большинства желание насмеяться над нею. Но тут распространилось сенсационное открытие, которое снова подняло целую бурю насмешек и глумлений.

Берта, камеристка Луизы, вертлявая и до мозга костей испорченная парижанка, клятвенно заверила своих подруг, что между королем и Луизой ровнешенько ничего нет. Она, Берта, неоднократно пряталась в укромные уголки для наблюдения за королем и его подругой, но каждый раз видела только, что они проводят время так, как если бы были не влюбленными, а родным братом и сестрой.

От камеристок это известие дошло до фрейлин, от фрейлин – до статс-дам и самой герцогини Орлеанской. Берту вы-

звали и стали расспрашивать.

– Но что же они делают наедине? – задали удивленный вопрос любопытные.

– Сидят, читают, поют, говоря друг другу стишки, – ответила Берта. – Любимая поза короля – на подушке у ног барышни. Он сидит, положив голову к ней на колени, а она читает ему стихи или поет про пастушков да пастушек!

– Ах, пастушка! Ну и пастушка! Настоящая пастушка! Да она и в самом деле рождена для монастыря! – ахали в смеялись дамы.

Но на Генриетту и Олимпию де Суассон это известие произвело потрясающее впечатление. Обе они не придавали значения увлечению легкомысленного Людовика и предполагали, что любовный чад скоро рассеется в его сердце. Между тем дело оказывалось серьезнее. Обе они знали, что король – большой практик в делах любви и в этой области всецело придерживается принципа «соловья баснями не кормят». Если такой человек довольствуется платонической любовью, если он, пылкий и прозаичный, «сыт баснями», значит, чувство, внушенное ненавистной «пастушкой», глубоко и сильно. Под влиянием этого Генриетта и Олимпия, еще недавно непримиримые враги, теперь сблизились и заключили тесный союз. Читатели, вероятно, помнят, что графиня не Суассон, рожденная Манчини, некогда оскорбленная в своих лучших надеждах связать короля-юношу чарами своего пышного тела, поставила своей задачей мешать ему во

всех его любовных замыслах. Не имея ничего против Генриетты лично, Олимпия из ненависти к королю выслеживала юную герцогиню и натравляла на нее ее мужа, Филиппа Орлеанского. Теперь Генриетта получила чистую отставку, и ничто уже не лежало между обеими женщинами, наоборот – общность переживаемых чувств связала их. И они заключили тесный «оборонительный и наступательный» союз, причем Олимпия даже уступила из числа своих двух дружков одного – Армана де Гиша – Генриетте, довольствуясь Шарлем де Бардом.

Генриетта с Гишем и Олимпия с Бардом составляли тайный комитет, поставивший своей задачей разлучить короля с Луизой де Лавальер и жестоко проучить «коварную девчонку». Заодно было решено управиться также и с Ренэ д'Арком. Генриетта, совершенно забывая, какую услугу оказал ей этот юноша, считала, что он всем обязан ей, и была возмущена и оскорблена, когда герцог решительно и резко отказался вступить в заговор. Счеты остальных с Бретвилем известны читателю: Бард не мог простить позор поражения в поединке; Гиш злобствовал, что Ренэ вторично вытеснил его, Армана, из сердца короля; для ненависти Олимпии было достаточно, что д'Арка любил король. Но, конечно, в первую голову должна была пострадать Лавальер, и все планы «комитета четырех» были направлены против нее. В конце концов комитет разработал план, уже известный из прошлой главы, и решил привлечь в качестве пятого члена герцога Филиппа

Орлеанского.

Кроме четырех, а потом пяти членов комитета к услугам заговорщиков было довольно много лиц, не посвященных во все планы и замыслы комитета, но содействовавших этим замыслам за плату – из корыстных побуждений или из пустого угодничества. Самыми важными сотрудниками считались Христина де ла Тур де Пен, кружившая голову Ренэ д'Арку и рассчитывавшая выскочить за него замуж, и Берта, получавшая щедрую мзду за шпионство.

Таким образом, Луиза де Лавальер была окружена врагами, недоброжелателями и шпионами со всех сторон. Она была страшно одинока и с горечью сознавала, что, кроме д'Артиньи, у нее нет ни одной подруги, как, кроме д'Арка, нет ни одного истинного друга. Впрочем, и Ренэ тоже был плохим утешением. Как ни привязан был он к всеми гонимой и обижаемой Лавальер, его слишком поглощала игра кокетливой Христины. Вообще, последняя причиняла много боли и огорчений Бретвилю. Она то опаляла юношу нежной лаской, то вдруг становилась холодной, высокомерной и нарочно возбуждала его ревность вольным обращением с другими мужчинами. Когда же Ренэ делал ей упреки, она высокомерно отвечала, что признает право контроля за женихом или мужем, но больше ни за кем. Ренэ не раз уже готов был выговорить слово, которого так ждала от него де ла Тур и которое дало бы ему право контроля, но каждый раз неясные сомнения удерживали его от решительного шага. Сколько раз

Ренэ давал себе слово порвать с ветреной девицей, скинуть с себя ее чары, но призывная улыбка хитрой кокетки будила в пылком гасконце самые низменные, самые неукротимые инстинкты, и он опять, словно бабочка, летел на огонь. Однако, вернувшись после мучительного свидания, Ренэ снова давал себе зарок не видеться больше, в сотый раз внушал себе, что в нем даже нет любви к Христине, что его лишь обуревают самая низменная страсть. Но раздавался новый призыв, и все сомнения сейчас же забывалась.

От этой игры у Ренэ оставалось слишком мало времени для Луизы, и бедная фаворитка порой готова была биться головой о стену в минуты отчаянья. Выпады против фаворитки короля все учащались, нередко бывало, что Луиза убежала к себе в комнату вся в слезах, и около нее не было никого, кому она могла бы излить свое горе. Да, никому! У Полины, по-видимому, было тоже что-то угнетавшее, и, поглощенная своим тайным горем, она была плохой поверенной для горя чужого.

А были моменты, когда Луизе становилось совершенно невмочь и когда, словно назло, Полина бывала особенно угнетена. В один из таких моментов мы и застаем вновь нашу героиню.

В этот день у герцогини Орлеанской был интимно-парадный завтрак в честь английского дворянина, приехавшего из Лондона с письмом короля Карла к сестре. Лавальер как раз была дежурной в этот день вместе с Шимероль. Не будь та-

кого случая, последняя справилась бы с дежурством одна, но официальный характер обеда требовал присутствия обеих дежурных, а Луиза, не желавшая пользоваться в службе преимуществами своего особого положения, не хотела просить кого-нибудь заменить ее. И вот в этом-то и раскаивалась она теперь!

Церемониал требовал, чтобы на подобных полуофициальных торжествах шествие распределялось так: впереди шел церемониймейстер с жезлом, за ним – герцогиня с гостем, затем в последовательном порядке – камер-пажи, старшая статс-дама, две дежурные статс-дамы, дежурный камергер и две дежурные фрейлины. За фрейлинами шли приглашённые на завтрак или обед, потом более или менее интимные приятельницы герцогини, а в самом конце – свободные от дежурства фрейлины и прочие чины двора, имевшие раз навсегда приглашение украшать собой стол Генриетты.

В этот день Луиза немного запоздала, и шествие уже выравнивалось. Позади Шимероль шла единственная посторонняя гостья – старушка Версаль, представительница рода, традиционно служившего всем четырем ветвям герцогов Орлеанских.⁵ Версаль продвинулась слишком далеко вперед

⁵ Филипп, брат Людовика XIV, был родоначальником четвертой семьи Орлеанидов. После того как Филипп, пятый сын Филиппа Валуа, получил в апанаж (владение недвижимыми имуществами членов правящей в государстве семьи) герцогство Орлеанское и умер, не оставив потомства, этот апанаж вернулся в собственность короны. Вторично он был дан Людовику, брату Карла Шестого. С внуком Людовика Орлеанского, ставшим под именем Людовика XII француз-

и стала почти рядом с Шимероль. Заметив такое нарушение этикета, Луиза поспешила вперед, вежливо отстранила Версаль и стала рядом с подругой.

Вдруг сзади послышался громкий голос графини де Суассон:

– Я всегда знала, что Лавальер хрома, но что она слепа как курица, до сих пор мне не было известно!

– А почему вы думаете, что она слепа? – спросила маркиза де Берси.

– Да чем же, как не слепотой, можно объяснить, что эта особа позволяет себе толкать и забегать вперед дам, несравненно более почтенных, чем она, и уж, во всяком случае, не скомпрометировавших себя распутством!

У Луизы вся кровь хлынула в голову слезы выступили на ее кротких глазах от этого оскорбления. Она беспомощно обернулась по сторонам, как бы отыскивая хоть единственное дружеское лицо, могущее заступиться за нее. Но вместо этого ей пришлось выслушать брошенный ей в упор ответ маркизы де Берси, обращенный к графине де Суассон:

– Она, вероятно, думает, что де Версаль превышает ее только количеством своих заслуг, тогда как специальные заслуги Лавальер важнее по качеству!

Тихий, но дружный смешок окружающих был ответом на

ским королем, герцогство снова вернулось в собственность короны. После почти столетнего нахождения в собственности короны оно опять стало апанажем брата Людовика XIII – Гастона, со смертью которого перешло наконец (1660 г.) к четвертому и последнему родоначальнику Орлеанидов – Филиппу.

эту новую гнусность.

Луиза побледнела как полотно, и, хотя церемониймейстер уже стукнул троекратно жезлом, оповещая о приближении герцогини и начале шествия, она, совершенно расстроенная, резко выступила из рядов и на глазах герцогини Орлеанской и ее гостя вышла, не поклонившись, из зала.

Придя к себе, она истерически разрыдалась; Полине удалось немного успокоить подругу, но затем ей надо было уйти по своему делу, и Луиза опять осталась наедине со своими невыносимо-грустными мыслями. По мере того как день склонился к вечеру, Луизе становилось все тяжелее на душе.

Вдруг звук знакомых шагов заставил ее ожить и насторожиться. Вот скрипнула рукоятка двери, и на пороге комнаты обрисовалась высокая, стройная фигура короля.

– Возлюбленный Людовик! Обожаемый король мой! – с истерической радостью крикнула Луиза и, охватив обеими руками шею кинувшегося к ней короля, вдруг жалобно, по-детски заплакала.

– Луиза, дорогая, светлая моя, что с тобою? – встревожено спросил Людовик, усаживая девушку на кушетку и подсаживаясь к ней. – Тебя, наверное, опять кто-нибудь обидел? Ну, скажи мне, я навсегда отобью охоту у этих ведьм обижать мою незлобивую пастушку!

– Нет, ничего, – глотая слезы, ответила девушка, – просто мне взгрустнулось без тебя, божество мое!

– Неправда, Луиза, неправда! – горячо перебил ее ко-

роль. – Ты опять берешься за старое и скрываешь от меня оскорбления, наносимые тебе! Ты не хочешь понять, что кротость обезоруживает волков и дикарей, но таких ведьм, как все эти аристократические негодяйки, только воодушевляет на новые мерзости! Однако мне это надоело! Так как причиной твоих слез обыкновенно бывает герцогиня Орлеанская, то я сейчас же отправлюсь к ней и потребую ее к ответу!

Король резко повернулся к дверям, но Луиза в испуге крикнула:

– Божество мое! Это не ее высочество!

– А! Так все-таки? Ну, так кто же? – спросил Людовик и, видя, что Луиза не отвечает, опять сделал движение в сторону дверей, говоря: – Что же, придется все-таки обратиться к Генриетте!

– Людовик! Возлюбленный мой! – ласково заговорила Луиза, подойдя к королю и положив ему руку на плечо. – Обещай своей маленькой Луизе, что ты не будешь поднимать историю, и я тебе все расскажу!

– Хорошо, хорошо! Говори! – нетерпеливо ответил Людовик, обнимая девушку и снова подводя ее к кушетке.

Луиза, при воспоминании об оскорблении вновь пережившая всю остроту испытанного ею позора, не могла сопротивляться больше и передала королю происшедшую в герцогском зале сцену.

– Какая низость, – крикнул он и с мрачным видом отошел

к открытому окну.

– А, главное, понимаешь, возлюбленный мой, меня мучает, что, как бы я ни поступила, предлог для оскорбления найдется всегда. Если бы я не поспешила занять свое место, графиня, наверное, сказала бы, что я считаю себя вправе занимать место почетных гостей. Но что с тобою? – испуганно спросила она, заметив как вздулись жилы на висках короля, сверкающим взглядом смотревшего в парк.

– Ну погоди только у меня! крикнул Людовик и стремглав выбежал из комнаты.

Луиза подошла к окну и увидела, что по дорожке задумчиво идет Олимпия де Суассон. Смертельно испуганная Лавальер прижалась за гардиной и стала ждать, что будет.

Но вот показалась дышавшая гневом фигура короля. При виде его графиня сделала установленный реверанс, но Людовик, не обращая внимания на поклон, начал сразу и в сильно повышенном тоне:

– Слушайте! Что это за новые выходки по отношению к девушке, которая в тысячу раз лучше и чище, чем вы? Да как вы смеете! Или я уже не король в своем королевстве? Или Бастилия переполнена так, что там не найдется местечка для вас?

– Вы – король в своем королевстве, и в Бастилии хватит, вероятно, места для многих. Но я позволю себе поставить на вид вашему величеству, что не привыкла, чтобы на меня кричал кто бы то ни было, будь это сам король или хоть Папа

Римский!

Всю эту фразу графиня произнесла ровным, спокойным голосом, не отрывая от Людовика поднятого в упор взгляда холодных глаз.

Король словно остолбенел от этой наглости. Несколько секунд прошло в томительном молчании; наконец Людовик заговорил, хотя и взбешенным, но значительно сдерживаемым голосом.

– Сегодня же чтобы вас не было при дворе!

Олимпия пожала плечами и ответила:

– По получении указа вашего величества об изгнании я немедленно уеду задержавшись только на несколько минут, чтобы проститься с ее величеством королевой-матерью, в распоряжении которой я состою, и чтобы объяснить ее величеству истинную причину постигшей меня немилости!

Опять прошло несколько секунд, во время которых Людовик безмолвно мерил огненным взглядом дерзкую итальянку. Потом он резко повернулся и ушел, не прибавив ни слова.

Олимпия повернулась, в свою очередь, и пошла дальше, словно ничего не случилось.

Вернувшись к Луизе, Людовик молча и мрачно зашагал по комнате.

– Эта змея знает, что матушка больна и что я не стану волновать ее величество! – раздраженно произнес он, оставившаяся и нервным движением оправляя кружевной воротник. Затем он снова заходил по комнате и вдруг буркнул

через некоторое время: – И сказать, что ты хромаешь! Какая гнусная клевета! Правда, ты припадаешь немного на одну ногу, но это придает лишь особое очарование и грацию твоей бесконечно милой походке!

– Я знаю, божество мое, что ты готов обратить мне в похвалу даже мои недостатки! – ответила Луиза кротким, бесконечно мелодичным голосом. – Но успокойся, возлюбленный мой! Лучше присядь ко мне, и я почитаю тебе что-нибудь из наших любимых поэтов!

Людовик послушно подошел к кушетке, бросил на пол подушку, уселся у ног Луизы и положил свою голову к ней на колени.

Ласково погладив короля по голове, Лавальер взяла с ближайшего столика золотообрезный томик, раскрыла его и стала читать:

Под сенью твоих мирт, у вод ручья кристальных
С пастушкой пастушок вкушает сладость встреч.
На искристою сеть игры лучей прощальных
Взирая, Флоридор такую держит речь...

– Луиза! – дрожащим голосом спросил вдруг Людовик, прерывая ее чтение и с пламенем во взоре взглядывая на склонившуюся над ним девушку. – Луиза, почему... ты не хочешь подарить меня высшим счастьем?

– Людовик! – с кротким упреком произнесла Лавальер. – Ты обещал мне...

– И я держу свое обещание, ты видишь! Я ведь только спрашиваю: почему? Почему ты предпочитаешь эти муки, эти томления полному, разделенному счастью? Почему ты непременно хочешь, чтобы я горел, изнывал на огне изнуряющей меня страсти? Почему ты непременно хочешь прикрываться службой у герцогини и терпеть все эти подлые глумленья? Я увез бы тебя в Париж, целый дом был бы к твоим услугам, ни одна душа в мире не осмелилась бы кинуть на тебя косой взгляд. Но ты не хочешь. Почему?

– Возлюбленный мой, я уже столько раз отвечала тебе на эти вопросы! Разве не говорила я тебе, что ради твоего счастья, твоего покоя, даже ради одной минуты пережитого тобой восторга я с радостью пожертвовала бы спасением своей души и пошла бы на то, что считаю тяжким грехом. Но у меня есть мать, которая не переживет, если я изменю долгу девичьей чести, а ее счастьем я жертвовать не вправе! Нет, отгони от себя, божество мое, все эти мятежные, знойные думы и позволь мне отвлечь тебя от изнурительных бурь страстей в безмятежное лазурное царство пасторальной поэзии!

Луиза снова взялась за книгу и продолжала:

Взгляни, любовь моя, уж гаснет луч закатный
На бархатных крылах спешит с востока ночь,
И тихий ветерок...

– Нет, – воскликнул Людовик, вскакивая и снова прерывая чтение. – Все равно, пусть ты не хочешь быть совсем мо-

ей, но я не потерплю больше, чтобы ты и далее продолжала сидеть в этой змеиной клетке! Я сегодня же распоряжусь, чтобы тебе приготовили здесь совершенно отдельное помещение, а для того, чтобы ты не была так часто одна, надо найти для тебя кого-нибудь... только не из здешних. Ну, да мы там увидим! Нет, нет, не пытайся спорить и возражать, это ни к чему не приведет! Я так решил, и так будет. А теперь ты уж извини меня, Луизочка! Я взволнован, расстроен и совершенно не могу отдаваться поэзии!

С этими словами король ласково поцеловал Луизу в лоб и поспешно вышел из комнаты.

V

«Все к лучшему в этом лучшем из миров», – подумала Беатриса Перигор, вторично просыпаясь под гостеприимным кровом гостиницы «Золотой осел» в Божанси.

Действительно, если болезнь Тибо отдалила молодую девушку от достижения, так сказать, географической цели ее путешествия, зато непредвиденная задержка в Божанси значительно облегчала ей достижение той затаенной цели, ради которой все это путешествие было предпринято. Ведь, отправляясь в этот путь, Беатриса даже не представляла себе, каким именно образом она возьмется за осуществление своих тайных надежд, и полагалась на свое пронырство да на благоприятный случай. И вдруг этот случай послал ей сразу знакомство с тайной интригой первейшей важности, с целым планом, который сам собой предопределял также и план ее действий. Таким образом, задержавшись на день, она выиграла по крайней мере месяц, если не больше.

Впрочем, счастье, очевидно, решило благоприятствовать юной героине по всей линии, потому что скоро выяснилось, что задержка на сутки ускорила ее путешествие по крайней мере на три дня. Из разговора Варда с хозяйкой гостиницы Беатриса узнала, что королевский двор проживает в Фонтенебло. Это привело девушку сначала в кислое настроение, особенно когда ей сказали, что Фонтенебло располо-

жено приблизительно в двадцати лье от Парижа. Когда же ей объяснили, что летняя резиденция короля находится в этом расстоянии не минуя Париж, а не доезжая до него, Беатриса окончательно была готова благословлять свою задержку. Не заболей от переутомления Тибо и не остановись они здесь на лишние сутки, она легко могла бы проехать прямо в Париж, а затем принуждена была бы возвращаться оттуда обратно. Теперь это открытие сокращало для нее путь на двойное расстояние: Париж – Фонтенебло, то есть на сорок лье!

Вообще все складывалось очень хорошо. Старый Тибо совершенно отдохнул и оправился и был тем же прежним Тибо, который какой-нибудь год тому назад несся во весь опор на бешеном скакуне, чтобы разыскать герцога д'Арка и призвать его на помощь похищенной Тремулем Беатрисы. Лошади наших путешественников тоже отдохнули и отъелись на отборном божансийском овсе, и, таким образом, остаток путешествия превратился в приятную и легкую прогулку.

В Фонтенебло Беатриса прибыла в середине дня и, заняв номер в гостинице «Королевская лилия», сразу взялась за дела высшей важности. Первым делом была командировка слуги из гостиницы в королевский замок за Жаком Мароном, одним из слуг гардеробмейстера Луи, а вторым – заботы о своем туалете, которым и занялась девушка в ожидании Жака.

В то время дамский туалет требовал не меньше (если не больше только) хлопот, чем теперь. Особенно много време-

ни отнимала голова, так как тогдашняя прическа зачастую представляла собой истинное архитектурное чудо, а лицо – даже самое юное я свежее – непременно требовало разрисовки. Правда, Беатриса, вообще отличавшаяся большой самостоятельностью мышления, не портила своих нежных щек красками и ограничивалась лишь тем, что слегка трогала черным карандашом нижние веки. Но от обязанности наклеивать на лицо мушки даже и она не чувствовала себя избавленной. А каждая мушка, наклеиваемая в соответствующее место, имела свой символический смысл, свое название и служила известным выразителем. Так, мушка, наклеенная около уха, называлась «жажду страсти», а в уголке рта – «люблю целоваться». Мушка, наклеенная на одну из губ, называлась «кокетка», на нос – «отчаянная», в середину подбородка – «не прочь от интрижки», на лоб – «величественная». Это были основные категории, но были также и переходные формы, а также целые комбинации.

Собственно говоря, если вспомнит читатель, уже сама природа весьма прозорливо заклеимила Беатрису естественной мушкой – родинкой, приходившейся на полудороге между «не прочь от интрижки» и «люблю целоваться». Но одной было мало, а выбор места для другой представлял собой некоторые затруднения. Ожидая повидать в тот же день Ренэ Бретвиля, Беатриса по праву могла бы наклеить мушку около уха; если же принять во внимание особенности ее характера, то ей было бы вполне естественно украсить мушками и

губу и нос. Но Беатриса отнюдь не желала пускаться с первого шага на какие бы то ни было признания и откровенности, а потому в конце концов склонилась в сторону неопределенности и торжественно приклеила мушку на середину щеки. В этот момент ей как раз доложили, что явился Жак Марон.

Это был сын старой домоправительницы Перигоров. Он с детства считал себя принадлежавшим к их семье и был всей душой предан отцу Беатрисы, а ее саму любил до обожания. Еще бы! Разве мало было ему хлопот с капризной и своенравной девчуркой, умевшей чуть не с самого рождения заставлять весь дом плясать под ее дудку!

Лет десять тому назад Жак уехал в Париж и поступил к Жоржу Луи. Сметливый и расторопный малый, Марон устроился превосходно, но это не заставило его порвать связи с Перигорами, и время от времени Жак наезжал на родину в Тарб, чтобы повидать старуху-мать и «поклониться барину да барышне». Последний раз он был как раз во время отъезда в Париж герцога д'Арка, и в этот его приезд Беатриса осчастливила Марона важным и ответственным поручением.

– Ну вот видишь, Жак, – сказала Беатриса после первых приветствий и проявлений дикого восторга со стороны Марона, – я сдержала свое слово и приехала к вам. Я привезла тебе от твоей матери тысячу поклонов и поцелуев, а также целый тючок всякой снеди. Можешь взять посылку у Тибо. А теперь, не теряя времени, изволь докладывать, что ты сделал для меня.

– Да что же, барышня? Многим похвастать не могу! – ответил Марон. – Его светлость герцог Ренэ ведет себя так примерно, что второго такого здесь и не найдешь. Только уж очень он горд и, чуть что, сейчас берется за оружие. Но это он только со знатными господами, а с простым человеком всегда добр и снисходителен...

– Постой, милый Жак, – перебила его Беатриса, – качества герцога мне известны, как тебе ведомо, лучше тебя. Точно так же я отнюдь не поручала тебе следить за нравственностью его светлости, нет, мне, как я тебе уже говорила, важно вообще знать все, что касается его, и в особенности то, чего он, может быть, даже сам не знает.

– Я все это отлично понимаю, барышня, да ведь раз человек хорошо себя ведет, так про него и сказать много нечего. Вот я к чему это упомянул. Вот если бы я должен был докладывать вам про графа де Гиша, ну, так тут в три недели всего не перескажешь. А герцог – что? По службе аккуратен, что солнышко, в церкви бывает каждый раз, с дурными людьми не водится, разных дебошей над горожанами не чинит, над горожанками не озорничает, а когда есть свободное время, так у себя сидит да книжки читает. Ничего такого интересного нет!

– Ты забываешь, что, не зная, для чего я поручила тебе следить за герцогом, ты не можешь судить, что – интересно и что – нет. Мне нужно знать все. Прежде всего скажи: как его сердечные дела?

– Плохо, барышня! Скрутила его светлость нестоящая девчонка. Хоть и знатная барышня, а хуже какой простой!

– Ну вот видишь! А ты говоришь – «ничего важного»! Как ее зовут?

– Христина де ла Тур де Пен!

– Ух! В полгода не выговоришь! Она хороша собой?

– Как на чей вкус! На мой – вертлява и мозглява. Уж простите, барышня, на деревенском слове, а только, как у нас говорится, ни кожи, ни рожи в этой барышне нет – одни ужимки!

– Герцог ее очень любит?

– Трудно со стороны сказать, а только кажется мне, что его светлость больше самое любовь любит, чем эту барышню! Молод он очень, ну, и один! Сердце своего просит, а настоящей вблизи не оказалось, Тут кто первая подошла и улыбнулась, та и царица.

– А она его любит?

– Да что вы, барышня! Мне доподлинно известно, что девица де ла Тур смеется над его светлостью, называет его дураком и пентюхом. Да где такой и оценить-то!

– Значит, она просто от скуки с ним забавляется?

– Нет, она его на себе женить хочет. Она – сирота и бедна, как церковная крыса.

– А как себя ведет эта Христина? Нет ли за ней чего-нибудь?

– Ведет она себя, барышня, скверно – со всяким мужчи-

ной готова игру вести. Но только она никого до себя открыто не до пускает, и в прошлом году, когда ее захотел навестить не в урочное время королевский брат, герцог Филипп, она такой крик да шум подняла, что хоть святых вон выноси. Но только наш брат, слуга, прямо говорит, что это она из озорства да из расчета, а терять ей уж совершенно нечего. И хотя, наверное, никто про нее ничего сказать не смеет, а только кажется мне, что у нее нечисто дело с пажом герцогини Орлеанской – Филибертом Клери.

Беатриса достала записную книжечку, где уже не одна страница была посвящена заметкам, и вписала туда имя пажа. Затем она продолжала спрашивать:

– С кем дружит герцог?

– Так особенно ни с кем, барышня. Увиваются около него многие, потому – известное дело, в чести у короля, а настоящей дружбы как будто нет. Еще с моим хозяином, а вашим дядюшкой, они часто беседуют. Ну, с герцогом Сент-Эньном они тоже довольно хороши. А так, чтобы особенно – нет.

– Ну-с, а как он с Луизой де Лавальер?

Жак кинул на Беатрису удивленный взгляд и с некоторой растерянностью произнес:

– Вы, барышня, уже знаете? Неужели до вас дошло? Да когда бы это успелось? Ну, с барышней Лавальер их светлость очень дружны и даже за нее шпагу обнажили, но только... Как бы это сказать? Ну... похоже, что герцог немного... не то, что брезгует, а... дескать, мол, «не подумай, что я через

тебя чего-нибудь ищу».

– Ну, еще бы! Ах, Бретвиль, Бретвиль! Там, где другой сразу выбился бы в люди, ты будешь вызывать из могил все семьдесят семь тысяч предков! Ну, а сама Лавальер? Какова она?

– Хороша и добра, как ангел! От барышни де ла Тур все горничные плачут, у барышни же Лавальер людям не житье, а чистый рай. Да только судьба несправедлива! У барышни Христины не горничная – золото, а все же ей плохо живется, у барышни же Луизы первая камеристка – не девка, а черт, и кажется мне, что Берта продает свою госпожу!

– Берта – вероятно, имя горничной? Но что значит «продает»?

– Да ведь это разве только король не видит, а так всякий из нас знает, что за барышней Лавальер охотятся герцогиня Орлеанская да графиня де Суассон.

– Это я уже знаю. Ну а так еще можешь ты сообщить мне что-нибудь?

– Не придумаю, барышня.

– Ну может, потом надумаешь, так скажешь. Во всяком случае – большое спасибо тебе, Жак. Я очень рассчитываю на тебя в будущем. Ты согласен помочь мне?

– И вы еще спрашиваете, барышня?

– Но порой мои поручения будут трудны и опасны, Жак!

– Даже если они будут стоить мне виселицы, для вас, барышня, я пойду на все!

– Я была уверена, что не ошибусь в тебе, Жак! Еще раз от души благодарю тебя. Теперь ступай и сообщи о моем приезде дяде и герцогу. Я хотела бы повидать их!

– Господин Луи теперь занят и освободится не ранее как через час или два, а герцог свободен. Но... не лучше ли будет, если его светлость не узнает о том, что я был первым у вас? Мне ведь придется и впредь следить... Может, вы, барышня, напишете ему два слова, а я велю передать записку через другого лакея?

– Ты – умница, Жак! Подожди немного!

Беатриса написала записку и вручила ее Жаку.

Через полчаса в комнату быстрой, взволнованной походкой вбежал Ренэ Бретвиль.

– Беата, милая Беата! – радостно произнес он... – Вы здесь? Какой приятный сюрприз!

– Я тоже очень рада видеть вас, Ренэ... – начала молодая девушка, во вдруг запнулась и с комическим испугом отступила назад. – Впрочем что это я? Вы ведь теперь стали важным господином, и такая короткость со стороны захудалой провинциалки...

– Не надо говорить так, Беата, – серьезно и просто ответил Ренэ, подходя и целуя руку девушки. – Та неделя, которую мы провели вместе в Бретвиле под угрозой именуемой опасности, скрепила нашу дружбу крепкими узами...

– Друг мой, – перебила его Беата, – я очень рада, что вы остались для меня прежним Ренэ, но к чему вы спешите на-

помнить мне про свое благодеяние, которого я и так не забыла? Ну да оставим это! Так вот, раз уж вы допускаете, чтобы я, простая мешчанка, пользовалась вашей светлейшей дружбой, то я хочу осуществить права друга в полной мере. Я не забыла, чем обязана вам, и нарочно приехала, чтобы быть в свою очередь полезной вам. И первым делом я начну с того, что отчитаю вас по всем статьям за ряд глупостей, которые вы наделали!

– Вы? Меня? – воскликнул Ренэ, невольно улыбаясь. – А вы – все прежняя, Беата!

– И не собираюсь меняться! Садитесь и держите отчет! Прежде всего, что за ерунду вы затеяли с Христиной де ла Тур де Пен?

У Ренэ вытянулось лицо, и от изумления он в первый момент потерял дар слова. Затем он спросил:

– Вы давно здесь, в Фонтенебло?

– Часа полтора-два!

– Но вы заезжали в Париж?

– Не имела ни малейшей охоты!

– Ну, так вы прожили некоторое время где-нибудь в окрестностях?

– Я ехала из Тарба не останавливаясь.

– Так, значит, вам сказал об этом мсье Луи?

– Я известила дядю о своем прибытии одновременно с вами.

– Но тогда я окончательно ничего не понимаю! Откуда вы

знаете...

– Друг мой, если вы будете допытываться, откуда я что-нибудь знаю, то совершенно понапрасну потеряете массу времени и ничего не добьетесь. Удовольствуйтесь тем, что я знаю очень-очень многое – больше, чем вы. Скоро я вам докажу это, а как и откуда – пока я вам не скажу. Поэтому будьте добры ответить сначала на вопрос.

– Но я еще не слышал, в чем вопрос! Где именно глупость с моей стороны?

– Вы слишком серьезны, а эта самая Христина слишком бедна и расчетлива для простой любовной интрижки. Значит, здесь дело пахнет браком. Ну так глупость – в браке!

– Очень решительно, но совершенно не убедительно! Допустим, что вы правы. Но чем же Христина – не партия мне? Род де ла Туров насчитывал четырнадцать запротоколенных официальной генеалогией предков, род де Пенев – двадцать три. Когда в лице Жозефа Амедее де ла Тура и Христины Марии Луизы де Пен оба рода соединились в один, то их генеалогическое дерево дало еще шестнадцать незапятнанных колен. Христина – последняя представительница рода, ее фамилия должна быть присоединена к фамилии мужа. Таким образом, мой старший сын будет именоваться Бретвиль-де ла Тур де Пен, маркиз де Тарб, герцог д'Арк...

– А если вы назовете его еще вдобавок как-нибудь подлиннее, например – Никополеон Аполлинарий Афинодор-Хризостом Максимилиан Филиберт, то, пока ваш сын

успеет назвать себя до конца, представляясь кому-нибудь, его собеседник умрет от разрыва сердца!

– Беата! Вы позволяете себе шутить с вещами, священными для нас, родовитой аристократии! Но это понятно! У вас, мещан, нет традиций...

– Потише, Ренэ, не увлекайтесь! И у мещан тоже имеются свои традиции. Кроме того, ко мне это относится меньше всего. Правда, мой дед откинул дворянскую частичку «де», но это не мешало ему быть по рождению дворянином, и если он потерял права, то ведь и ваш дед тоже не мог достать официальный патент на герцогский сан. Моя покойная мать тоже была дворянкой, бедной сиротой, но ведь это происхождения не портит! Так что, если поискать да передумать, то предки найдутся и у меня!

– О, если бы они у вас были! – вырвалось у Ренэ.

– Что тогда? – быстро опросила Беатриса, но, заметив, как спохватился Ренэ, сейчас же перешла опять на прежний шуточный тон, продолжая: – Впрочем, это «если» меня несколько удивляет. Насколько мне известно, и я, и мои родители родились вполне естественным путем, а тут уж без предков дело не обойдется. Но дело сейчас не во мне. Итак, ваша Христина обеспечена хорошими приданым в виде трех с половиной дюжин добропорядочных предков. Великолепно! И этого одного для вас уже достаточно?

– Я вам о своей помолвке еще не объявлял, следовательно, обсуждать этот вопрос преждевременно. А относительно

родовитости девицы де ла Тур я упомянул потому, что, как вы, может быть, знаете, традиции рода Бретвилей требуют, чтобы жена старшего в роде имела родословное древо не менее как из десяти неопороченных и ничем не запятнанных колен.

– Так-с. А эти традиции не требуют, чтобы старший в роде носил вместе с герцогской короной... рога?

– Беата!

– Не раздражайтесь, друг мой, не краснейте и заставьте свои прекрасные глаза вновь вернуться в свои орбиты! Христина де ла Тур де Пен уже теперь смеется над вами. Я докажу вам это; на то я – и друг вам, чтобы удерживать вас от бесповоротных глупостей!

– Когда вы докажете мне...

– Тогда вы поблагодарите меня, и тогда мы можем возобновить разговор на эту тему! А теперь дальше. Скажите, Ренэ, вам не стыдно играть такую глупую роль по отношению к Луизе до Лавальер?

Ренэ опять с изумлением взглянул на девушку, а затем спросил:

– Если вы так уж осведомлены... Но в чем же здесь глупость?

– Да в том, друг мой, что вы совершенно не хотите самым благородным образом использовать всю эту историю для своего возвышения! Я знаю, вы скажете, что не желаете быть обязанным женщине, основывающей свое влияние на

расточаемых ласках. Но я отвечаю вам, что Лавальер не торгует собой; она искренне любит короля...

– Беата, да откуда...

– Не перебивайте меня! Ну-с, что бы там ни было, само слово «король» освящает уже столь многое, что излишняя щепетильность просто смешна. А главное, я не узнаю своего рыцаря в вас, Ренэ! Бедная Лавальер затравлена, одинока. Ну да, вы скажете, что не раз обнажали за нее оружие? Еще бы вы этого не делали! Но вы должны были бы отнестись с большим внутренним сочувствием к этой кроткой, гонимой девушке. Вы не смели ограничиваться ее защитой в тех случаях, когда на несчастную нападали при вас, а должны были стать на ее охрану от тайных козней...

– Пойдите, Беата, я не понимаю, какое в конце концов вам дело до всего этого?

– Самое простое. Вы спасли меня когда-то от Тремуля, я в благодарность спасу вас от самого себя, от вашей собственной неотесанности! Вы не заглядываете в будущее, друг мой! Правда, пока еще Лавальер ведет с королем пастушескую идиллию...

– Как? Вы знаете даже это?

– Но это скоро кончится, и тогда Лавальер займет высокое положение, будет пользоваться громадной властью. Преследования, которым она подвергается, в конце концов ожесточат ее, и она будет беспощадно рассчитываться со всеми врагами. Ну а вы знаете – Писание говорит: «Кто не со мной,

тот против меня!»! И всей вашей карьере будет конец! А из-за чего? Если рассмотреть хорошенько, то из-за того, что вы не захотели послужить как следует своему королю, не захотели в должной мере быть полезным хорошей, обижаемой, имеющей все права на лучшую участь женщине и не ударили пальцем о палец для того, чтобы исполнить священный долг всякого человека, то есть помочь любящим сердцам соединиться в полном союзе. Словом, выходит, что вы ведете себя крайне сдержанно, воображая, что того требует ваша рыцарская честь, а выходит совсем наоборот! Ну, говорите! может быть, я не права?

– Не знаю, Беата. Мне кажется, вы правы, но сейчас я вам ничего не могу ответить. Я не в состоянии отделаться от чувства безграничного изумления перед вашей осведомленностью, источник которой кажется мне просто волшебным, совершенно необъяснимым, а потому в моей голове все мысли спутались!

– Ну, а когда они придут в порядок и вы согласитесь, что я права? Готовы ли вы будете помочь мне тогда?

– Помочь? В чем именно?

– Ну хотя бы в том, чтобы разбить ухищрения врагов Лавальер и избавить ее от громадной опасности!

– Позвольте, да вы знаете Лавальер?

– В глаза ее не видала, но надеюсь познакомиться в самом непродолжительном времени!

– Окончательно ничего не понимаю!

– И не надо! Ответьте мне на вопрос!

– Ну, конечно помогу! Но поговорим о вас, Беата. Что вы предполагаете делать здесь? где жить? Ведь помещение вашего дяди не приспособлено для двоих, а жить одной...

– Видите ли, в точности я еще не решила. Меня интересует жизнь большого света, но как мне подойти к ней? Будь я чистокровной мещанкой, из меня вышла бы отличная камеристка. Будь я бедной дворянкой, я поступила бы к знатной даме. Но я – ни то ни другое! Впрочем, кое-какие планы у меня уже имеются. А вот и дядя спешит! – воскликнула Беатриса, заглянув в окно.

– Ну, так я уйду! – сказал Ренэ вставая. – Не буду мешать при родственном свидании, но надеюсь, что в дальнейшем мы будем часто видеться.

– О, конечно! – ответила Беата, провожая гостя.

Вслед за уходом Ренэ вошел мсье Луи.

– Стрекоза, Беаточка моя! – радостно воскликнул он. – Вот так сюрприз! Да как это ты надумала? надолго ли? зачем? Ну, да мы с тобой поговорим в другой раз, потому что сейчас мне страшно некогда – король дал мне поручение, весьма затрудняющее меня. Я пришел только расцеловать тебя.

– Постой, дядя, десять минут у тебя есть?

– Есть, но не больше...

– Ну, так ты только не отнимай времени разными «ахами» да «охами», а ответь мне на следующие вопросы: во-первых,

род де Перигоров окончательно потерял всякие патенты?

– Постой!.. Неужели ты приехала хлопотать о возвращении утраченного дворянства? Неужели Амедей на старости лет...

– Батюшка ровно ничего не знает, и я сама – сейчас по крайней мере – ни о чем хлопотать не собираюсь. Ты ответь мне только.

– Да, патенты утеряны.

– Ну, а родословное дерево сохранялось у тебя?

– Конечно, но оно не имеет силы.

– Не важно! А сколько колен в этой родословной?

– О, довольно много! Двенадцать! Но зачем тебе это?

– Дядя, да ты ведь сам говорил, что у тебя нет времени!

Лучше скажи мне вот еще что. Я не собираюсь уезжать домой, а жить мне здесь негде. Одной – неудобно, с тобой – негде. Между тем я, по своему общественному положению, не гожусь ни в прислуги, ни на службу к знатной даме. Но существует один исключительный исход, вполне соответствующий моему исключительному положению. Я слышала очень много хорошего о некоей Луизе де Лавальер. Ну, так не могла ли бы я устроиться как-нибудь при ней?

– Беата! Дитя мое! Ты ставишь меня в невозможное положение! Дело в том, что... Ах, ведь существуют вещи, которых не скажешь девушке твоих лет!

– О, дядя, мне ты можешь сказать все! – с комической наивностью произнесла девушка. – Все равно я обязуюсь под

честным словом продолжать и после этого верить, что детей приносит аист!

– Что я слышу! – в ужасе воскликнул старик, с отчаянием всплескивая руками. – И это – девушка из глухой, не тронутой парижской заразой, провинции! И это – дочь моего брата, дитя строгой и порядочной семьи! До чего мы дожили! Беата, уж не хочешь ли ты сказать, что ты знаешь...

– Что Луиза де Лавальер еще не стала любовницей короля, но станет ею непременно? О да, милый дядя, знаю! Но что тебя так ужасает? В чем, собственно, дело? Видишь ли, я смотрю на вещи так: особа короля для меня священна, и я не имею права осуждать его поведение. А если бы я считала, что Лавальер оскверняет себя отношениями к королю, то это было бы равносильно тому, как я сказала бы, что король делает нечто нехорошее. Следовательно, во имя исполнения долга верноподданной я должна считать, что Лавальер ничем не хуже других!

– Да она и не хуже, а лучше Но... нет, это совершенно невозможно!

Однако с Беатрисой было слишком мало сказать «невозможно»; она продолжала настаивать на своем.

Скоро случилось так, что, исчерпав все аргументы, добряк Луи должен был признать себя побежденным, сказав:

– Собственно говоря, поручение короля, о котором я говорил, в том и заключается, чтобы найти кого-нибудь для Лавальер. Ты-то как нельзя лучше подходишь ко всем тре-

бованиям, но только для тебя... Ах, да хорошо, хорошо! Все равно ты не выпустишь меня живым, пока я не соглашусь! Хорошо уж! Если король согласится...

Беатриса чуть не задушила старика своими объятиями да поцелуями, когда же он ушел, протанцевала по комнате какой-то совершенно фантастический и необузданный танец. Но она была так счастлива! Все складывалось как нельзя лучше, и если и дальше дела пошли бы так же, то она могла рассчитывать на быстрое и полное торжество!

VI

Отпор, данный Олимпией де Суассон королю, взволновал последнего гораздо больше, чем он сам думал. В нем заговорила уже не оскорбленная гордость, а другие чувства. О, что касается самой Суассон, то в случае чего Людовик не посмотрел бы ни на королеву-мать, ни тем менее на королеву-жену и жестоко расправился бы с дерзкой итальянкой. Но в тоне Олимпии он прочувствовал ожесточенную ненависть и сознание своей силы. В чем была эта сила? Не в эфемерной же надежде на защиту королев? И Людовик невольно подумал, что такие мегеры, как Олимпия, не остановятся ни перед чем. Не было такой гадости, такого преступления, которых не совершила бы Суассон по отношению к кроткой и беззащитной Лавальер, лишь бы отомстить ему лично за прошлую измену. Тут уже не помогло бы никакое наказание, никакие меры предупреждения. У Олимпии много друзей, всех не обнаружишь, не вышлешь, и в конце концов кто-нибудь да устроит подлость Луизе.

Нет, надо было принять охранительные меры, и эти меры пришли Людовику в голову во время чтения Луизы: следовало сейчас же перевести ее в отдельное помещение и найти подходящую женщину которая была бы и компаньонкой, и сторожем.

Первое – помещение – было легко найти, второе – было

уже труднее.

Первоначально король обратился с этим к Ренэ Бретвилю.

– Ваше величество, – ответил юноша, – я живу так уединенно... так мало знаю здешних придворных дам...

– О них здесь и речи быть не может! – перебил его король. – Я хотел бы найти девушку или молодую вдову, не испорченную, не зараженную нравами нашего двора, но в то же время необходимо, чтобы это не была какая-нибудь деревенщина, не умеющая ни сесть, ни ступить.

– Ну, вот видите, государь! Откуда же мне найти такую? Мне кажется, всякий другой – хотя бы граф де Гиш – был бы гораздо полезнее, чем я, в этом деле!

– Милый герцог, – ответил король, и, как это титулование, так и дальнейшее обращение на «вы» свидетельствовало, что его величество в очень скверном расположении духа: – Милый герцог! Вы – глупы! Всякий другой прежде всего постарается подsunуть мне такую женщину, которая будет подходящая не мне, а ему самому, то есть будет шпионить и творить всякие мерзости. Кроме того, неужели вы предполагаете, что у графа де Гиша может оказаться хоть одна знакомая женщина моложе шестидесяти лет, не испорченная и не развращенная им?

– Извиняюсь за неудачный совет, но... А почему бы вашему величеству не обратиться к мсье Луи?

Этот совет пришелся королю по душе, но сам Луи едва ли поблагодарил бы своего юного друга, если бы узнал, что

именно им дано такое указание. Конечно, Луи не стал отговариваться и поспешил уверить короля, что постарается исполнить его желание, но в душе был очень недоволен, так как совершенно не представлял себе, откуда ему взять надежную женщину, удовлетворяющую всем королевским требованиям.

Вот это-то сознание невозможности исполнить королевское приказание иным путем и явилось лучшим союзником Беатрисе Перигор в ее усилиях заставить дядю согласиться на её просьбу и предложить юную приезжую к услугам Луизы де Лавальер. К тому же Беатриса умела просить. Словом – прямо от племянницы Луи отправился к королю и доложил ему, как обстоит дело.

– Ваша племянница, милый Луи? И только что приехала из далекой провинции? Но ведь это великолепно! Если эта юная особа хоть сколько-нибудь подходит в остальных отношениях, то лучшего и искать нечего! – воскликнул Людовик и сейчас же распорядился: – Прикажите, чтобы за ней немедленно послали. Я хочу повидать ее и решить дело немедленно!

Вскоре Луи ввел в кабинет короля Беатрису. Несмотря на естественное волнение, она не выказывала особенной растерянности; но это объяснялось следующим: молодая девушка все время внушала себе, что не смеет теряться, если не хочет погубить в корне такой редкий и прекрасный случай сразу приблизиться к намеченной цели на грандиозную ди-

станцию. Поэтому, призвав на помощь все свое присутствие духа, она без особого смущения выдержала пытливый взгляд короля и приветствовала его очень изящным и грациозным реверансом.

По-видимому, девушка произвела на Людовика вполне благоприятное впечатление. По крайней мере напряженная пытливость его взора сейчас же смягчилась, и его голос прозвучал очень ласково, когда он спросил:

– Вы недавно приехали, мадемуазель?

– Несколько часов тому назад, ваше величество.

– Вы жили все время при родителях?

– При отце, государь. Моя мать умерла.

– А где находится замок вашего батюшки?

– Амбары моего отца находятся в Тарбе, ваше величество.

Людовик невольно засмеялся оригинальности этого ответа, и с некоторым удивлением спросил:

– Позвольте, да разве вы – не дворянка? Но как же в таком случае... Ведь добрейший Луи... Ах, да! – воскликнул он затем, – помню теперь! Это – какая-то запутанная семейная история, в которой два брата разошлись по разным дорогам. Помню, помню! Да, да, ваш пример наглядно свидетельствует о старой истине: патент на дворянство можно утратить или приобрести, но самого дворянства, дворянства крови и духа, не может ни дать, ни отнять даже сам король! Конечно, хорошенькие лица встречаются и в мещанстве, и в крестьянстве, но это – совсем особая красота: в ней всегда будет не

хватать какой-то тонкости линий и форм!

При этих словах Беатриса не могла не вспыхнуть от удовольствия. Правда, комплиментов насчет своей наружности она наслушалась достаточно и прежде, но эти комплименты звучали совсем иначе, когда их произносили уста потомка Людовика Святого. Да и не в комплиментах была тут главная сила, а в том, что из слов короля Беатриса могла заключить, что ее тайные мечтанья вовсе не так дерзки и несбыточны, как порой думала она сама.

– Кроме того, – продолжил Людовик, любуясь раскрасневшимся личиком хорошенькой провинциалки, – только прирожденный дворянин мог сказать с такой гордостью: «Амбары моего отца находятся в Тарбе...» Нет, нет, я положительно убежден, что мы столкнемся с барышней! Благодарю вас, милый мсье Луи, можете идти, а мы здесь поговорим.

Луи откланялся.

Тогда король продолжал:

– Сядьте, мадемуазель. Нет, нет, пожалуйста, без лишнего и совершенно ненужного раболепства, без всяких «помилуйте» и «как я смею»! В другое время и при других обстоятельствах я не позволю сидеть в моем присутствии особе и познатнее вас, теперь же все эти формальности ни к чему. Итак... Впрочем, сначала один вопрос: известно ли вам, для чего вы нужны мне?

– Я нужна вашему величеству для того, чтобы хоть немного, по мере сил, скрасить жизнь прекраснейшему человеку

и лучшему, вернее – единственному другу вашего величества, – ответила Беатриса.

Король кивнул головой с довольным видом и затем сказал: – Совершенно точно и верно. Но это – еще не все. Вы приехали из далекой провинции, прекрасное дитя мое, приехали оттуда, где нравы еще находятся в первобытной чистоте, где растление еще не обратило души в негодную ветошь, где злоба и зависть не стали еще главными рычагами человеческих поступков. Но здесь, при дворе, зло блещет в своем победном апофеозе. Вы ужаснетесь, дитя мое, когда узнаете вблизи всю адскую силу зла, на которую способен иной раз человек. Но я знаю, что чистый детский взгляд и наивная, верующая душа очень часто оказываются сильнее всяких дьявольских ухищрений. Воспользуйтесь же этими орудиями, чтобы охранить мою прекрасную подругу, чтобы окружить ее сетью недремлющего надзора, в которой запутаются козни врагов. В состоянии ли вы взять на себя это?

– Я сделаю все, что будет в моих силах, государь, причем мне кажется, что это не так трудно. Я знаю, что сразу стану предметом общего внимания, и, чем больше будет желать зла моей госпоже кто-нибудь, тем он будет больше искать во мне. В таких случаях надо только не показывать людям вида, что разгадал их игру, и представляться ручной козочкой, доверчиво бегущей на любой зов. И, если какая-нибудь высокая... очень высокая дама даст мне яблоко, чтобы положить его в виде сюрприза на туалетный стол госпожи де Лавальер,

«которую она так любит», то...

– То?

– То я передам это яблоко вашему величеству!

– Вы умны и вовсе не так наивны, как я думал, – сказал король, со смесью удовольствия и удивления глядя на хорошенькую девушку. – Что же, тем лучше!

В таком случае вы поймете и другую – более тонкую – часть тех надежд, которые я возлагаю на вас. Видите ли, по самому свойству своего положения вы должны будете подойти очень близко к своей госпоже. Ну... у вас, конечно, будет много разговоров... о том о сем. У таких чистых душ, как Луиза де Лавальер, бывают иногда очень странные фантазии... очень возвышенные, но... далекие от житейского. И, если вам удастся...

Король замолчал, видимо, с трудом подбирая нужные слова и выражения.

Но смелая Беатриса с полной невозмутимостью подхватила недоконченную фразу Людовика, проговорив:

– Если мне удастся заслужить доверие своей госпожи, то я, конечно, постараюсь вымести из ее души сентиментальный сор, который только мешает полному счастью самой Луизы де Лавальер, да и... вашего величества тоже!

– Вы умны! – повторил король, пытливо и строго глядя на девушку. – Но одного ума мало; для того, чтобы говорить так, надо многое знать! Что вы знаете? Говорите!

– Я знаю все и не скажу ничего! – коротко отрезала Беат-

риса.

Король вспыхнул, его взгляд засверкал бешенством. Кажалось, он вот-вот обрушится на дерзкую всей тяжестью своего королевского гнева. Но вдруг ему показалось так смешно, что какая-то юркая пигалица осмеливается давать отпор ему, могущественному королю, одним движением решающему участь миллионов подданных, что гримаса гнева внезапно сменилась на его лице веселой улыбкой, и он весело рассмеялся.

– Почему? – спросил он, не переставая хохотать.

– Благоволите выслушать меня, государь, – с прежней невозмутимостью ответила Беатриса. – Когда я ехала в Париж, то совершенно не знала ничего. Но неволью одна интересная случайность дала мне возможность проникнуть во все подробности хитрого и сложного заговора, составляемого против Луизы де Лавальер. Вот почему, приехав сюда, я первым делом обратилась к дяде с просьбой, не может ли он устроить меня при этой даме. Случайно мои желания совпали с желаниями вашего величества, и дело сделано. Теперь представьте себе, государь, что я сообщу вам подробности своего плана. Вы не будете в состоянии скрыть от заговорщиков, что вам кое-что известно, и хоть чем-нибудь выдадите себя. Тогда они переменят свой план, и уже ни вы, ни я не будем знать, что они задумали. Между тем, зная втайне их план и не подавая вида, я буду иметь возможность незаметно парировать направляемые удары. Если же я замечу, что сама

ничего не могу сделать, то посвятить во все ваше величество всегда будет время!

– Что же, может быть, вы правы, – сказал король, – хотя гораздо проще было бы попросту разогнать всю эту подлую шайку, и если бы вы назвали мне их имена...

– То ровно ничего не вышло бы! – спокойно договорила Беатриса. – У меня ведь в руках нет доказательств, вашему величеству придется вместо этих доказательств выставить мой оговор. Но ведь в деле замешаны такие высокие особы, что вашему величеству будет трудно принять надлежащие меры на основании одного только оговора. В то же время всему свету станет известно, что в моем лице Луиза де Лавальер имеет защитницу, а ее враги – ожесточенного противника. Нет, ваше величество, было бы жалко упустить из рук то грандиозное преимущество, которое совершенно случайным образом мне удалось приобрести.

– Ну попробуем по-вашему! – уже совсем весело ответил король. – Итак, вы приняты на службу в качестве... в качестве... Впрочем, я думаю, нет необходимости сейчас же определять вашу службу каким-нибудь наименованием. Вы будете состоять при Луизе де Лавальер подругой и доверенным лицом. В ваших руках будут все ключи, все распоряжения по хозяйству, надзор за прислугой – словом все. Что же касается жалованья, то...

– О, ваше величество, – снова перебила короля Беатриса, – в жалованье, право же, не представляется ровно ника-

кой необходимости! Я – единственная дочь богатого отца, и у меня в распоряжении столько денег, сколько я даже истратить не сумею.

– Но король не может допустить, чтобы ему служили даром!

– Это не входило бы и в мои интересы. Однако к чему я буду получать то, чего у меня и без того много, между тем как существует кое-что нехватящее. Нет, денег мне не надо, а в награду за верную службу я попросила бы у вашего величества... парочку предков!

– Предков? – с удивлением повторил король. – Я не совсем понимаю вас. Выскажите яснее!

– Вашему величеству известно, что мой прадед в эпоху религиозных войн утерял дворянство...

– А, так вы хотите, чтобы вашему батюшке были возвращены утерянные им права?

– О, государь, мой отец пользуется богатством и почетом! Он доживает свои последние дни и со дня смерти матушки совершенно ушел от мира и его соблазнов. Отцу дворянство нужно так же, как... как старухе мил-другок. У него ведь нет даже сыновей, которым он мог бы передать дворянство!

– Значит, оно нужно лично вам? Зачем?

– Как вам сказать, государь? Ведь не у одних только «чистых женских душ бывают фантазии», мешающие счастью; они бывают иной раз также и у мужчин, и если они касаются предков, то...

– Постоите! – воскликнул король, хлопая себя по лбу. – Ведь это вас когда-то выручил из беды герцог д'Арк? О, теперь я все понимаю! Представьте себе, когда ваш дядюшка рассказал всю эту историю мне и одному юноше, то последний, недаром считаясь большим знатоком по дамской части, тут же высказал предположение, что вы не оставите дела так и непременно придёте в Париж. А, так «парочка предков» нужна вам для Ренэ? Но, как мне кажется, его симпатии направлены по другому адресу!

– Это ровно ничего не значит, государь! Единственное преимущество «другого адреса» то, что там насчитывается что-то около ста восьмидесяти семи с четвертью тысяч благородных предков, на каковые всегда может быть представлена соответствующая расписка в виде родословного дерева. Ну, кое-какое родословное дерево может найтись и у меня, и если ваше величество удостоверит его своей королевской подписью, то посмотрим, какой адрес настоящий!

– Ну, так по рукам! – смеясь, воскликнул король. – Мы с вами заключим наступательный и оборонительный союз против «фантазий возвышенных душ», и как только вы устроите мое счастье, я сделаю все для вашего. Я озабочусь вашими предками, а герцог д'Арк...

– Потомками! – серьезно и важно договорила Беата.

Король засмеялся еще веселее, и в конце концов напускная серьезность Беатрисы не выдержала. И в королевском кабинете словно посветлело от этого молодого, искреннего,

ЗВОНКОГО ХОХОТА.

VII

Беатриса Перигор сразу произвела очень выгодное впечатление на Луизу Лавальер, и девушки быстро сошлись, как будто уже годами знали друг друга. Жизнь Луизы потекла гораздо ровнее и светлее. Беатриса с удивительной тактичностью умела быстро найти выход из всякого хозяйственного затруднения, и это было особенно ценно теперь, когда шли деятельные хлопоты по устройству нового помещения, отделяемого специально для подруги короля. Целый день то тут, то там слышался звонкий голосок молодой девушки, отлично командовавшей всей прислугой, никогда не возвышавшей голоса, но умевшей одним словом поставить каждого на свое место. Беатриса была со всеми приветлива, но под внешней ласковостью молоденькой девушки таилась железная воля. Это проявилось очень скоро на Бертет той не понравились излишние проницательность и зоркость новой домоправительницы, и она попыталась огрызнуться на нее так, как в прошлом не раз огрызалась на робкую Лавальер, но в результате за свою дерзость пулей вылетела из состава прислуги.

Несмотря на все хлопоты, Беатриса никогда не оставляла Луизы надолго одной, и, если у Лавальер не было короля или Полина д'Артиньи находилась в отлучке, она усаживалась подле Луизы, рассказывала ей разные сказки своей

родины, пела приятным голосом старинные песенки провансальских менестрелей или просто болтала, отвечая на расспросы о своем детстве в родном Тарбе! Эти рассказы доставляли неизменное удовольствие Луизе, потому что, как все робкие и застенчивые натуры, она особенно восхищалась смелостью и проказами, в которых у Беатрисы никогда не было недостатка.

Отдавая все это время хозяйству и беседам с Лавальер, Беатриса ухитрялась находить свободную минутку для того, чтобы методично знакомиться с замком и парком, а также с его обитателями. Через каких-нибудь два дня юркая Перигор отлично знала в лицо всех высокопоставленных жителей Фонтенебло, всех фрейлин, камергеров и пажей. Знала она также, сколько ступенек ведет по такой-то лестнице, сколько шагов от такого-то угла до такого-то поворота в парке и чьи окна выходят туда-то или туда-то. Словом, Беатриса могла с завязанными глазами ориентироваться в любом месте замка и парка.

Однако никому из обитателей замка не приходило в голову, что эта юркая провинциалка проявляет свое любопытство так методически и по такому строгому плану. Впрочем, ее никто не считал способной на это. Конечно, появление нового лица в обиходе королевской подруги не могло не взволновать Генриетты и ее свиты. Но после самого короткого разговора о Беатрисой Перигор все фрейлины пришли к заключению, что «новенькая» – просто провинциальная глупыш-

ка, старающаяся представиться совсем взрослой, а на самом деле ровно ничего не смыслящая в жизни и житейских делах. Таким образом, вскоре кружок Генриетты и Олимпии де Суассон совершенно перестал интересоваться личностью Беатрисы де Перигор, а остальные фрейлины тоже не обращали на нее внимания, так как она, как неравная им по происхождению, не могла быть им товаркой.

Конечно, равнодушие могло бы очень быстро смениться самым напряженным и довольно злобным вниманием, если бы кому-нибудь пришлось заметить маленький ключик, с которым Беатриса никогда не расставалась и который держала отдельно от общей связки. Но этот ключик висел на цепочке и обычно таился в таком месте, которое пока еще оставалось совершенно недоступным кому бы то ни было. Таким образом, о существовании ключика не знал никто. А ведь это был ключик ни много ни мало, как от потайной двери в покои самого короля!

Этот ключик Людовик дал Беатрисе для того, чтобы в случае нужды она могла появиться у него незаметно для других. О том, что между Людовиком и Беатрисой Перигор существовала какая-нибудь особая короткость, хотя бы и самого невинного свойства, никто не должен был знать.

Но эта короткость обещала девушке полное осуществление ее надежд. И часто, неустанно хлопоча над приготовлениями к празднованию новоселья, которым король хотел ознаменовать переводение Луизы де Лавальер в отдельное

помещение, она тайком дотрагивалась до этого ключика, словно до магического амулета.

Впрочем, слово «празднование» едва ли будет подходящим для определения этого дня. Правда, сначала король хотел устроить настоящее празднество с балом и парадным ужином, но Луиза всеми силами постаралась отговорить его от этого. «Пастушку» пугали и демонстративность такого открытого торжества, и ложность ее выступления в роли официальной хозяйки такого празднества. Поэтому было решено, что среди дня к Луизе зайдут более близкие подруги из числа фрейлин и кое-кто из придворных – Ренэ д'Арк, герцог д'Айен, маркиз Дарто или кто еще пожелает. Под вечер все гости разойдутся, и тогда явится король, который поужинает с Луизой и проведет с ней вечерок.

Таким образом, Беатрисе предстоял трудный день хлопот, которые усугублялись еще и неопределенностью ее положения. Она не могла быть своей в этом обществе маркизов и герцогинь, но не была и прислугой, с которой не следовало считаться. Нужен был громадный такт, чтобы найти подходящий тон и выдержать, так сказать, «среднюю линию поведения». Но Беатриса твердо верила, что все это – временное и что будущее должно вознаградить ее за все шероховатости настоящего. Под внешностью беззаботного легкомыслия и непринужденной веселости в девушке таились ясный ум и сильная воля, и то и другое помогли ей с успехом провести взятую на себя роль.

По виду прием у Луизы де Лавальер прошел гладко и приятно. Один за другим приходили гости, причем появление среди них графа де Гиша, отношения которого с Генриеттой Английской, побежденной соперницей Лавальер, ни для кого не были тайной, произвело некоторую сенсацию, все, словно сговорившись, делали одни и те же комплименты прекрасной хозяйке, хвалили изящество и уют помещения, восторгались чудными цветами, превратившим зал в благоуханный сад и, видимо, значительно разорившими королевские оранжереи, и высказывали некоторое удивление по поводу того, что все эти цветы представляли собой разные сорта и разновидности исключительно белых лилий.

Затем, сказав все, что полагалось, гости объединялись в небольшие кружки и группы; слышался смех; шутки и остро- ты, словно мячик, перелетали из уст в уста, кавалеры ухаживали за дамами и подавали им фрукты и сладости с роскошно убранных столов; дамы кокетничали, играли веерами и улыбками. Один за другим гости, исполнив все, что от них требовалось, удалялись, уступая место новопривывшим, и казалось, что день протекает с точностью и плавностью отменно отрегулированного часового механизма.

И все-таки, когда дверь закрылась за последним гостем, Беатриса с невыразимым облегчением кинулась в кресло с громким «уфффф!», а когда вскоре вслед за этим пришел король, Луиза кинулась к нему с таким видом, словно она не царила только что в своем салоне над толпой льстивых

гостей, а была предметом обид и глумлений.

– Что с тобою, дорогая моя? – С тревогой спросил Людовик, заботливо заглядывая в прекрасные глаза своей подружки. – Наверное, опять нашлась змея, которая...

– О, нет, нет, Луи! – воскликнула Луиза. – Я просто взволнована и тронута твоей бесконечной добротой и внимательностью! О, спасибо, спасибо за цветы, которые я так люблю! Но скажи, обожаемый мой повелитель, почему тебе вздумалось избрать на этот раз одни только белые лилии?

Король окинул Лавальер ласково-смеющимся взглядом и, отвечая на ее вопрос, обратился к стоявшей неподалеку Беатрисе:

– Ну-ка, мадемуазель, принесите из передней сверточек, который я оставил там!

Беата исчезла и вернулась с пакетом.

Король развернул его, достал чудесную лютню, богато инкрустированную золотом, серебром и перламутром, и сказал, показывая на нее:

– Вот мой подарок на новоселье, дорогая! Но, прежде чем я вручу его тебе, я хочу сначала в стихах и звуках ответить на твой вопрос, почему я избрал белые лилии для убранства твоих комнат!

Встав в удобную позу, Людовик провел пальцами по струнам и, аккомпанируя себе, запел изящную кантилену, только что сочиненную и положенную на музыку, по указанию короля, его придворными артистами:

Laissons le myrte aux amants,
Aucun n'aima comme j'afme:
Il faut un nouvel emblème
Pour de nouveaux sentiments
Chacun offre a l'espérance
Et de l'encens et de voeux,
Sans elle je suis hereux
En adorant l'innocence.

Noble fleur, lis eclatant,
Chefd'oeuvre de la nature.
D'une âme candide et pure,
Symbole aimabl et touchant!
Embelles la beauté même
De ta brillante fraîcheur,
Attribut de la pudeur,
Tu dois orner ce que j'aime!⁶

Луиза, до слез тронутая этим грациозным стихотворением, безмолвно склонилась на плечо к царственному певцу, а он, нежно обняв свою кроткую подругу, мягко подвел ее к

⁶ Оставим мирт любовникам, никто не будет любить так, как я; для новых чувств нужна новая эмблема. Каждый связывает с надеждой слова обольщения и мольбы, но и без всякой надежды я счастлив, обожая невинность. Благородный цветок, сверкающая лилия, мастерское произведение природы, ты – грациозный и трогательный символ робкой, чистой души! Укрась самое красоту своей ослепительной свежестью; как атрибут целомудренной стыдливости, ты должен украшать ту, которую я люблю!

дивану и усадил, заняв излюбленную позу на подушке у ее ног.

Беатриса, стараясь не делать шума, стремглав вылетела из зала и кинулась в парк.

– Фу! – пробормотала она, очутившись в пустынной аллее, – мне нужна изрядная порция свежего воздуха, чтобы прогнать этот тепличный дурман слащавой пасторали! Какая идиллия! И кого только они обманывают? Себя? Но я отказываюсь понимать короля. Сам читал мне длинную проповедь о необходимости бороться с «далекими от житейского, возвышенными фантазиями чистых душ» и сам же своими идиллическими выходками еще более разжигает в Лавальер ее страсть к целомудренному ломанью! Скажите пожалуйста, какие пастушок с пастушкой! Ну да ладно! На то и существует девица Перигор, которая за одну маленькую прибавочку частицы «де» к своей фамилии устроит вам все, чего вы оба втайне желаете и к чему не умеете подойти просто и прямо. Ломайтесь, дети мои, Беатриса Перигор позаботится о вашем счастье!

Мысленно произнося этот самоуверенный монолог, Беатриса быстро и легко двигалась вперед по аллее. Погруженная в свои думы, она не обращала внимания, куда именно идет, как вдруг совсем близко от нее в вечерней тьме вырос серый фасад одного из замковых флигелей.

Молодая девушка оглянулась по сторонам, стараясь ориентироваться в темноте и решить, повернуть ли ей назад или

идти вперед, как вдруг в конце аллеи послышался юношеский смех, сейчас же оборвавшийся под сердитым девичьим «тише!».

«Гм... – подумала Беата, – когда юность боится громкого смеха, значит, ей есть, что скрывать. А если одному важно что-нибудь скрыть, то всегда есть кто-нибудь другой, которому важно это открыть. Как знать, может быть, в данном случае этот другой – я?»

Шаги и звук тихого разговора все приближались. Беатриса поспешно оглянулась вокруг, заметила широкую дерновую скамью около дерева, прижавшегося к фасаду замка, и, не раздумывая особенно долго, вскочила на скамью, взобралась на ее спинку, а оттуда быстро вскарабкалась на дерево. Едва только успела она устроиться с некоторым комфортом на сплетшихся ветвях, как голоса послышались совсем близко.

«Почему этот женский голос кажется мне такими знакомым?» – подумала девушка.

– Сядем здесь, – проговорил женский голос, и Беатриса еще отчетливее почувствовала, что этот голос ей хорошо знаком и что с ним у нее что-то связано.

Молодые люди внизу уселись на скамью. Прошло несколько секунд в молчании, наконец женский голос снова произнес:

– Какая ночь! Так темно и тепло... И цветами так пахнет...

Говорящая умолкла, и опять на несколько секунд воцари-

лось молчанье.

– Ну-с, вы долго собираетесь молчать? – резко проговорил затем женский голос.

– Я все никак не могу отделаться от того, что ты мне только что сказала, Христина! – о оттенком грусти проговорил в ответ голос, по которому можно было безошибочно угадать юношу, едва только оперившегося из подростков.

«Христина! – мысленно повторила Беатриса, уловив это имя, и ее сердце забилося охотничьим трепетом. – Христина де ла Тур де Пен со ста восьмьюдесятью тысячами неопороченных предков!»

– Но что же я сказала тебе такого особенного, мой глупенький Филиберт? – насмешливо спросила Христина, а Беатриса мысленно добавила:

«Филиберт Клери, паж герцогини Орлеанской! Жак Манон был прав!»

– Как что! Ты сказала мне, что я – только так, между прочим, а что твоя главная цель...

– Моя главная цель – устроиться. Дурачок! Разве удовольствия могут составлять цель жизни? Это – лишь средство, лишь цветы жизненного пути. Но разве цветами питаются? Ты всегда останешься моим миленьким, славненьким шалунишкой...

– «И будешь пользоваться моими ласками лишь урывками, тайком»? Не правда ли, ты хотела это сказать, Христина? Отрадное будущее! Ловить на лету крошки от богатого сто-

ла и знать, что все права на тебя останутся за этим картонным герцогом, который словно выскочил со страниц нравоучительной детской книжки! И такому ничтожеству.

– Тише, тише, мой птенчик! Ты еще слишком юн, а потому многого не понимаешь! Уж не хочешь ли ты сказать, что моим мужем мог бы стать ты?

– А почему бы и нет?

– Да потому, глупенький мой, что у нас с тобою ничего нет! Все мое состояние – в звучном имени и безукоризненном происхождении, а твое будущее зависит от случайностей и капризов судьбы!

– Но я завоюю это будущее! Герцогиня очень ласкова со мной, она выделила меня из всех пажей и удостоивает важными поручениями...

– Все это так, но... одна неудача, одна минута дурного настроения герцогини – и ты опять окажешься внизу, опять будешь вынужден начинать сначала. Да главное и не в этом! Видишь ли, мой мальчик: по своей юности ты еще не понимаешь, что мужчина бывает или хорошим мужем, или хорошим возлюбленным, но никогда – тем и другим вместе. Глупые женщины ищут возлюбленного в своем муже, нерасчетливые – делают своим мужем возлюбленного, а потом сами же жалуется на то, что судьба отказала им в счастье! Но я не глупа и расчетлива. Поэтому у меня будет идеальный муж и... идеальный возлюбленный! Ну, и будет об этом! В последнее время мы видимся так редко и урывками, что просто

грешно тратить время на ненужные рассуждения. Извольте сейчас же поцеловать свою маленькую подругу, которая ду-мает и за себя, и за вас, сударь! Ну... вот так! Гще!

Со скамьи послышался град заглушённых поцелуев, и в течение некоторого времени молчание нарушалось только теми страстными, лихорадочными обрывками речей, которыми обмениваются любящие в минуты экстаза чувств. А потом смолкли и эти звуки.

– Надо идти! – как-то глухо произнес наконец Филиберт. – Герцогиня предполагала вернуться к вечеру из Сен-Клу и может хватиться меня.

– Мне тоже пора, – отозвалась Христина, и ее голос звучал томной ленью. – Ну, так до следующего раза, мой дорогой мальчик!

Опять послышался звук долгого поцелуя. Затем Филиберт сказал с мольбой и волнением:

– Христина! Я не могу так! Все эти короткие, беглые встречи украдкой... Когда же мы опять проведем несколько часов без помехи, вдвоем?

– Тут, в Фонтенбло, это несколько затруднительно, – ответила Христина подумав, – но... Что же, хочешь – опять в Лебединой беседке? Только вот когда? Знаешь что? В конце недели по случаю приезда герцога предполагается отпра-виться всем двором на охоту в Мелюнский лес. Как всегда, выедут с вечера, ночевать будут в Мелюне и весь день про-ведут на охоте, чтобы к вечеру следующего дня вернуться в

Фонтенебло. Согласен ты отказаться от охоты?

– О, с восторгом! – воскликнул Филиберт.

– Ну, а я все равно читаю по вечерам молодой королеве.

– Ей-то не до охоты!

– Да, при ее «интересном» положении. Ну, так ты не жди от меня никаких дальнейших указаний и повторений, а в тот вечер, когда все уедут на охоту, приходи незаметно к десяти часам в беседку. Решено? Ну отлично! А теперь последний поцелуй, и пойдем!

«Моя счастливая звезда светит сквозь самые густые облака! – весело подумала Беатриса. – Но я все-таки очень счастлива, что эта парочка наконец удалилась! Не скажу, чтобы было приятно присутствовать при таких сценах! Тем не менее я не жалею и считаю себя вознагражденной с лихвой! Теперь можно и слезть, а то все тело затекло от неудобной позы!»

Молодая девушка осторожно ухватила за толстый сук и слегка приподнялась. Вдруг она увидела, что на зелени листья заиграл луч света. Девушка с удивлением обернулась и увидела, что свет шел из-за занавеси окна, которого она до того не заметила, так как оно не было освещено, но тем не менее приходилось как раз рядом с тем местом, где притаилась она.

Заглянуть в чужое окно всегда представляется немного заманчивым, потому что чужая жизнь всегда кажется нам полной каких-то особых чар, которых нет в нашей. Кроме

того, Беатриса была любопытна (она сказала бы – любознательна) по природе, да и в той миссии, которую она сама возложила на себя, всякое лишнее знание могло очень пригодиться. Поэтому она воспользовалась своим положением на весу не для того, чтобы приступить к спуску вниз, как она предполагала вначале, а для того, чтобы принять более удобную позу по отношению к окну.

Едва только Беатриса устроилась в новой позе, как занавеска на окне сильно заколебалась, отодвинулась, и в окне показалась фигура герцогини Генриетты Орлеанской.

– Какая духота! – пробормотала она. – Жан, поднимите занавеску, а то в комнате дышать нечем.

Занавеска стала медленно двигаться кверху, и Беатриса увидела перед собой довольно большую комнату, в которой два лакея расставляли канделябры с зажженными свечами.

– Как темно! – снова пробормотала герцогиня. – Совсем, как у меня на душе. Но только там темно и тихо, а у меня... Как мучает меня этот ураган противоречивых чувств! Я не могу так спокойно и хладнокровию идти на преступление, как Олимпия. Но «вино откупорено, его надо пить»! К чему сомнения, когда жребий брошен и колесница судьбы двинута полным бегом вперед?

Герцогиня замолчала, с тоской всматриваясь в ночной мрак. Затем она сделала рукой резкое движение, как бы отсекая что-то, встала от окна и вышла из комнаты.

Беатриса стала ждать. Она видела, что лакеи расставляют

на большом столе посредине вино, стаканы и сласти. Значит, сюда должны были прийти. Кто? Вот это-то и хотела узнать Беата!

Прошло немного времени – и обе половинки дверей комнаты распахнулись под руками вытянувшихся в струнку лакеев. В комнату вошли Генриетта, Олимпия де Суассон, маркиз де Вард и граф де Гиш. Это были как раз те лица, которых перечислил Вард герцогу Филиппу Орлеанскому, сообщая о тайном комитете, образовавшемся для устранения Лавальер и д'Арка. Таким образом, Беатриса уже не могла сомневаться, что, несмотря на густые облака, ее звезда все еще ярко светила ей!

VIII

– Садитесь, господа, – оказала Генриетта Английская, указывая гостям на стулья. – Мы уже давно не собирались в полном составе, и каждому из нас найдется, что рассказать. Но прежде всего, Вард, скажите Бога ради, почему вы появляетесь только теперь, когда могли быть здесь уже неделю тому назад?

– Ваше высочество, – ответил маркиз, – во-первых, я ехал не прямо на Фонтенебло, а заезжал в Шартр, где, как мне сказали, живет мастер Бафю, истинный бог механики. Затем, захватив Бафю, я отправился в Париж. Во-вторых, я предпочел провести несколько дней в Париже, чтобы лично наблюдать, пойдут ли работы по изготовлению необходимого механизма в Пале-Рояле.

– Как? – одновременно воскликнули остальные трое. – Значит, вам удалось склонить герцога ко всему?

– Ко всему! – ответил Вард.

– Великолепно! – с радостью заметила Генриетта. – Но рассказывайте теперь все по порядку и подробно, милый Вард!

Маркиз принялся рассказывать о том, что уже известно читателю из начала этого повествования. Его слушали не перебивая, и только тогда, когда маркиз упомянул о последнем козыре, посредством которого он окончательно заручил-

ся содействием Филиппа Орлеанского, Генриетта недовольно нахмурила брови и сказала:

– Это – самый неудачный пункт ваших успехов, Вард! Было крайне неосторожно давать герцогу подобное обещание!

– Но почему! – удивился тот.

– Да потому, что Дженни Финч никогда не согласится приехать во Францию, а если и согласится, то она вовсе не так податлива, как вы, видимо, воображаете!

– Да я ровно ничего не воображаю, герцогиня! – возразил Вард. – Предположим даже, что хорошенькая Финч согласится приехать и выполнить то обещание, которое мы дали герцогу за нее. Но ведь, как бы она ни торопилась, она не в состоянии приехать раньше месяца, а на то, чтобы довести наше дело до конца, понадобится самое большое две недели. Таким образом мы все равно добьемся своего, а будет ли герцог Филипп вознагражден...

– Совершенно верно, – подхватил Гиш. – Но только мне кажется, что вы, ваше высочество, ошибаетесь насчет этой легкомысленной барыньки. Мне как раз говорили на днях, что скандал, которым она скомпрометировала мужа, отозвался и на ней. Очень многие дома закрылись для легкомысленной Дженни, и едва ли она откажется последовать вашему приглашению, которое дает ей отличный исход. Ну а что касается ее неподатливости, то... Наше дело кончается с приездом баронессы, большого герцог Филипп не может потребовать от нас, потому что в делах любви каждый дей-

ствуует сам за себя, и если его высочество не сумеет добиться от баронессы знаков особого расположения, то пусть винит самого себя!

– А главное – это было единственным средством привлечь герцога к нам, потому что я чувствовал, что, соглашаясь, его высочество в то же время только и думал, как бы стать по-дальше от огня. И, удачное ли это средство или нет, оно хорошо уже тем, что приведет нас к цели! – закончил Вард.

– Да, да, я была не права! – согласилась Генриетта. – Во всяком случае я напишу брату и попрошу его прислать ко мне Финч. А там – будь что будет! Ну, с этим покончено. Теперь скажите мне еще, Вард: значит, механизм в работе?

– Да, в полном ходу и будет закончен завтра. До возвращения герцога я еще успею съездить и проверить действие подъемника. Кстати, я не сказал вам, что герцог будет здесь уже через два дня?

– Филипп писал мне об этом, я получила его письмо вчера утром и сейчас же отправилась в Сен-Клу, чтобы проведать девчонку. Ну, господа, скажу вам, эта уличная фея оказалась еще лучше, чем даже я предполагала. Теперь с нее сошли все синяки, она немного пополнела, и ее формы приобрели классическую округлость. А глаза, глаза! Боже, что это за глаза! Большие, черные, обволакивающие, какие-то загадочные, манящие. Да, глаза и тело совершенно неотразимы в Жанне Риколь.

– Великолепно! – отозвался Вард. – Значит, с этой сторо-

ны все благополучно. Но расскажите же мне, что новенького у вас?

– О, у нас довольно много нового! – ответила Генриетта. – Прежде всего – сегодня «пастушка» справляла новоселье.

– Новоселье? – удивился Вард.

– Да, король демонстративно отвел и отделал для нее особое помещение. Это было его ответом на новую выходку Олимпии.

– О, я великолепно отделала эту негодницу, а когда за нее вступился король, то и его также! – со злобным смехом воскликнула графиня де Суассон. – Король попытался было пригрозить мне разными карами, да меня ведь не испугаешь.

– И вы еще хвастаете этим! – с ужасом воскликнул Вард. – Графиня, вы – положительно злой дух нашего замысла! К чему вы размениваетесь на мелочи в деле удовлетворения своей мести, когда стоите перед полным отмщением? Вы только погубите всех нас, так как ваше поведение даст...

– О, не беспокойтесь, милый мой! – злобно сверкнув глазами, перебила его Олимпия. – Я ровно никого не погублю, потому что король сам узнает от меня, что его счастье погубила я. Да, да, господа, я не откажу себе в высшем наслаждении кинуть королю в лицо: «Ты изменил мне, вот чего это тебе стоило!».

– О том, что вы сделаете после, будет разговор тоже после! – недовольно заметила Генриетта. – Но я попросила бы вас, милая Олимпия, воздерживаться в течение нескольких

дней от разных выходов, потому что иначе вы можете навести на подозрение и заставите наших врагов насторожиться. И так уже ваша выходка стоила нам довольно дорого. Ведь знаете, Вард, король не только отвел своей пастушке новое помещение, но и взял для нее домоправительницу со стороны, и это несколько осложняет нашу задачу.

– Кто она такая? Что она представляет собой? – поспешно спросил маркиз.

– Она – племянница гардеробмейстера Луи, – ответила Генриетта, – очень бойкая девчонка, но глубокая провинциалка, особа, по-видимому, очень недалекая.

– Эта Беатриса – точная копия самой Лавальер, только... наоборот! – прибавил Гиш. – Когда Лавальер прибыла ко двору, она всеми силами старалась разыгрывать из себя наивную простушку, а сама под шумок ковала свои подлые планы. Ну, а эта девчонка – очень хорошенькая, между прочим! – всеми силами старается показать, что она страшно опытна в житейских делах, на самом же деле она – самая обыкновенная провинциальная простушка!

– Но, значит, она сама нам не опасна! – сказал де Вард.

– Сама она – нет, – ответила Генриетта, – но тем не менее она все-таки успела причинить нам большую досаду. Она не поладила из-за чего-то с камеристкой Бертой и прогнала ее. Теперь у нас среди прислуги Лавальер нет ни одного своего верного человека, и нам еще предстоит обсудить, как тут быть. И без того переезд этой особы совершенно разрушил

наши первоначальные планы, потому что тогда, когда комнаты Лавальер были при моих апартаментах, устроить все было гораздо удобнее.

– Значит, во время моего отсутствия вы продвинулись не вперед, а назад? – недовольным тоном спросил Вард.

– Нет, друг мой, это сказать нельзя, – ответил Гиш. – Нами приняты все меры: сочинена подходящая песенка, найден певец, а вот тут, – граф Арман достал из кармана два пакетика, – кое-какое угощение. Вот этот порошок представляет собой очень сильный яд, который производит весьма различное действие в зависимости от дозы. Почтеннейшая бабушка Вуазен клятвенно уверяет, что в небольшой дозе – она точно указала мне дозировку – это средство совершенно безвредно, оно только... как бы это сказать?.. ну, делает невлюбленных влюбленными, а влюбленных – более настойчивыми!

– Это получит король! – злорадно отчеканила Суассон.

– В средних дозах, – продолжал Гиш, – это средство вызывает в человеке целую бурю страстей и ведет к серьезным заболеваниям, ну а в большой дозе причиняет медленную, но неизбежную смерть в страшных муках, которые к тому же выражаются в самых отвратительных формах.

– Эту дозу получит в свое время Лавальер! – прежним тоном произнесла Олимпия.

– Затем, – продолжал Гиш, – вот в этой баночке находится, если судить по виду, самая обыкновенная туалетная по-

мада. Она имеет совершенно тот же цвет и запах, как и помада, которую употребляет для белизны лица прелестная Луиза де Лавальер. Однако это – только по виду. Стоит намазаться этой помадой, как кожа покрывается сначала маленькими пятнышками, потом – мокнущей сыпью и в конце концов – ранками!

– А, значит, Вуазен оправдала наши ожидания, – произнесла Генриетта. – Вот только знать бы, как нам удастся подсунуть помаду вовремя! Ведь тут играет роль каждый час!

– Может быть, вы сообщите нам подробно схему своего плана, герцогиня? – сказал Вард. – Тогда нам легче будет придумать что-либо для недостающих деталей!

– Хорошо! – согласилась герцогиня. – Итак, герцог Филипп приезжает в четверг утром. На другой день у короля семейный обед в честь приезжего, а после обеда, под вечер, мы выезжаем на охоту. На другой день – значит, в субботу утром – Лавальер должна уже намазаться помадой бабушки Вуазен. Да, Гиш, через сколько времени действует помада?

– Почти ровно через двенадцать часов. Притом действие помады сказывается сразу – вдруг вскакивает несколько пятнышек, которые тут же увеличиваются в количестве и яркости.

– Отлично! Таким образом к вечеру у Лавальер лицо покрывается пятнами. Конечно, она скрывает пятна слоем косметики, и если вечером король вздумает навестить свою пастушку, она скажется нездоровой и постарается отклонить ви-

зит. На следующее утро – это уже будет воскресенье – король получит легкую дозу порошка бабушки Вуазен и отправится к Лавальер. Он будет, очень настойчив на этот раз, но мы будем настороже, и, чтобы настойчивость не принесла неожиданных результатов, наш дозорный с дерева даст сигнал певцу. Песенка ударит Лавальер, как хлыст. В конце концов король, взбешенный ее сопротивлением и подстрекаемый действием порошка, согласится на предложение Филиппа и отправится с ним в Париж. Обыкновенно король бывает у своей пастушки около полудня. Если мы предположим, что вся эта история разыграется около двух и что часа в три король уже отправится с Филиппом, то, благодаря выставленным подставам, в восемь часов братья уже будут в Пале-Рояле. В девять часов начнется пир, и ручаюсь вам, что в десять часов король забудет о существовании Лавальер – на несколько часов по крайней мере. На другое утро короля, по всей вероятности, охватит приступ бурного отчаяния. Он кинется обратно в Фонтенебло, чтобы очиститься в лучах чистой дружбы. Но не забудем, что в течение этого времени Лавальер, которая будет приходить в отчаяние от выпавшей сыпи и станет усиленно мазаться все той же помадой, превратится в какую-то страшную маску. Король в ужасе отшатнется, выкажет чрезвычайную заботливость, приставит к Лавальер врачей, но сам... вспомнит о Жанне Риколь. Пройдет неделя-две, лицо Лавальер опять станет чистым и белым, но надорванные отношения с королем не восстановятся. И тогда

– это случится в тот момент, когда король, опять-таки подстрекаемый порошком, будет стремиться в объятия Жанны Риколь, – Людовик вдруг узнает, что его пастушка скоропостижно скончалась. Он прольет скорбную слезу, прикажет воздвигнуть мавзолей с трогательной надписью, но... и только! Перед его глазами будет стоять облик Лавальер с обезображенным сыпью и ранами лицом, и это совершенно затушит в его сердце значение потери. А вслед за этим мы принимаемся за д'Арка и... – Генриетта вместо слова провела рукой по воздуху. – Ну, вы понимаете, что это будет гораздо проще!

– Отличный план! – задумчиво сказал Вард, – в нем рассчитаны каждая мелочь, каждый час, но это в то же время является также его слабым местом. А вдруг что-нибудь выйдет не так, как вы рассчитываете? Тогда все пойдет прахом.

– Милый маркиз, вы нелогичны, – ответила Генриетта, – Гели в нашем плане действительно рассчитана каждая мелочь, то расчеты не могут не оправдаться. Гели же что-нибудь не оправдается, значит, не все было рассчитано и план плох. Но лучшего плана у нас сейчас нет. Да и пустяки все это! Наш план должен пройти блестяще. Одно только беспокоит меня: как подсунуть Лавальер мазь? Будь здесь Берта, дело обошлось бы совсем просто. Но теперь... Не попытаться ли счастья с д'Артиньи?

– Ни в коем случае! – воскликнул Гиш. – Д'Артиньи за последнее время стала совершенно неузнаваемой; вся ее жи-

вость испарилась без следа, она грустна, задумчива и рассеянна. Разве на такую можно положиться? Она слишком занята своим собственным делом, чтобы быть в состоянии хорошо послужить нам. А что у нее имеется какое-то личное дело, в этом я убедился сегодня. Представьте себе, господа, в тот момента, когда я беседовал с Вуазен, вдруг появляется в дверях... прелестная Полина! Хорошо еще, что я успел отодвинуться в тень, и она не заметила меня. Впрочем, бедняжка, испуганная представившейся ей картиной и кривляньями Вуазен, тут же кинулась бежать обратно. Но я прочел суровую нотацию Вуазен и заявил ей, что...

– Гиш, да вы с ума сошли! – воскликнула Генриетта. – Что же вы до сих пор молчали об этом? Мы здесь ломаем голову, как нам быть, а у вас в руках готовая разгадка и вы молчите?

Герцогиня нервно схватила молоточек черного дерева и с силой троекратно ударила им по серебряной раковине.

В ответ на звонок в коридоре послышались шаги, и в комнату вошла дежурная фрейлина.

– Шимероль, – сказала герцогиня, – не знаете ли вы, где теперь д'Артиньи? Она в помещении госпожи Лавальер или, может быть, гуляет где-нибудь?

– Ваше высочество, – ответила Шимероль, – Полина как раз сидит на веранде с другими фрейлинами!

– В таком случае позовите ее сейчас же сюда! – приказала Генриетта и, когда Шимероль ушла, снова обратилась к Гишу: – Я вас совершенно не узнаю, мой друг! Такую важную

новость вы оставляете под конец!

– Но, ваше высочество, я не понимаю...

– Как? Вы не понимаете, что посещение Вуазен, этой торговки ядами и поставщицы младенцев для черных месс, компрометирует и может подвести под плаху? Да ведь теперь, зная это, мы можем заставить д'Артиньи сделать что угодно!

«Странная вещь! – подумала Беатриса Перигор. – Открыто торговать ядами – можно, а за посещение торговли ядами грозит суровое наказание? Интересные нравы при парижском дворе!»

Так как читатели, вероятно, тоже разделяют в этом пункте недоумение Беатрисы, то мы поясним сказанное следующим образом. О роли Екатерины Вуазен мы уже говорили в романе «Шах королеве». Читатель уже знает, что эта мегера могла вести свой адский промысел благодаря тому, что ее клиентами состояла вся высшая придворная знать. До тех пор пока Вуазен находилась под защитой герцогини Орлеанской, полиция ничего не могла предпринять против отравительницы. Но так как случаи отравлений все учащались и полиция отлично знала, где таится корень зла, то, не имея возможности расправиться с самой Вуазен, она при случае бралась за ее клиенток, если у таковых не было могущественной «руки». Вот почему посещение Полиной лавочки бабушки Вуазен было таким могущественным орудием против первой. Достаточно было, чтобы полиция узнала об этом посещении и была осведомлена, что посетительницу не будет защищать

ее покровительница, и д'Артиньи пришлось бы очень плохо.

Всего этого могла не знать Беатриса, но не Гиш, и потому при последних словах герцогини его лицо расплылось в догадливую улыбку.

Вскоре стук в дверь возвестил о приходе Полины.

– Войдите! – сказала Генриетта и затем коротко приказала: – Закройте за собой дверь и подойдите ко мне! Так. Ну, а теперь скажите, что вы делали сегодня у отравительницы Вуазен?

При этом вопросе лицо Полины стало изжелта-зеленого цвета, затем она пошатнулась и чуть не упала, успев придераться за край стола.

– Я вижу, что полиция, выследившая вас, не ошиблась! – продолжала Генриетта.

– Ваше высочество! – обрела наконец дар слова несчастная. – Я... не питала... никаких преступных...

– Меня совершенно не интересует, с какой целью вы посетили эту черную злодейку; я считаю только с фактами, а в остальном пусть разберется полиция.

– Ваше высочество! Не губите! – простонала Полина.

– Я защищаю только преданных мне людей!

– Но, ваше высочество... я...

– Мне нужны дела, а не слова. Согласны вы беспрекословно, слепо, без рассуждений и возражений служить мне?

– Ваше высочество... разве я...

– Без фраз: говорите коротко «да» или «нет»?

– Да.

– Хорошо. Я жду доказательств. На первых порах я дам вам маленькое и нетрудное поручение. Но предупреждаю: малейшая попытка к расспросам, к возражениям, малейшая тень неповиновения – и я уже не буду больше тратить с вами слова, а просто отдам приказ начальнику полиции. Поняли? Ни слова возражения, – одно слепое повиновение! Поручение состоит в следующем. Вот банка с помадой. В пятницу ночью вы должны прокрасться в будуар к Лавальер и подменить помаду на ее туалетном столе. Поняли? В пятницу ночью! Ну? Да вы, кажется, еще раздумываете над этим поручением? О, в таком случае...

– Ваше высочество, я отнюдь не думаю... я готова... с радостью...

Однако голос Полины выдавал что угодно, только не радость.

– А, ну вот и отлично! Так возьмите банку и спрячьте ее хорошенько. И помните: если вы совершите, хотя бы неумышленно, какую-нибудь неловкость, всякая неудача будет зачтена вам в нежелание служить мне. Да не вздумайте сами попробовать эту мазь. Все! Ступайте!

Полина вышла из комнаты пошатываясь.

– Теперь все прекрасно! – с торжеством воскликнула Генриетта. – Итак, ничто уже не может помешать нам. Теперь, господа, еще следующее. Гиш должен завтра же выехать в Париж и отдать именем герцога все распоряжения дворецко-

му. Пусть весь голубой зал декорируют гобеленами, причем надо выбрать самые раздражающие сюжеты. Пусть садовник опустошит все цветники и оранжереи, но чтобы к вечеру воскресенья голубой зал утопал в пахучих цветах. Пусть повар приготовит ужин из самых пряных блюд, пусть будут приготовлены самые тонкие вина. Необходимо также позаботиться об оркестре, который должен разучить самые волнующие мелодии. Все на этом празднике должно говорить о чувствах и страсти! Ну а рядом с залом надо приспособить желтую гостиную на случай, если... король...

– Понимаю! Ну а кроме Жанны будут еще дамы?

– Да. Пусть Мольер пошлет самых красивых и задорных женщин из своей труппы. Они должны быть одеты в полном соответствии с общей задачей празднества. Если понадобятся деньги на их туалеты, уполномочиваю вас не жалеть затрат, хотя... чем меньше будет на них надето, тем лучше! Ну-с, так вы сделаете все это завтра! Вард тоже наведается как-нибудь в Париж и проверит механизм. Я же позабочусь о Риколь. Хотя мне самой некогда будет съездить в Сен-Клу. Ну да это и неважно! Старуха Аржилль уже знает, что ей надо делать. Я только пошлю к ней завтра Филиберта с приказанием доставить Жанну днем в воскресенье в Пале-Рояль. Пусть девчонка поупражняется с механизмом и прорепетирует танец, а то она еще пожалуй растеряется. Итак, все отлично, господа! Дело налажено, будем ждать развязки. А теперь благодарю вас всех и до свидания. Я устала от поездки

и жажду отдыха.

Через несколько минут комната опустела. Пришли слуги и потушили свечи. Затем все погрузилось во мрак и смолкло.

Тогда Беатриса осторожно спустилась с дерева и торопливо направилась домой. Придя к себе в комнату, она достала из потайного ящичка бюро записную книжку и принялась вписывать туда:

«Сроки: четверг – приезд; пятница – отъезд на охоту, вечером – свидание в Лебединой беседке, ночью – мазь; суббота вечером – возвращение с охоты; воскресенье – песенка, отъезд и празднество.

Вторник – Филиберт, Сен-Клу, старуха Аржиль.

Узнать, не ходит ли к прислуге Берта.

Узнать о д'Артиньи».

Записав все это, Беатриса принялась думать:

«За исключением мази, следует всему остальному предоставить идти своим ходом. Только д'Артиньи, если она не вконец испорчена, надо будет высвободить из западни. Что же касается короля, то я ничего не имею против, если он и переживет несколько дней страстных томлений! Авось он тогда перестанет воспевать лилии как эмблему чистоты своей подруги и перейдет на более яркий цветок. И тогда я заработаю свою парочку предков! Кстати, надо будет завтра же заняться родословной, потому что события разворачиваются довольно быстро, и, как знать, может быть, через неделю я уже буду у цели. Ну вот и все! А теперь спать, спать, и спать!»

IX

На следующее утро Беатриса отправилась к дяде, торопясь успеть сделать все, что нужно, до пробуждения Лавальер.

Старик Луи, встававший рано, был уже на ногах.

– Милый дядя, – сказала Беатриса, целуя старика, – я на одну минуточку. Во-первых, хочу узнать, здоров ли ты?

– Вполне! Благодарю тебя, дитя мое!

– Во-вторых, хочу получить от тебя нашу родословную, про которую мы уже говорили!

– Но зачем тебе она, Беаточка?

– Милый дядя, неужели что-нибудь изменится, если я начну давать тебе подробный отчет? Считай это просто одним из моих капризов...

– В которых у тебя никогда недостатка не было. Ну, так ты непременно хочешь взглянуть на родословную? Только нельзя ли отложить это на после, а то у меня важное совещание с придворным портным!

– Нет, дядя, лучше дай теперь, а самого тебя я задерживать не буду!

– Ну что с тобою делать! – и старик отпер один из ящичков и подал Беате пожелтевшую бумагу. – Вот, только не потеряй. Что тебе? – обратился он к Жаку Марону, появившемуся в дверях.

– Вас ждут там, господин Луи.

– Знаю, знаю! Ну, Беаточка, ты меня извини.

– Ступай, дядя, ступай, а я тут без тебя поболтаю пять минут с Жаком!

Луи ушел. Беатриса подозвала к себе Марона и сказала ему:

– Жак, у меня для тебя три дела!

– Приказывайте, барышня!

– Прежде всего разыщи мне какого-нибудь писца, искусного в геральдике... ну, то есть, чтобы он понимал толк в составлении родословных!

– Есть такой у меня. Это – легкое дело, барышня.

– Во-вторых – знаешь ли ты, что за Лебединая беседка существует здесь в замке?

– Господи, барышня, как же не знать!

– И можешь свести меня туда?

– Да хоть сейчас! Ну, барышня, если у вас все три дела таких легких, то...

– Нет, третье будет потруднее, и оно самое важное! Видишь ли, Жак, сегодня – в каком часу мне не известно – паж Филиберт Клери отправляется с поручением герцогини Орлеанской в Сен-Клу. Единственное, что я знаю, это – имя лица, к которому едет Филиберт. Это – старуха, по имени Аржиль. Так вот мне надо выследить Филиберта и разузнать, где живет эта Аржиль, а если удастся узнать еще что-нибудь относительно нее, то еще лучше! Нет ли у тебя верного че-

ловека, который мог бы сделать это?

– Верного человека? А что бы вы сказали, барышня, если бы я предложил вам самого себя?

– Но это совершенно невозможно, Жак! Ведь все дело надо провести в строжайшей тайне, а Филиберт, наверное, знает тебя!

– Полно, барышня, откуда какому-то пажу, живущему при дворе без года неделю, знать в лицо всю дворцовую прислугу! Кроме того, мсье Клери состоит в свите герцогини, а мы ведь только здесь, в Фонтенебло, живем вместе. Это одно. А другое – кто же говорит о том, чтобы мне отправиться в том виде, как я сейчас? Представьте себе, барышня: я одеваюсь средней руки торговцем, прицепляю себе длинную черную бороду и выезжаю. По дороге я обращаюсь к «незнакомому дворянину» с просьбой ехать вместе, объяснив это боязнию разбойников. Если подкурить побольше фимиама, то мальчишка распояшется вовсю. Ну а к тому же у всех этих дворянчиков, приезжающих ко двору искать счастья, мошна бывает очень тощая, и если угостить этого пажика, господина Клери, по дороге бутылкой изрядного винца, то бери хоть голыми руками. Ручаюсь вам, я вернусь с полным успехом.

– Жак, ты – прелесть! – восторженно воскликнула Беатриса. – Если ты можешь отлучиться на пару дней и готов послужить мне, то я очень рада, что такое важное дело сделаешь именно ты. Но вот в чем затруднение: как нам узнать, когда Филиберт выедет? Видишь ли, насколько я знаю, гер-

цогиня отдаст приказание пажу только сегодня.

– О, в таком случае нам торопиться незачем! Ее высочество встает не ранее полудня, а до того времени я успею сделать все, что нужно. У меня среди конюхов имеются приятели, и они известят меня!

– Совсем хорошо! А теперь, Жак, я хотела бы осмотреть Лебединую беседку!

– Ну что же, пойдёмте! Только вместе нам показываться неудобно. Так вы ступайте к холму Марса, а оттуда сверните в левую аллею. Это – довольно глухое место, в этот час там трудно встретить кого-нибудь, и там я вас нагоню.

Беатриса пошла к указанному месту, и за холмом Марса Жак нагнал ее.

Они пошли рядом, и Марон стал рассказывать:

– Лебединая беседка находится на Лебедином острове. Она была выстроена еще в самом начале, когда блаженной памяти король Франциск Первый отстраивал Фонтенебло. Говорят, будто король предназначил эту беседку для тех любовных свиданий, в которых надо было соблюдать особую осторожность. По-видимому это так и было, потому что островок сообщается с берегом посредством небольшого паромчика, перетягиваемого вручную. Стоит переехать на остров и закрепить паром, как уже никто не сможет нагрязнить невзначай и помешать влюбленным.

– Но их ведь можно было подкараулить у схода на берег! – сказала Беата.

– Нет, барышня, – возразил Жак, – паромчик подходил к крытой пристани, которая сообщалась подземным ходом с одним из гротов парка, но каким именно – никому не было известно.

– И все это сохранилось? – спросила Беата, глаза которой загорелись.

– Подземного хода теперь нет, но самое беседку и паромчик постоянно подновляют. Впрочем, вы сейчас увидите сами!

Они свернули влево, и перед ними блеснул небольшой прудик, посредине которого высилась легкая колончатая беседка.

Водный пояс, окружавший Лебединую беседку был шириной приблизительно локтей в пятьдесят,⁷ островок имел в поперечнике двойную ширину. Внешний берег прудика был совершенно обнажен, но островной густо зарос кустарником. Таким образом каждый, кто захотел бы следить за тем, что делается в беседке, оказался бы на виду. Наоборот, находящиеся на островке были под защитой зеленой стены. Ни в лодке, ни вплавь на остров перебраться было невозможно, потому что прудик совершенно зарос водяными растениями. Небольшой паромчик, ходивший по протянутому с берега на берег канату, был единственным средством сообщения с беседкой.

На этот паромчик и взошли Беатриса и Жак. Перебирая

⁷ Около семи саженьей.

руками канат, Марон живо подтянулся к островку, из-за густых зарослей которого виднелась Лебединая беседка.

Это было очень изящное зданьице в стиле раннего Возрождения, когда в жизнерадостности Ренессанса еще проглядывала кое-где готическая стрелчатость. Круглая аркада, подпираемая легкими коринфскими колоннами, включала в себе четырехугольный павильон, увенчанный куполом из восьми сферических треугольников. Вокруг купола над капителями колонн внешней арки шла небольшая балюстрада.

Не без некоторого трепета вступила Беатриса по широкой мраморной лестнице внутрь беседки, где протекала более ста лет тому назад часть интимной жизни короля Франциска. Тяжелые портьеры на окнах, старые портреты на стенах, массивная кровать под балдахинном, кресла, пуфы, столики – все дышало глубокой стариной.

В первый момент молодая девушка совсем забыла, зачем пришла сюда. Тени прошлого, реявшие по всем уголкам беседки, невольно навевали на ее душу чувство глубокого благоговения. Но вдруг, при взгляде на массивную резную кровать, в ушах Беатрисы прозвучал вкрадчивый женский голос, произносивший: «До свиданья, в Лебединой беседке, мой дорогой мальчик!» – и чары прошлого сразу рассеялись, уступая власти настоящего.

– Жак, – сказала она, – имеется ли здесь место, откуда можно незаметно наблюдать за всем происходящим в бесед-

ке?

Жак подумал и сказал, показывая на потолок:

– Видите, барышня, здесь должны были бы висеть четыре люстры, а висит только три. Несколько лет тому назад одна из тяжелых люстр – та, которая висела над столом у кровати, – упала, вырвав крюк из потолка. Дыру слегка подмазали, но присмотритесь и вы увидите, что подмазка почти осыпалась. Я думаю, что стоит протолкнуть палкой дыру, и получится отличное смотровое окошечко.

– Но разве наверх можно пробраться? – спросила Беатриса.

– А как же! – ответил Жак и повел ее к выходу.

В двух местах от наружной аркады кверху шли две лестницы, которые вели на верхний балкончик, окружавший купол. В последнем был проделан люк, и через него Жак провёл Беатрису в чердачное помещение над внутренностью беседки.

Марон оказался прав. Замазка старой дыры почти обвалилась, и в щель виднелся столик у кровати.

– Жак, – сказала теперь девушка, – мне нужно, чтобы ты сделал две важные вещи: во-первых, необходимо расширить дыру, во-вторых – сделать как-нибудь так, чтобы случайный скрип досок или шум шагов здесь, наверху, не выдал внизу присутствия постороннего наблюдателя.

– Ну, что же, это легко сделать. Я выберу удобный момент и принесу сюда несколько сенничков. Но... вам это нужно

сегодня?

– Нет, мне нужно, чтобы все это было сделано до вечера пятницы этой недели.

– Вот это так! А то мне ведь нужно сегодня устроить ваше дело с Сен-Клу.

– Да, да, милый Жак! Хорошо, что ты вспомнил! Как бы нам не прозевать отъезда пажа!

– Нет, я сейчас же отправлюсь на разведку к конюхам!

– А если найдется время, то пришли мне писца. Да, кстати, а когда тебя можно ждать обратно?

– Если паж выедет сегодня до вечера, то в четверг утром я уже надеюсь быть обратно!

– Отлично! Спасибо тебе за все, милый Жак! А теперь переедем обратно «на сушу» и займемся каждый своим делом!

Они переехали на паромчике на берег и разошлись в разные стороны. Беатриса поспешила домой, чтобы распорядиться первым завтраком Луизы, а Жак Марон направился на конюшенный двор герцогини Орлеанской, чтобы разузнать там, что нужно.

Оказалось, что лошадь для пажа Филиберта еще не заказана, но приятель-конюх обещал сейчас же дать знать Жаку, как только это будет сделано. Затем Жак отправился к другому приятелю, цирюльнику в городе. С ним он столкнулся о бороде и костюме купца средней руки, объяснив все любовной интригой. Затем, распорядившись, чтобы на двор к цирюльнику привели крепкую, выносливую верховую ло-

шадь, Марон вернулся домой.

Дома Жак обменялся с другим лакеем выходными днями и стал ждать конюха. Наконец пришел и тот с известием, что лошадь приказано седлать и что паж Филиберт выедет через полчаса. Тогда Жак поспешно кинулся к цирюльнику, прикрепил там фальшивую бороду, переоделся и бодрой рысцой пустил коня по дороге на Корбейль.

Х

Первоначально Жак предполагал ехать не торопясь до самого Корбейля, останавливаясь лишь на небольшое время для отдыха лошади. Прикидывая по времени, Марон рассчитывал, что именно в Корбейле паж остановится для более продолжительного отдыха и для приема пищи; следовательно, именно там легче всего будет завязать знакомство.

Однако едва только Жак Марон отъехал пять-шесть лье,⁸ как перед ним встало совершенно неучтенное ранее препятствие. Тут, на крутой излучине Сены, стояла небольшая деревушка Сэн-Бонэ-о-Буа, от которой на Корбейль шли две дороги, имевшие каждая свое преимущество. Одна была короче, но, пользуясь ею, приходилось четыре раза переправляться вброд. Другая была равна и удобна, но вела значительно в обход. Какой из них отправится Филиберт? И с какой скоростью он будет ехать? Ведь если он поведет коня на рысях, то, избрав даже более длинную дорогу, перегонит Жака! А вдруг как Филиберт от Сэн-Бонэ отправится уже не верхом, а просто спустится вниз по Сене – путь, которым, по уверениям крестьянина, сообщившего все эти сведения, пользовалось немало людей!

Таким образом, Жаку оставалось одно – остановиться в

⁸ Пятнадцать-двадцать верст.

харчевне, находившейся на пригорке в сотне шагов от дороги.

Так он и сделал. Войдя в харчевню «Бравый моряк», он велел подать себе вина и уселся у окна, откуда была отлично видна дорога.

В это время дорога вообще не изобиловала путешественниками, да в Сэн-Бонэ они и вообще-то редко останавливались. Поэтому хозяин харчевни, толстый, добродушный весельчак, до смерти обрадовался гостю, подсел к нему со своей бутылкой вина и повел оживленную беседу. Жак сам был человеком веселым и общительным, и через полчаса хозяин и гость были уже добрыми друзьями.

Прошел целый час, было рассказано уже немало интересных историй и забавных анекдотов, а паж Филиберт все еще не показывался. Тут желудок напомнил Жаку, что он, верный слуга, совершенно забыт хозяином, горячо принявшим к сердцу поручение Беатрисы Перигор.

– А, что, патрон, – сказал Жак, – время как будто клонится к обеду! Право, я с еще большим удовольствием выпил бы свежую бутылочку винца, если бы вдобавок к ней у вас нашелся кусок горячего мяса!

– Великолепно! – отозвался толстяк. – Сейчас я угощу вас такой курицей, отведав которую, вы всю жизнь будете помнить Тимолеона Бланжи!

Бланжи тут же взялся за хлопоты. Он приказал слуге развести огонь на очаге, а сам отправился в кладовую и принес

оттуда громадного каплуна, уже вычищенного и ошипанного, и большой кусок свиного сала. Затем, приняв глубоко-мысленный и торжественный вид, трактирщик стал священнодействовать. Он натер каплуна разными специями, затем нарезал сало длинными полосками, обложил им птицу, перевязал веревкой и самым безжалостным образом надел спеленутого каплуна на вертел.

Тем временем дрова на очаге почти прогорели, образовав много угля. Тогда Тимолеон Бланжи нацепил вертел на стойки у очага, закрепил ручку и принялся медленно вертеть жаркое над кучей пылающих углей.

Через несколько минут полоски сала стали таять и прижариваться. Сало и сок из курицы стекали на подставленную сковородку, шипя и отбрасывая в стороны струйки синеватого дымка, а Бланжи захватывал стекавшую подливку особой ложкой и ревностно поливал соком медленно поворачиваемую птицу.

По всей комнате распространился ароматный запах жаркого, и, чем дальше шло время, тем этот запах становился все более дразнящим, заставляя голодного Жака Марона усиленно глотать жадную слюну, и тем аппетитнее потрескивала подрумянивавшаяся птица.

– Еще десять минут, и вы увидите, что такое курица Тимолеона Бланжи! – внушительно произнес хозяин. – Жан, – обратился он к слуге, – поворачивай медленно вертел, а я тем временем спущусь за вином. О, я угощу вас таким див-

ным напитком, которого вы тоже долго не забудете! – прибавил он по адресу Жака, скрываясь за дверью.

Через минуту он вернулся с парой бутылок в каждой руке. Когда они были торжественно поставлены перед Жаком, последний почувствовал, что его аппетит еще более разрастается, становясь просто зверским: ведь эти бутылки были в той благородной пыли и плесени, которая свидетельствовала о древности происхождения благородного напитка!

Жак положительно считал секунды, отделявшие его от такой многообещающей трапезы. И вдруг в тот момент, когда голодный Марон уже считал себя на пороге блаженства, показалось облачко пыли, в котором отчетливо вырисовалась фигура конного Филиберта Клери!

Нечто похожее на отчаяние овладело душой Жака. Как, неужели же бросить все, не отведать этой ароматной курицы, не выпить глотка этого старого вина и броситься вдогонку за пажом? В Жаке Мароне поднялась сильная душевная борьба. Может быть, ему все-таки поесть и выпить и потом уже постараться догнать Филиберта?

Но в тот момент, когда борьба между долгом и чувством дошла до апогея, Жак увидел, что Клери задерживает лошадь и в нерешительности озирается по сторонам. Через несколько секунд он снова дал лошади поводья и решительно свернул в сторону харчевни. Увидев это, Жак Марон бросился к хозяину и торопливо сказал:

– Патрон, хотите оказать мне крупную услугу и заработать

целый золотой в придачу к общему счету?

– С удовольствием то и другое! Что для этого надо сделать?

– Сейчас сюда подъедет молодой дворянин. Если он потребует вина и еды, скажите ему что у вас вышли все запасы, что эта курица и эти четыре бутылки – последнее, что есть в доме, и уже заказано мной, и что ваш работник отправился за провизией, но, когда будет, неизвестно.

– Для чего вам это?

– Этот дворянин нужен мне для моих торговых дел. Он горд и держится недоступно, но теперь я предложу ему разделить со мной трапезу, и это даст мне возможность подъехать к нему!

– О, в таком случае готов услужить вам! Но вот он уже подъезжает... Жан, поди прими лошадь!

Филиберт Клери соскочил у дверей харчевни на землю, кинул слуге поводья и вошел в комнату. Гордо оглянувшись по сторонам и небрежным движением головы ответив на почтительные поклоны хозяина и Жака, юноша повелительно крикнул:

– Хозяин, вина мне, да самого лучшего! О, да у вас тут жарится превкусная птичка! Ну, так подадите мне ее!

– Увы, сударь, – ответил Тимoleon Бланжи, – я ничем не могу служить вам! У меня вышли все запасы, а то, что вы здесь видите, заказал для себя вот этот проезжий, и вам придется подождать, пока вернется работник, посланный мной

за вином и провизией!

– А когда он вернется? – спросил паж.

– Я думаю, что через час или два...

– Тысяча чертей и одна ведьма вам в зубы! – с яростью крикнул паж. – Да неужели вы воображаете, что я буду сидеть целые часы в такой мерзкой норе, ожидая ту дрянь, которой вам благоугодно будет накормить и напоить меня?

– Тогда вам придется продолжать свой путь. Часах в полутора езды отсюда имеется...

– Но я хочу есть и пить! – крикнул Филиберт, хлопая кулаком по столу.

Тут к нему почтительно приблизился Жак Марон и произнес:

– Ваша честь! Я – только скромный торговец, тогда как вы – благородный господин, одаренный знатностью, красотой и храбростью. Но дорога порой равняет самых неравных людей, и это дает мне смелость обратиться к вам с униженной просьбой: не осчастливите ли вы меня, оказав мне честь, разделить со мной мой скромный обед?

Филиберт вспыхнул от удовольствия и благосклонно взглянул на «купца».

– Кто – вы, добрый человек? – спросить он.

– Я – Жюль Куртиль, купец из Невера, к услугам вашей чести.

– А, так, так... из Невера! Славный городок! Ну так вот что, мсье Жюль, я – человек не гордый и охотно оказываю

услуги лицам низшего класса, а потому... Хозяин, еще прибор! – и Филиберт Клери уселся против Жака.

Тимолеон Бланки снял курицу с вертела, разрезал, положил дымящиеся куски на деревянное блюдо и подал на стол гостям. Затем он откупорил вино, разлил его по стаканам и сам остановился невдалеке, ожидая, что скажут гости по поводу поданного им кушанья и вина.

Филиберт Клери вооружился ножом, нацепил на его острие один из самых жирных и сочных кусков и, ловко управляясь пальцами,⁹ отодрал и отправил в рот кусок белого мяса.

– О-о-о! – произнес он, прожевывая сочную, ароматную курятину.

Жак предупредительно пододвинул ему стакан вина. Филиберт отпил большой глоток, удивленно мотнул головой и за один присест опорожнил стакан.

– А-а-а! – с восхищением промычал он и потянулся за следующим куском курицы.

В течение некоторого времени в комнате только и слышалось, что сопение и жадное чавканье пажа, периодически сменяемое прихлебыванием. Наконец Филиберт в изнеможении откинулся к стене, тяжело перевел дух и дрожащей рукой вытер пот на своем сильно покрасневшем лице.

Теперь на большом блюде сиротливо виднелся единствен-

⁹ В то время вилки еще не были в употреблении, и даже за парадным королевским столом они фигурировали больше для красоты.

ный недоеденный кусок.

– Еще кусочек этой великолепной курицы, ваша честь! – услужливо предложил мнимый Жюль Куртиль.

– О, я и так съел слишком много... гораздо больше вас! – не совсем твердым языком ответил паж.

– Но прошу вас! – настаивал Жак.

Филиберт одну секунду поколебался, затем расстегнул еще пуговку своего камзола и потянулся за последним куском, говоря:

– Ну что же? Я не горд. Чтобы доставить вам удовольствие...

Последний кусок исчез вслед за прежними и был обильно полит последней бутылкой старого вина.

– Ну и курица! – воскликнул паж. – И где вы только достали такую, патрон?

– О, ваша честь, – ответил польщенный Тимолеон Бланжи, – я специально откармливал ее по старому, дедовскому способу! Немало разного корма съела эта злодейка, прежде чем удостоиться одобрения вашей чести!

– Да, кормили вы ее действительно на славу, патрон, – вступился Жак. – Но зато вы, очевидно, вовсе не поили ее, потому что она отчаянно требует пить! Ну-ка, хозяин, взгляните-ка на свои запасы, не притаилась ли где-нибудь еще пара бутылок такого же винца?

– Вот это я называю говорить умно! – с хмельным смехом воскликнул паж. – Нет, вы положительно нравитесь мне все

больше и больше, мсье Жюль! Скажите, куда вы собственно направляетесь?

– В Париж, ваша честь. Кстати, хорошо, что вы напомнили мне про дорогу, о которой я совсем забыл в вашем высокочтимом обществе! Надо сейчас же собираться в дальнейший путь.

– Вы так торопитесь?

– Ну не так, чтобы уж очень, но... День уже клонится к вечеру, и если я засижусь еще немного, то мне придется ждать до утра, а это меня очень задержит.

– Но в эту жаркую пору вечер – самое приятное время для путешествия!

– О, для такого сильного и смелого рыцаря, как ваша честь, – да, но не для купца... В этих краях порой пошаливают лихие люди, а я везу с собой довольно изрядную сумму денег. Для того чтобы повеселиться, выпить хорошего вина и позабавиться с красоткой, мне не жаль никаких денег. Но я вовсе не желаю, чтобы мои трудовые деньги попросту перешли в карманы каких-то там головорезов!

– Но вы можете ехать вместе со мной, я ведь тоже еду в Париж! – поспешно заявил Филиберт, которому очень улыбнулась мысль иметь своим спутником человека, не жалеющего денег на вино и красоток, а главное – имеющего деньги на этот предмет.

– О, если бы я смел рассчитывать на такую честь! – воскликнул Жак.

– Но почему же нет? – снисходительно возразил паж. – Я вовсе не горд, и моя шпага готова защитить всякого честного человека! А эта шпага чего-нибудь да стоит, уж поверьте! – и Филиберт Клери принялся в подтверждение последних слов рассказывать ряд самых поразительных и блестящих приключений, в которых судьба отводила ему первенствующую, геройскую и неизменно торжествующую роль. Правда, на самом деле этих приключений никогда не существовало, но юный паж так ярко пережил их в часы своих пылких мечтаний, что эти приключения были... ну, совсем как реальные!

– Однако, как я вижу, вы занимаете при дворе очень важное положение! – заметил Жак, когда Филиберт на мгновение остановился, чтобы перевести дух от собственного геройства.

– О-о-о! – ответил паж. – Еще бы! Я удостоен доверием самых высокопоставленных лиц, и мне дают самые ответственные, самые секретные поручения! Вот хоть бы и сейчас.

– Но вы так молоды! – не то с почтительным удивлением, не то с оттенком недоверия произнес Жак.

– Как, да вы еще сомневаетесь? – воскликнул Филиберт, не без труда вставая с места. – Ну так едем, и я вам докажу!

Жак щедро расплатился с Тимолеоном Бланжи, и вскоре оба спутника выехали из-под гостеприимного крова харчевни «Бравый Моряк», провожаемые низкими поклонами хозяина.

Сен-Бонэ-о-Буа находилось почти на половине пути меж-

ду Фонтенебло и Корбейлем, и те пять-шесть лье, которые оставалось сделать нашим путникам до последнего города, можно было проехать при наименьшей торопливости в каких-нибудь полтора часа. Но по дороге попадалось довольно много харчевен, а курица Тимолеона Бланжи, по уверениям Жака, непрестанно требовала пополнения той влаги, в которой ей отказывал при откормке хозяин. После ряда «непредвиденных остановок» вышло так, что в Корбейль они попали лишь поздно вечером, причем Филиберт Клери был в самом радужном настроении. Услужливость и радушие Жюля Куртиля настолько расположили к нему пажа, что Филиберт коснеющим языком рассыпался в клятвах, обещая непременно выхлопотать ему дворянское звание. А так как «слово Филиберта Клери», по уверениям юноши, можно было рассматривать как нечто равноценное уже свершившемуся, то ничто не мешало подвыпившему пажу уже теперь третировать спутника, как своего брата-дворянина. Это, в свою очередь, снимало с юноши последние остатки (очень незначительные, правда) какой-либо совестливости в распоряжении достатками Жюля Куртиля как своими собственными.

Особое удобство такого порядка вещей Филиберт познал в Корбейле, где Жюль Куртиль устроил ему великолепный пир со всеми доступными прелестями мира сего. Не было недостатка ни в изысканных яствах, ни в душистых винах, ни в «девах радости», как колоритно именовал милых, но погибших созданий французский язык доброго старого вре-

мени.

Между прочим, чуть «не кончился пир их бедой». В разгаре бурного веселья одна из разшалившихся «дев радости» неожиданно вздумала ухватить за приставную бороду мнимого Жюля Куртиля. Тот едва-едва успел вовремя предупредить это неосторожное движение. Впрочем, особых причин для опасений тут не было. Вся компания, за исключением самого Жака, только делавшего вид, будто он пьет наравне со всеми, была совершенно пьяна, а сам Филиберт Клери млеет в гостеприимных объятиях красивой брюнетки. Но на всякий случай Жак все же решил прикончить разгульное пиршество. Вскоре паж ушел спать, девы были с миром и соответствующей мздой отпущены, и веселая пирушка благополучно окончилась.

На следующей день солнце уже порядком склонялось к горизонту, когда Филиберт Клери с трудом раскрыл свои оплывшие веки. Пажик, не привыкший к излишествам, чувствовал себя довольно мерзко, но явился все тот же добрый гений, Жюль Куртиль, и с помощью ряда гигиенических мер, в которых не последнюю роль играла бутылка старого, терпкого и довольно крепкого сидра¹⁰, восстановил утраченное равновесие в организме юноши.

Они пообедали в Корбейле и снова пустились в путь. Теперь до Сен-Клу оставалось около двух с половиною часов пути. Первую половину Клери был мрачен, молчалив, про-

¹⁰ Плодовое, преимущественно яблочное, вино.

являл некоторое отвращение к дальнейшему служению богу Вакху. Но в историческом городе Лонжумо он вспомнил, что здесь один из его предков, отличившийся в благородном деле истребления инаковерующих, участвовал в заключении мира,¹¹ чтобы вскоре нарушить таковой. Память благородного предка надо было почтить, и две бутылки вина вернули пажу хорошее настроение, а его языку – хвастливую развязность.

Остановившись по прибытии в Сен-Клу в гостинице, наши спутники поужинали и, конечно, опять изрядно выпили. У пажика снова вспыхнуло непреодолимое желание с пламенной страстью отдаться служению Вакху, и Жак счел необходимым навести посланца Генриетты Орлеанской на мысль о его поручении.

– Ах да, мое поручение... мое поручение... – смущенно пробормотал Филиберт. – Ну вот что, вы посидите здесь пока, а я сейчас вернусь! – и паж не совсем уверенно поднялся с места.

– Понимаю! Любовное приключение! – с хитрым видом произнес Жак.

– Не любовное приключение, а дело первой государственной важности! – надменно возразил Клері.

– Ну да! Размазывайте! Глядя на вас, можно больше поверить первому, чем второму! – настаивал мнимый Жюль.

– Ах так? – воскликнул задетый за живое паж. – Ну так я

¹¹ В 1568 году здесь был подписан мир между католиками и гугенотами.

вам докажу! Пойдемте со мной!

В ответ на это приглашение Жак встал и молча последовал за слегка пошатывавшимся пажом.

Они прошли несколько улиц и свернули в глухой переулок. Здесь, на самом краю, виднелся небольшой домик, тонувший в середине большого и заросшего сада.

Филиберт подошел к массивной калитке и постучал эфесом шпаги о косяк двери. Никто не отозвался на этот стук. Тогда паж постучал еще и еще. После третьего стука песок на дорожке за калиткой заскрипел под чьими-то шагами, смотровое оконце с шумом откинулось, в отверстии показалась всключенная голова отвратительной на вид старухи, и противный, скрипучий голос ворчливо произнес:

– Какой дьявол мешает по ночам спать честным людям?

– Орлеан и Амур! – важно и отчетливо произнес паж. – Ага! – засмеялся он, – небось прикусила язык, старая ведьма? Уж не ты ли принадлежишь к тем честным людям, которые имеют право наслаждаться спокойным сном? Ну, слушай. Госпожа приказала, чтобы та, которую ты знаешь, была доставлена в известное тебе место к двенадцати часам дня в воскресенье. Поняла?

– Поняла! – хмуро отозвалась старуха. – Все?

– Все!

Смотровое оконце снова захлопнулось.

– Ну убедились? – с торжеством спросил Жака Филиберт. – А теперь вернемся к прерванному занятию!

Они вернулись в гостиницу, и здесь Жак принялся с ожесточением накачивать юношу вином, пока Клери не почувствовал, что больше пить не может.

– Ну, еще стаканчик! – упрашивал Жак.

– Что же, я... не горд! – с трудом выговорил Филиберт, осушил подвинутый к нему стакан и вслед затем безжизненным телом скатился со скамьи под стол.

Жак кликнул слугу, велел отнести юношу на постель, расплатился в гостинице, приказал подать себе лошадь и помчался по дороге обратно. Отъехав от Сен-Клу, он снял привязную бороду, спрятал ее в дорожную сумку и поехал дальше. Он останавливался ровно столько раз, сколько это было строго необходимо, и на следующее утро Беатриса Перигор уже принимала от своего верного слуги доклад об успешном исполнении поручения.

XI

Пришлось так, что с самого дня празднования новоселья Луиза де Лавальер почти не видала короля, который забегал к ней лишь урывками, на минутку.

На следующий день – это был понедельник – с утра король принимал английского посланника, с которым долго о чем-то беседовал; когда же, устав от работы, он рассчитывал отдохнуть в нежной и кроткой беседе со своей подругой, к нему прибежала ветревоженная донна Молина, первая статс-дама королевы, приехавшая с ней еще из Испании и обожавшая свою госпожу. Испанка с волнением сообщила Людовику, что королеве Марии Терезе стало «совсем-совсем худо» и что врачи высказывают дурные предположения. Людовик чувствовал глубокое равнодушие к некрасивой, рыхлой, малоподвижной, далеко неумной Марии Терезе, которая была к тому же не очень молода. Правда, ей шел всего только двадцать четвертый год, но ведь и Людовику было ровно столько же, а когда жена в одних годах с мужем, то она – всегда старше. Кроме того, необходимо принять во внимание, что испанки, физически созревая очень рано, рано и старятся. Во всяком случае, как бы там ни было, Людовика ничто, кроме политического расчета, с женой никогда не связывало, и, как в первый день свидания, так и теперь, на третьем году брака, жена была для него лишь необходимостью, с которой

следовало, да и легко было мириться.

Но именно политический расчет – единственный цемент в отношениях к супруге – не позволял теперь Людовику оставаться равнодушным к состоянию ее здоровья. Ведь она была теперь не только королевой, не только нелюбимой женой, а и хрупким сосудом, в котором заложено было зерно будущего всей династии. Свое «интересное положение» (в котором, кстати сказать, Мария Тереза была еще менее интересна, чем всегда) королева переносила и без того тяжело, и доктора предупреждали Людовика, что возможны преждевременные роды, в результате которых королева, по всей вероятности, навсегда станет неспособной к деторождению. Теперь, когда донна Молина сообщила Людовику, что Марии Терезе стало очень плохо, он вспомнил и эти предупреждения, и предсказание старой цыганки, сделанное ему еще давно.

«Не сын вступит после тебя на престол Франции!» – так гласило это туманное, мрачное предсказание.

– Так, может быть, внук? – беззаботно спросил тогда король-юноша.

Цыганка еще раз склонилась к королевской руке и затем резко произнесла только одно слово:

– Нет!

Тогда Людовик с беззаботностью счастливой юности обратил очень мало внимания на это предсказание и только некоторое время поддразнивал Филиппа, что цыганка, види-

мо, пленилась им больше, чем королем. Но, с тех пор как Мария Тереза понесла сына и ее состояние стало омрачаться серьезными недомоганиями, Людовик не раз с тоской и озлоблением думал: «Неужели и в самом деле престолонаследие перейдет к герцогу Орлеанскому или его потомству?». Ведь, не будучи в состоянии предугадать странную игру судьбы, коснувшейся ближайших потомков его,¹² он мог истолковать предсказание цыганки лишь в том смысле, что у него вообще не будет потомства!

– Что же такое с ее величеством? – тревожно спросил теперь Людовик у Молины.

– Ее величество очень сильно плачет... жалуется, что сердце перестает биться, и временами впадает в забытье. Появились боли, – ответила испанка.

– Плачет? – переспросил король. – Может быть, королеву что-либо расстроило?

– К сожалению, у ее величества слишком много причин для огорчений! – угрюмо ответила преданная статс-дама. – Но весь день королева была очень хорошо настроена. Только

¹² Как известно, сын Людовика XIV, дофин Людовик, умер еще при жизни отца. Наследником престола стал его сын, герцог Людовик Бургундский. За несколько времени до смерти Людовика XIV герцог Бургундский с женой и двумя старшими сыновьями заболел оспой и умер. Таким образом права престолонаследия перешли к младшему сыну герцога Бургундского, вступившему на престол под именем Людовика XV и бывшему правнуком Людовика XIV. Хотя Людовик XV и был прямым потомком Людовика XIV, но игра судьбы в том и состояла, что между ним и престолом стояли прадед, дед, отец и два старших брата, которые, однако, умерли один за другим с молниеносной скоростью.

недавно ее величество навестили ее высочество герцогиня Орлеанская и графиня де Суассон... они о чем-то говорили, и вот... после их ухода все и началось...

Последние слова все объяснили королю.

– Проклятые! – крикнул он, бешено стукнув кулаком о стол, и бросился на половину королевы.

Марию Терезу тем временем удалось немного успокоить; но, увидев Людовика, она вскрикнула, замахала руками, ее одутловатое лицо исказилось гримасой злобы, и припадок возобновился с новой силой.

Молина без церемоний удалила Людовика в соседнюю комнату, где он и просидел до позднего вечера, пока вышедший к нему доктор не заявил, что припадок благополучно прошел, королева забылась благодетельным сном и в данный момент прямой опасности нет.

Людовик с облегчением перевел дух и только теперь заметил, насколько он устал и разбит. Чувство глубокого беспокойства, заслонившее на эти тяжелые часы все остальное, уступило место глухому раздражению против супруги и угрюмой ярости против Генриетты и Олимпии, жало которых то и дело приходилось ему чувствовать. Вместе с тем, Людовика с неудержимой страстью потянуло к кроткой и любящей Луизе.

Но было поздно, а король не пользовался правом навещать свою подругу в любой час. Поэтому Людовик ограничился тем, что скользнул в парк, прокрался к тому месту зам-

кового фасада, где были расположены комнаты Луизы, и постоял несколько минут против окна ее спальни, вздыхая, словно юный паж перед знатной и недоступной красавицей.

К себе Людовик вернулся в очень угрюмом и неудовлетворенном состоянии духа. Он без аппетита поужинал и лег спать, моля Бога лишь о том, чтобы скорее пришел спасительный сон. А сон, как назло, не шел и не шел, и уже дрожали лучи рассвета, когда тихая греза прикрыла наконец измученного короля своими всеутоляющими крыльями.

Но было довольно рано, когда Людовик проснулся, словно от толчка. Он послал Лапорта осведомиться о здоровье королевы и, успокоенный благоприятным ответом, хотел снова заснуть, как вдруг ему доложили, что королева-мать, только что прибывшая из замка в Сен-Клу, желает немедленно повидать его.

Теперь снова слетело с Людовика все беззаботное, спокойное настроение. Разговор с матерью не предвещал ничего хорошего. Но уклониться от него было невозможно, а потому пришлось вставать и идти к матери.

Как и ожидал Людовик, Анна Австрийская с первых же слов накинулась на сына с упреками. Она говорила о невозможности бесцеремонного отношения к чести и самолюбию королевы-жены, о бестактности держать свою любовницу тут же под боком, о разорительности жизни, которую ведет юный король. Людовик слушал все эти причитания с видом равнодушной покорности неизбежному, но, когда коро-

лева-мать с пафосом заговорила о пороке и добродетели, когда она позволила себе назвать Луизу де Лавальер «грязной распутницей, совратившей Людовика со стези добродетели», он вспыхнул и почувствовал, как опять с неудержимой силой в нем загораются обиды и терзания детских лет.

– Согласись сам, что дело не может идти так далее! – заключила свою проповедь Анна.

– О, нет, клянусь Богом, не может! – согласился Людовик. – Разве можно допустить, чтобы и далее короля Франции третировали как мальчишку? И вот, чтобы раз навсегда положить конец такому неестественному положению дел, я ставлю в известность ваше величество, что впредь не допущу разговоров в подобном тоне. Я – король, и этим все сказано!

– Да, ты – король, – скорбно повторила Анна, – но и у королей бывают матери.

– Бывают, ваше величество, бывают! – согласился Людовик, перебивая Анну в ее попытке доказать свои верховные права. – Только к счастью или несчастью – вот уж не умею вам сказать! – потому что... Не приходилось ли вам слышать трогательный рассказ, как маленький семилетний король с детской шаловливостью вбежал не постучавшись к своей матери и застал ее в объятиях низкого и вороватого авантюриста? Может быть, вам приходилось слышать также, что было с маленьким королем? О! Авантюрист выдрал короля за уши и пинком выбросил его за дверь, причем мать короля не сделала ни малейшей попытки к вмешательству.

– Как ты осмеливаешься? – крикнула Анна, вскакивая с кресла и выпрямляясь во весь рост.

– Вспоминать? – все тем же холодным тоном возразил Людовик. – Но это – неотъемлемое право всякого человека! Я очень редко пользуюсь им, потому что у меня мало приятных воспоминаний, но... когда слышишь рассуждения о морали...

Анна Австрийская снова опустилась в кресло и еле слышным голосом ответила:

– Годами молитвы, покаяния, сурового поста я обрела примирение с Небом и твердо верю, что Господь...

– Великолепно, – перебил ее король, – когда я доживу до вашего возраста, я тоже начну каяться. Ну а теперь я уж позабочусь, чтобы впоследствии было в чем каяться. Ничего не поделаешь, ваше величество: каждый возраст имеет свои задачи.

– Это – твое последнее слово? – с отчаянием воскликнула Анна, видя, что Людовик собирается уходить.

– О, нет! – ответил король. – Я еще надеюсь сказать много слов в своей жизни! Но в данный момент позвольте считать наш разговор оконченным. Я очень спешу. Как раз, когда вы так красноречиво говорили мне о необходимости сократить расходы, мне пришел в голову блестящий план устроить пышный турнир в честь возвращения Филиппа. Если хотите, я прикажу приготовить для вас место... – Людовик уже отворял выходную дверь, как вдруг на него налетела волна

злобной шаловливости, и он договорил: – около Луизы де Лавальер!

Сказав это, король вышел из комнаты, резко хлопнув дверью.

Все в нем кипело и бушевало. Он твердо решил ответить на увещания матери устройством разорительно-блестящего турнира и пригласить почетной зрительницей Луизу де Лавальер. С этим он и отправился прямо к «пастушке».

– Наконец-то! – радостно воскликнула Луиза, увидев короля. – Как я истосковалась по тебе, божество мое!

– И я тоже, дорогая, – ответил он, нежно целуя руки подруги. – Но вся эта неделя так складывается, что я совершенно не могу располагать своим временем. Вот и теперь я забежал лишь на минутку. Хотел взглянуть на твои милые глазки и предупредить, кстати, что послезавтра, по случаю приезда герцога Орлеанского, будет устроен турнир, на котором обязательно должна присутствовать и ты!

– Людовик, что ты! – с ужасом воскликнула «пастушка».

– Нет, нет! Не пытайся отговорить меня: такова моя непреклонная королевская воля! – перебил испуганную девушку Людовик. – Мне надоели эта игра в жмурки, эта травля из-за угла, которой ты вечно подвергаешься. Пусть все видят, что я не скрываю своей дружбы, и если тогда кто-нибудь осмелится... Пока – всего хорошего, Луизетта, очень надеюсь, что мне удастся повидать тебя сегодня еще. Так, значит, послезавтра ты присутствуешь на турнире. Позаботься о туа-

лете, он должен быть достоин королевской подруги! – и, еще раз поцеловав руку Лавальер, Людовик поспешно ушел, желая тут же заняться подготовлением задуманного турнира.

XII

Уже тогда, когда рабочие спешно занялись устройством амфитеатра вокруг арены турнира, любопытство придворных было возбуждено до последней степени; всем хотелось знать, для кого предназначается маленькая голубая ложа, примостившаяся хотя и сбоку, но на видном и почетном месте.

Все остальное было понятно. Всякий знал, что большая ложа с балдахином, расшитым серебряными лилиями, будет пустовать, так как королева-супруга не встанет с кровати, а королева-мать еще накануне уехала в Сен-Клу. Точно так же знали, что в ложе поменьше, балдахин которой расшит гербами Орлеанского дома, появится прелестное личико Генриетты Английской, что вокруг лож займут места высшие чины свиты обеих королей, а на скамьях сядут зрители рангом пониже. Но кто будет восседать в этой кокетливой голубой ложе, увитой вместо гербов живыми цветами и серебряными амурами?

Тот же вопрос не сходил с уст собравшихся вокруг арены в день турнира. Кто появится в этой ложе? Все пожимали плечами и не могли высказать хоть приблизительную догадку.

Уже раз прозвучали трубы, извещая зрителей о близости начала турнира, а в голубой ложе никого не было. При вторичном трубном сигнале взоры всех с жадным любопыт-

ством устремились к голубым занавесям, закрывавшим вход в ложу, и наконец те, кто сидел против таинственного гнездышка цветов и амуров, заметили, как голубые занавеси зашевелились, пропуская что-то светлое и сверкающее. Это «что-то» подошло к барьеру, и по амфитеатру волной пронесся возглас изумления: в ложе была Луиза де Лавальер!

Но сквозь ропот удивления, злобы, восторга и зависти сидевшие вблизи все-таки расслышали, как с бешенством топнула маленькая ножка Генриетты о пол своей ложи и как хрустнул веер, сломавшийся в судорожно стиснутых кулаках графини де Суассон.

– Ого! Открытый вызов! – шепнул Сент-Эньян виконту де Решикуру.

– Может быть, но как она прелестна! – ответил тот, не отрывая восторженного взора от стройной, девственной фигуры королевской подруги.

Действительно, Луиза была особенно прелестна в этот день. Платье серебряной парчи, богато отделанное алансонскими кружевами, выгодно облегалo ее стройный, упругий стан и красиво выделялось на голубом фоне ложи. Диадема, усеянная крупными рубинами и бриллиантами, наполняла сиянием сложную прическу Луизы. Массивные браслеты рельефно оттеняли благородную округлость ее изящных рук, а три пунцовые розы, приколотые к левому плечу, подчеркивали своей бархатистой алостью нежный тон лица «пастушки».

– Что же это такое? – хрипло прошептала Барду графиня де Суассон. – Неужели... неужели... король... уже...

– Нет, Олимпия, этого не случилось, я имею точные сведения, – ответил Вард.

– Но что же это значит в таком случае?

– Это значит, что я был прав, предупреждая вас об опасности такого открытого образа действия. Ну вот, вы взвинтили молодую королеву, напустили старую на короля, а его величество, как и всегда, пошел напролом. Такие выходы только подстрекают его все больше и больше! Ей-богу, Олимпия; будь вы лучшим другом этой притворной добродетели, вы не могли бы сыграть ей в руку больше, чем всем своим поведением! Вы не хотите отказать себе в маленьких минутах мелкого торжества и этим уменьшаете шансы на окончательное. И я не удивлюсь теперь, если благодаря вам весь наш хитрый и сложный план торжественно провалится!

– Все равно я пойду до конца! – прохрипела Олимпия, задыхаясь от бешенства. – Но – тсс! – вот играют последний сигнал, сейчас начнется выезд!

Действительно, два пажа торжественно раздвинули грандиозный занавес, скрывавший въездные ворота, и оттуда медленно стали выезжать турнирные отряды.

Впереди всех ехал король Людовик – предводитель римлян. Весь закованный в золотые доспехи, он был истинным «королем-солнцем»! «Рыцари его отряда были в однообразных серебряных доспехах, и только ленточки разных цветов

– цветов их дам, – украшавшие левую наручь, позволяли различать всадников.

Король медленно двигался во главе своего отряда к середине арены, и взоры всех присутствовавших жадно устремились к его наручи. И опять гул удивления пронесся по амфитеатру, опять злобно топнула ножкой Генриетта: левую наручь короля украшала наполовину серебропарчевая, наполовину голубая ленточка с приколотой к ней алой розой!

Впрочем, было одно существо, которое не обратило ни малейшего внимания на короля, а с напряженным вниманием искало кого-то в отряде серебряных рыцарей. Это была Беатриса Перигор, спрятавшаяся с разрешения Луизы за голубыми занавесками ее ложи и оттуда с жадным любопытством наблюдавшая за никогда еще не виданным ею зрелищем. Но и для нее, как для Генриетты, вдруг померк яркий солнечный цвет, когда на наручи герцога д'Арка она разглядела такую же зеленую с золотыми мушками ленточку, которая украшала вычурную прическу Христины де ла Тур де Пен. И как-то сразу зрелище потеряло весь свой интерес для бедной пичужки.

Вот выехал герцог Филипп во главе персидского отряда, за ним – герцог Конде в одежде турецкого султана, предводительствовавший рыцарями полумесяца, далее «индийский император» – герцог Энгиенский, и в конце – «американский король» – герцог де Гиз. Арена наполнилась яркими красками, сверкающими доспехами, экзотическими ко-

стюмами, а Беатриса ничего не видела, кроме зеленой ленты, которая в ее глазах приняла вид какой-то завесы, скрывшей от нее все происходящее.

– Ну, понравилось тебе, милочка? – спросила Луиза Беату, когда девушки вернулись домой.

– Да... было довольно интересно... – рассеянно, нехотя ответила спрошенная.

– Довольно интересно? – повторила Луиза, лицо которой пылало румянцем, а глаза сверкали счастливым огнем. – Дивно, чудно, восхитительно! А король... О, мой Людовик! Как он прекрасен, как он смел, как он величав! Вот истинный рыцарь, истинный король! Какое блаженство любить его и знать себя любимой им! Быть любимой королем, да еще *таким* королем!

– И так плохо вознаграждать его за любовь! – ворчливо кинула Беатриса, освобождая свою госпожу-подругу от парчового платья.

– Я тебя не понимаю, Беата! – заметила Луиза, пожимая покатыми плечами. – Я отдала королю все, что принадлежит мне самой, – свою любовь, свою душу отдам свою жизнь, если она понадобится.

– Ах, да на что мужчинам наша душа? – раздраженно возразила Беата. – Или, может быть, вы думаете...

– Беата! Ведь я просила тебя...

– Ну хорошо! Извольте... изволь: неужели ты думаешь, что королю понадобилась бы твоя дружба, если бы Господь

послал тебе косые глаза, толстые губы, приплюснутый нос да в придачу еще лицо, изрытое оспой? Стал бы король рассматривать тогда твою душу! Ах, оставь пожалуйста! Не тешь себя вздорными иллюзиями! Пусть твоя душа чище и прекраснее ангельской, но – погоди! – Если ты еще надолго затянешь эту игру в пастуха и пастушку, то увидишь, как придет какая-нибудь смазливая развратница, у которой вообще не будет души, но окажется доступное тело. Ну-ка, не махнет ли король рукой на «душу» и не займется ли телом?

– Беата, ты просто пугаешь меня! – с грустью произнесла Луиза. – Такая молодая и так мрачно смотришь на вещи! Нет, я думаю, ты просто сама не понимаешь, что говоришь. Омрачить свои отношения к Людовику грязной и преступной любовью, променять тихие и чистые радости на буре нечистых страстей, закрыть себе путь к вечному спасению, оскорбить...

– Милая Луизетта, – не без ядовитости вставила тут Беатриса, – если я тебе не нужна, то не позволишь ли ты мне уйти? А то, когда ты впадаешь в такой пасторальный пафос, то мне начинает казаться, будто у меня в жилах скисает кровь!

Лавальер с улыбкой покачала головой и отпустила Беату.

Придя к себе в комнату, Перигор несколько раз в волнении прошлась по комнате, затем села к письменному столу, торопливо набросала несколько слов и велела лакею отнести записку к герцогу д'Арку.

XIII

– Ну-с, итак, официальная часть моего доклада кончена! – воскликнул Филипп Орлеанский, в общих чертах ознакомив короля-брата с результатами своей поездки. – А теперь позволь мне рассказать тебе об интересном открытии, которое я сделал в пути. Помнишь, я писал тебе, что мне попалась интересная девчонка? Вот, понимаешь, игра природы! Надо тебе рассказать, как все это вышло. Однажды я отправился один немного проехаться и вдруг слышу отчаянные крики. Я пришпорил коня, скачу и вижу: два здоровенных деревенских парня стараются схватить какую-то оборванную нищенку, а она отчаянно отбивается. Ну я налетел вихрем на молодчиков и благословил их парочкой ударов шпаги плашмя. Парни с ругательством бросились в лес. Тогда я и говорю спасенной: «Пожалуй эти негодяи опять нападут на тебя. Давай я провожу тебя до твоей деревни». Девчонка стоит и молчит. «Откуда ты? Как тебя зовут?» – спрашиваю. Девчонка при этом вопросе поднимает на меня глаза. Ну, брат, я чуть с лошади не свалился! В эти рваные лохмотья была облечена такая красавица, каких я не много встречал в своей жизни! А ты знаешь, что я могу похвастать некоторым опытом по женской части!

– О, да! В этом я отдаю тебе должную честь! – иронически ответил Людовик.

– Ну-с, – продолжала герцог, – смотрю я, как дурак, на цыганские глазища этой лесной красавицы, а она смотрит на меня и отвечает на мои вопросы: «Не знаю!» – «Да как же не знаешь? – говорю. – Где твой дом?» – «Везде!» – отвечает цыганка и делает правой рукой широкий полукруг по воздуху. И вот тут-то я открыл глаза еще шире. Должно быть, ветхие лохмотья цыганки не выдержали в борьбе с парнями и окончательно разорвались, обнажив грудь девчонки. А на груди – слева и справа – по родинке, безукоризненно правильно изображающей королевскую лилию!

– Да не может быть! – воскликнул заинтересованный Людовик.

– Уверяю тебя! Ну-с, я как-то уже не смог оставить цыганку на произвол судьбы. Не буду вдаваться в подробности и скажу просто, что я приказал отмыть и приодеть девчонку и доставить ее в Париж!

– Что же, если твоя цыганка действительно так красива, поздравляю тебя с открытием клада! – лениво произнес Людовик.

– Меня? – воскликнул Филипп. – Нет, ты, может быть, будешь смеяться надо мной, милый Луи, но... когда я увидел королевские лилии... Словом, меня охватила какая-то жуть, и я вел себя с этой нищенкой так, будто ее особа была для меня священной. Понимаешь, ну... словно сама природа отметила ее королевской печатью в знак того, что эта девушка – собственность или короля, или ничья!

– Ну так, значит, ничья! – небрежно кинул Людовик. – Я с удовольствием взгляну как-нибудь на эту интересную игру природы, но далее...

– Так, знаешь что, милый Луи? – подхватил герцог. – Обещай быть моим гостем...

– Да ведь уже решено; я завтракаю у вас послезавтра утром.

– Ах, это – не то! Ну что такое – скучный, патриархальный завтрак в лоне семьи? Нет, я хотел просить тебя быть гостем на моем празднике, который я намерен устроить в Пале-Рояле. Это, братец, будет поинтереснее! Из мужчин я приглашу только тех, кто приятен, как застольный товарищ. Женщин будет масса, но... ни одной приличной! И вот на этом празднестве Жанна, так зовут мою цыганку, будет развлекать нас танцами. Она изумительно пляшет, а сложена... сложена... Ну, так как же? Согласен ты быть моим гостем?

– Право, не знаю, Филипп, – задумчиво ответил король. – Сейчас у меня как-то не лежит душа к таким холостым развлечениям.

– Ты бесконечно огорчишь меня своим отказом!

– Но я и не отказываю, а только не даю тебе сейчас положительного ответа. Поживем – увидим. А, кстати, и я имею к тебе просьбу, милый брат. Сегодня на турнире ты ответил полнейшим небрежением на приветствие герцога д'Арка и этим обидел одного из моих честнейших и вернейших слуг. Я помню, у вас произошло столкновение, но ты тогда был не

совсем прав, да и тому прошло достаточно времени.

– Уверяю тебя, тут явное недоразумение! – воскликнул Филипп. – Должно быть, я просто не заметил приветствия. Ты совершенно прав, я не питаю ни малейшего дурного чувства к герцогу, а если он тогда и погорячился, то мало ли что бывает! Я с удовольствием исправлю свою невольную ошибку и, если хочешь, даже приглашу его на свой праздник.

– Вот этого как раз не советую! – смеясь перебил брата Людовик. – Милейший Арк – такой скучный моралист, что испортит одним своим хмурым видом всякое веселье. Нет, ты можешь отделаться гораздо дешевле: скажи ему несколько любезностей по поводу искусства, проявленного им на сегодняшнем турнире, и дело с концом!

– С удовольствием исполню твою просьбу, но исполни и ты мою! Ну, дай слово, милый Людовик! – с мольбой произнес герцог.

– Мммм... – промямлил король. – Ну а когда ты думаешь устроить этот праздник?

– Да вечером на другой день после возвращения с охоты, иначе говоря – в воскресенье. Интересно будет, милый Луи, ей-богу, интересно! Музыка, цветы, прекрасные женщины, тонкий ужин, танцы, от которых можно сойти с ума, полная свобода...

– Что же, может быть, я и приму твое приглашение, милый Филипп, даже почти наверное приму. Собственно говоря, ведь ничего худого в этом не будет. А что касается чинно-

сти и благопристойности, так ее и без того много... ах, слишком много в моей жизни. Ну да мы еще поговорим об этом, а теперь не будем откладывать благое намерение в долгий ящик и позовем герцога д'Арка. Я ведь перед ним в долгу. Только ему одному я обязан победой моих «римских рыцарей», которых стал порядочно теснить бешеный налет «американского короля»!

Говоря это, король взял в руки палочку слоновой кости и ударил ею по звонку.

Однако паж, явившийся на звонок и посланный за Ренэ, вернулся с ответом, что герцога в данный момент во дворце нет.

– Ну, судьба против герцога! – заметил брату Людовик. – Только это, кажется, первый раз, что герцога не оказывается во дворце, когда он мне нужен. Куда это он мог деваться?

Между тем Ренэ в этот момент снова вел жестокий бой за честь «зеленой дамы», но уже не на копьях, а на словах.

Этот бой был открыт Беатрисой при самом появлении Ренэ, вызванного ее запиской.

– Приветствую вас, храбрый рыцарь зеленой дамы! – церемонно приветствовала Беата вошедшего герцога и присела перед ним по всем правилам придворного этикета.

– Вы только за этим и звали меня? – холодно спросил юноша.

– О, нет! – ответила та. – Извиняюсь, если покажусь вам назойливой, но старинная дружба дала мне смелость по-

беспокоить вас из пустого женского любопытства. Я хотела осведомиться у вас, не следует ли истолковывать вашу зеленую ленту как знак того, что прекрасная Христина де ла Тур де Пен скоро станет герцогиней д'Арк?

– Ну а если даже? – последовал холодный вопрос вместо ответа.

– Если да, то я только хотела поздравить вас и дать дружеский совет, чтобы на будущее время вы заменили золотые мушки на ленте золотыми... рогами как символом грядущего супружеского счастья!

– Беата! – крикнул Ренэ. – Раз и навсегда запрещаю вам...

– Говорить правду, – досказала за него девушка.

– Беата, берегитесь! – окончательно вспыхнул Ренэ. – Все-му бывает предел и всякое терпение когда-нибудь кончается. Вы злоупотребляете своей принадлежностью к прекрасному полу, но я в конце концов перестану считаться с этим и заставлю всех и каждого уважать честь той, которая будет носить высокий сан герцогини д'Арк!

– Ну так начинайте отстаивать честь, которой уже не существует! – крикнула и Беата. – Может, быть, для восстановления чести этой интриганки следует побить меня? Так не стесняйтесь, друг мой, не стесняйтесь! На то вы и рыцарь, чтобы обращаться так с бедной девушкой, которая желает вам только добра! Эх, вы! Да вы – просто безмозглая бабочка, сама летящая на огонь, чтобы опалить себе крылышки. А знаете ли вы, что та, «которая будет носить высокий сан гер-

цогини д'Арк», глумится над вашей простотой, высмеивает вас в объятиях своего любовника?

– Беата! – побледнев как смерть прохрипел рыцарь. – Взвешивайте свои слова!

– Вы хотите доказательств?

– Я требую их!

– Хорошо! Вы их получите!

Ренэ строго взглянул в глаза Беате, но, должно быть, их выражение подсказало ему, что с ним не шутят, что так может смотреть только уверенный в своей правоте человек, и Ренэ бессильно опустил в кресло, положив голову на руки.

– Вы так любите ее? – нежно, сострадательно спросила Беата, подходя к юноше.

– Не знаю, Беата, – прошептал в ответ Ренэ. – Порой я сам начинаю думать, что она только играет со мной, а порой... Но, что бы то ни было, раз вы докажете мне...

– Я дам вам самое наглядное доказательство, Ренэ! Вы все увидите и услышите сами. Только дайте мне честное слово, что ничего не предпримете сами без моего одобрения!

– Даю, тысячу раз даю. Но когда, когда?

– Завтра вечером, если хотите! Вы участвуете в королевской охоте?

– Да, я приглашен.

– Не можете ли вы незаметно отстать от всех и вернуться сюда? Да? Ну так будьте не позже половины девятого в гроте Дианы. Около девяти часов я зайду туда за вами, и вы полу-

чите полное подтверждение всего того, что я говорила вам!
Ну так решено?

Но Ренэ только молча кивнул головой в ответ. Бедный юноша был так потрясен, так взволнован, что боялся произвести какой-нибудь звук, чтобы тут же не разрыдаться, как обиженный мальчик.

XIV

Ренэ уже ожидал Беату в гроте Дианы, когда молодая девушка явилась туда с потайным фонарем в руках. Осветив лицо герцога, она сразу заметила, как бесконечно страдал и волновался юноша, и тихо и сострадательно сказала:

– Милый Ренэ, соберитесь со всеми силами, потому что вас ждет действительно жестокое испытание. Видит Бог, я с радостью избавила бы вас от этих тяжелых минут, потому что сама понимаю, как тяжело видеть свою любовь...

– Ах, кто говорит здесь о любви? – со страданием в голосе воскликнул Ренэ. – Всю эту ночь я не мог сомкнуть глаз – я столько передумал, перемучился; когда же под утро я заглянул в свое сердце, то не нашел там ни единого следа прежнего чувства. Боюсь, Беата, что вы сделали плохое дело, потому что если ваше обвинение не подтвердится...

– Оно подтвердится, Ренэ!

– О, в таком случае дело идет уже не о любви, а о чести герцогов д'Арк...

– Но, помните, Ренэ, вы мне обещали: никаких насилий, никакого скандала...

– Не бойтесь, Беата, я знаю сам, что мужчина, допустивший женщину обмануть его, но обнаживший свой позор, еще сам окажется виноват. Толпа не прощает поражения, победитель всегда прав. Но я не дам этой... этой... особе окон-

чательно восторжествовать надо мной! О, я отомщу, жестоко отомщу... еще не знаю сам как, но отомщу! И моя месть будет полной, потому что победителем буду я. Так успокойтесь на этот счет, Беата, и Бога ради ведите меня, чтобы я мог поскорее получить уверенность!

– Да, идем, Ренэ, но вы все-таки должны запастись терпением. Теперь будем молчать, чтобы не спугнуть наших птичек!

Беата прикрыла потайной фонарь глухой крышкой, и молодые люди молча тронулись в путь. Через несколько минут они дошли до берега Лебединого озера. В ночном полумраке белела беседка, причудливыми контурами выделяясь на черном рельефе паркового леса. Как раз над куполом мигала, переливаясь радужными огнями, кокетливая звездочка, и Беата с доверчивостью взглянула на ее изменчивое сияние: ведь это была ее звезда!

Все также молчаливо молодые люди взобрались на паромчик и тихо переправились на островок. По приказанию Беаты, Ренэ перевел паром обратно на берег, а затем Перигор повела юношу наверх.

Жак Марон не забыл распоряжения, данного ему его барышней; весь чердак над Лебединой беседкой был густо застлан сеном, а около отверстия, через которое можно было наблюдать за внутренностью беседки, были положены два сенничка.

Беата пригласила Ренэ прилечь на один из сенников, сама

же расположилась на другом так, что головы молодых людей соприкасались, а ноги были обращены в противоположные стороны. Затем девушка сказала:

– Воспользуюсь тем временем, которое у нас еще имеется, чтобы пояснить вам, милый Ренэ, все то, что произошло и должно еще произойти. Вот в этой самой беседке Христина де ла Тур де Пен по временам встречается со своим возлюбленным, пажом ее высочества Филибертом Клери...

С уст Ренэ сорвалось не то полуподавленное проклятье, не то полузадушенный стон.

– Одно из таких обычных свиданий, – продолжала Беата, – должно было произойти сегодня и, если не случится чего-либо непредвиденного, состоится через несколько минут. Через отверстие в потолке вы сможете своими глазами убедиться в измене невесты. Но помните: как только я шепну вам, что нам пора уйти, вы должны немедленно и без всяких возражений подчиниться мне. Я ни в каком случае не должна быть обнаружена, и, если это случится по вашей вине, то выйдет так, что за мое добро вы оплатите мне трудно поправимым злом. Ну, а теперь завернем снова наши фонари и будем ждать во тьме!

Прошло немного времени. Вдруг со стороны пруда послышался легкий всплеск воды. Беата вздрогнула и прикосновением руки к плечу Ренэ подала ему знак, что ожидаемое наступает.

Но вот плот со слабым шумом стукнулся о пристань ост-

ровка. Легкий шелест веревки о воду показал, что паром перегоняют обратно. Затем послышались шаги на мраморных ступенях беседки, после чего скрипнула входная дверь.

Беата и Ренэ замерли в крайнем напряжении нервов, прикинув к смотровому отверстию. Вот Филиберт поставил на стол фонарь, вынул оттуда свечку зажег от нее все канделябры и бра, и беседка осветилась ярким светом. Ренэ увидел массивную кровать, тяжелые голубые занавески балдахина которой особенно рельефно выползали из мрака слабее освещенного угла.

Филиберт несколько раз прошелся по комнате, постоял у открытого окна, зевнул, потянулся, затем раздвинул занавески кровати, похлопал рукой по матрасу, подмигнул кому-то в пространство и опять заходил по комнате. Вдруг он насторожился, подбежал к окну прислушался и снова выбежал из беседки: со стороны пруда опять послышался тихий плеск воды.

Через минуту в комнату смеясь вбежала Христина. Всегда чинная, степенная, холодно-кокетливая на людях, она была теперь оживлена и шаловлива. Филиберт тащил за ней объемистую корзину, в которой что-то звякнуло, когда юноша поставил свою ношу на стол.

– Ну, здравствуй, мой милый, милый мальчик! – воскликнула лицемерная девица, с неподдельной страстью обвивая шею пажа белыми выхоленными руками.

Послышался звук жарких поцелуев. Беата расслышала,

как скрипнули зубы у Ренэ.

– Ну, довольно, довольно... пока! – смеясь воскликнула Христина, шаловливо отталкивая от себя Филиберта, который стал уже очень предприимчив. – Сначала поужинаем, мой Берти! Ты только посмотри, сколько всякой прелести я принесла для нас с тобой!

Они принялись вдвоем распаковывать корзину то и дело обмениваясь мимолетными, но страстными ласками. Из корзины мало-помалу появились на свет божий бутылки с вином, жареная курица, паштет, сласти и орехи. Затем, усевшись друг против друга у кровати за круглым столиком, парочка принялась за еду и питье.

– Итак, Христиночка, твой брак – решенное дело? – спросил между разговором паж.

– Да, Берти, да! – ответила невеста герцога д'Арка. – Немало побилась я с этим деревянным герцогом, но наконец мои труды увенчались успехом, мы объяснились... – она рассмеялась и продолжала, давясь от душившего ее хохота: – Нет, но можешь ли ты представить себе, как этот накрахмаленный дурачок объясняется в любви? Даю тебе слово, мне стоило немало труда, чтобы не расхохотаться ему прямо в глупую, чванлиую физиономию, но, благодаря Богу, я пересилила себя и выдержала свою роль до конца! Можешь меня поздравить! – кокетливо кинула девушка, потянувшись к Филиберту со стаканом.

– Не вижу причины, – хмуро ответил паж, еле-еле прика-

саясь краем своего стакана к стакану Беаты. – Велика мне радость знать, что другой будет теперь на законном основании красть у меня твои ласки...

– Дурачок! – смеясь воскликнула Христина и одним прыжком вскочила к Филиберту на колени. – Неужели я не доказала тебе уже на деле, что глубоко и всецело люблю только тебя? Неблагодарный! Скверный!

– Христина! – страстно воскликнул юноша и бурно привлек девушку к себе.

Тут Беата беспокойно завозилась на своем тюфячке. С одной стороны она была уверена, что Ренэ увидел уже совершенно достаточно, а с другой – события там, внизу, развивались таким темпом, что смотреть дальше – значило легко подвергнуться риску сгореть со стыда. Поэтому она настойчиво дернула герцога за плечо.

Ей пришлось очень энергично повторить свой условный знак, прежде чем несчастный Ренэ обратил на него внимание. Но, очевидно, и герцог тоже нашел, что видел совершенно достаточно, и молодые люди принялись осторожно спускаться вниз.

Они сползали по лестнице с величайшей осмотрительностью, стараясь, чтобы ни один самый ничтожный шорох не выдал их присутствия. Вот они благополучно спустились в самый низ. Теперь оставалось лишь проскользнуть незаметно мимо открытой двери.

Прокрадываясь мимо двери, Беата не утерпела, чтобы не

заглянуть внутрь комнаты. В беседке никого не было видно. Ярко горели свечи в канделябрах и люстрах, играя тенями на складках опущенных голубых занавесей. На полу валялось в беспорядке брошенное платье.

Вдруг Беата с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть. Пригнувшись, словно зверь, Ренэ пополз в комнату.

«Ренэ, остановитесь, что вы хотите делать? – готова была крикнуть девушка, с тоской думая: неужели он убьет их?»

Но, по-видимому, Ренэ принялся иначе за осуществление мести, о которой говорил в гроте Дианы. Он даже не подполз близко к голубым занавесам, а ограничился тем, что подобрал платье с пола и вышел с ним обратно. Затем, кинув платье у ног Беаты, он молча взял у нее из рук фонарь.

– Идите к парому и ждите меня! – шепнул он и опять быстро, но бесшумно, словно кошка, взобрался по лестнице на чердак.

Беата, растерянная и оглушенная, продолжала стоять на месте. Ренэ вернулся очень скоро уже без фонаря и, подобрал с пола платье, пошел вниз к пристани. Беата молча последовала за ним.

У пристани валялось несколько крупных осколков мрамора от треснувшей мраморной вазы. Герцог связал все захваченное им платье узлом, завернул внутрь два крупных осколка и взошел с Беатой на паром. На середине расстояния между берегом и островом он осторожно спихнул узел с платьем в воду. Послышался слабый всплеск, но бояться было нече-

го: можно было поручиться, что парочка в Лебединой беседке не расслышала ничего.

Когда молодые люди сошли с парома на берег, Ренэ обнажил кинжал, провертел в хрупком пароме две дыры, подобрал с берега валявшийся там крупный сучок, быстро разворотил дыры в крупные щели, затем перерезал канат и отпихнул разбитый паром. Отплыв на небольшое расстояние, паром развалился и обломки его рассыпались в разные стороны. Сообщение с островом было прервано!

Тогда Ренэ тихо спросил девушку:

– Беата, не знаете ли вы такого места, которое близко к замку и откуда видно Лебединую беседку? Хотя бы только ее крышу?

Беата, все еще не собравшая своих чувств, молча повела Ренэ в глубь парка. Здесь на одном из высоких пригорков была скамья.

– Вот! – с трудом произнесла девушка и почти без сил опустилась на скамью. – Ренэ! Что вы сделали? – вырвалось у нее затем.

– Я отомстил, Беата, отомстил так, как обещал вам и себе! – ответил герцог, и тон его голоса был торжественен, но спокоен. – Я сдержал данное вам обещание – смирил свое бешенство и не накинулся на эту... особу, но и честь герцогов д'Арков тоже спасена.

– Но что вы сделали?

– Я вынул свечу из фонаря и воткнул ее в сено. Через

несколько минут весь чердак будет в огне. Счастливые любовники кинутся за платьем, бросятся к парому, но не найдут ни того, ни другого. Раздетые, испуганные, они будут бегать по островку, пока стража не заметит пожара и не примчится на Лебединый остров. При свете пожара негде будет укрыться изменнице и ее возлюбленному. В самом позорном, в самом смешном виде застанет ее челядь. И когда ее перевезут в таком виде на берег, когда она под шутки и смешки придворных вернется в замок, ей останется времени ровно столько, чтобы накинуть что-либо и затем бежать без оглядки прочь от французского двора!

– Ренэ, вы гениальны! – воскликнула Беата, у которой сразу отлегло от сердца.

Того, чего она боялась, не случилось: любовникам ничто не грозило от руки Ренэ. Но случилось нечто такое, на что она не могла даже рассчитывать в такой степени: соперница была посрамлена и уничтожена, Ренэ был свободен!

– Я бесконечно обязан вам, Беата, – через некоторое время снова заговорил Ренэ. – Я не умею выразить вам свою благодарность, да и не словами благодарят за такую большую услугу. Вы не только спасли честь беспорочного имени герцога д'Арков, но и избавили меня от большой ошибки, которая все равно оказалась бы роковой для меня, чем бы ни была девица де ла Тур. Я смотрю теперь в свое сердце и ничего не вижу там, кроме оскорбленного самолюбия и радости избавления от опасности. Но любви там нет. Я никогда

не любил этой особы. А вы, мой маленький, светлый ангел... Ах, Беата, Беата, почему вы были так неосторожны в выборе своих предков? – Беата хотела ответить шуткой на шутку, как вдруг Ренэ схватил девушку за руку и крикнул, простирая руку вдаль: – Смотрите! смотрите!

На горизонте явственно обозначилась красная полоска, а затем в лесной просеке вспыхнули языки багрового пламени. Рубиновым казался теперь купол Лебединой беседки.

Но вот послышались крики, шум голосов, звук тревожного рожка.

– Пойдем домой, мы сделали свое дело! – сказал Ренэ, увлекая за собой Беату.

Через час все в замке уже знали, что пожар застиг раздетую де ла Тур с раздетым пажом Филибертом, что это не удалось скрыть от королевы и что фрейлине предложено вместе с пажом в ту же ночь покинуть Фонтенебло.

XV

Пробило двенадцать часов, и в будуаре Луизы де Лавальер сквозь полуотворенную дверь блеснула полоска слабого света, Если бы в комнате был кто-нибудь, то мог бы слышать осторожные шаги, подкрадывавшиеся к двери. Но в будуаре не было никого. Да и кому быть в такой поздний час? Правда, еще час тому назад замок был взволнован известием о пожаре Лебединой беседки и о пикантном положении, в котором очутилась неприступная Христина де ла Тур. Еще час тому назад группы придворных оживленно обсуждали вопрос, кто мог сыграть такую злую шутку с фрейлиной королевы. Но крыша беседки сгорела в каких-нибудь полчаса, и этим пожар ограничился. Так как девицу де ла Тур большинство недолюбливали, то никто не стал особенно тщательно доискиваться виновника злого фарса; к тому же Ренэ д'Арк, как незаметно вернулся с охоты в Фонтенебло, так же незаметно скрылся обратно, а он был единственным, на кого могли подумать. Так как ни для огня, ни для злых языков пищи больше, чем на полчаса, не хватило, то, поохав и похихикав над случившимся, все разошлись по комнатам, чтобы вновь предаться прерванному сну.

Таким образом, бледная девушка, прокрадывавшаяся со свечой в руках в будуар Луизы де Лавальер, по-видимому, не рисковала застать там кого бы то ни было. И действительно-

но, когда свет свечи блеснул на пороге и в зеркале туалетного стола отразилось измученное, испуганное лицо Полины д'Артиньи, страдальческие глаза последней, тревожно обведя комнату, не нашли в будуаре ничего подозрительного.

Разбитой, усталой походкой Полина подошла к круглому столику, поставила на него свечу и небольшую фарфоровую баночку, которую она держала в другой руке, сама же, усевшись в кресло, опустила голову на руки и глубоко о чем-то задумалась.

Весь вид Полины д'Артиньи говорил о глубоком страдании и серьезной душевной муке. Красивая, обычно веселая, шаловливая девушка теперь была просто страшна со своим иссиня-бледным лицом, большими черными кругами под страдальчески расширенными глазами и мертвенной механичностью движений автомата. Да, недешево давалось Полине право на жизнь!

Просидев в своей безнадежной позе несколько минут, девушка вздрогнула, провела рукой по исхудалому лицу, нервно одернула шаль, накинутую на обнаженные в ночном туалете плечи, и прошептала с тоской:

– Не, могу, не могу! Боже, что мне делать?

Она страдальчески заломила руки и снова воскликнула:

– Но я должна! У меня нет другого выхода. Боже, прости мне этот невольный грех!.. Ты видишь, я не могу иначе.

Полина встала, взяла принесенную с собой баночку и направилась к туалетному столу. Но энергия тут же оставила

ее.

– Я должна... должна! – пролепетала она, подбадривая себя. Наконец, после явной борьбы с собой, она поставила на туалетный стол принесенную с собой коробочку и взяла оттуда совершенно такую же по внешнему виду.

Однако дело, по-видимому, не было сделано, потому что Полина никак не могла решиться отойти от стола. Она несколько раз порывисто тянулась к поставленной ею баночке, отнимала руку и снова тянулась. Наконец она схватилась за голову и кинулась к двери.

И все же за порог комнаты Полина так и не перешагнула! Покачнувшись она бессильно прислонилась к дверному косяку, опять в течение нескольких минут была погружена в какие-то безнадежные думы и затем пробормотала:

– Нет, не могу... Это я не смею взять на свою душу... Пусть будет, что будет...

Решение как будто успокоило девушку, ее бледное лицо слегка порозовело, взор утратил свою напряженность. Твердо и решительно вернулась она к туалету, поставила захваченную оттуда баночку и протянула руку за принесенной ею, но вдруг отчаянно вскрикнула и в смертельном испуге отскочила в сторону: из-за занавески у туалетного столика высунулась чья-то рука и овладела баночкой, а затем откуда показалась женская фигура, и звонкий голос Беатрисы Перигор спокойно, словно ничего не случилось, произнес:

– Я была уверена, что в конце концов вы этого все-таки

не сделаете!

Полина хотела бежать, но ее ноги словно приросли к полу.

В следующую секунду Беатриса уже оказалась у двери, за-
слоня собой единственный выход из комнаты, и продолжала:

– Итак, доброе начало все же восторжествовало в последнюю минуту в вашей душе! Очень рада, что не ошиблась в вас. Но все-таки... Ай-ай-ай! Как же вы могли решиться на это? Ну представьте себе, что я ровно ничего не знала бы, не подстерегала бы вас здесь, а вас кто-нибудь спугнул бы? Ведь тогда баночка так и осталась бы на столе, и за доброту и ласку Луизы де Лавальер вы отплатили бы ей... Впрочем, вы, кажется, даже не знаете, на какое злое дело вас послали?

Вместо ответа Полина упала в кресло и истерически заплакала.

– Тише! – испуганно крикнула Беата, подбегая к д'Арти-
ньи. – Если вы будете голосить на весь дом, то кто-нибудь еще проснется и поинтересуется узнать, что такое происходит в будуаре госпожи де Лавальер. Да и сама она не так-то далеко от этой комнаты. А нам с вами совершенно не нужны посторонние свидетели, мы с вами столкуемся и с глазу на глаз. Да успокойтесь же, успокойтесь! – прибавила она, ласково поглаживая рыдавшую девушку по голове. – Разве вы не видите, что я вовсе не желаю вам зла? Если бы я хотела, то подняла бы на ноги весь дом и захватила бы вас с поличным при свидетелях. Но я этого не сделала, хотя знаю все.

Поверьте, я знаю, кто и чем вынудил вас решиться на это! Мне не ясно только одно: что заставило вас пойти к бабушке Вуазен и создать такое оружие против себя. Но если вы все объясните мне, то, клянусь вам спасением своей души, я устрою все к полному благополучию. Только вы должны быть со мной как можно откровеннее...

– Ах, я так исстрадалась, так исстрадалась! – простонала Полина.

– Охотно верю, – согласилась Беата. – Но вы, по-видимому, уже начинаете обретать спокойствие и дар речи, а потому отправимся ко мне в комнату; там мы обо всем переговорим, и никто ничего не будет знать!

Беата ласково, но твердо охватила Полину за талию одной рукой и, не выпуская из другой предательской коробочки, настойчиво повлекла за собой уличенную преступницу к себе в комнату.

Здесь, успокоившись немного, Полина открыла Беате свою душу. Она рассказала ей, как ее в ранней юности увлек обольститель, как предстоящая свадьба с кавалером де Гранире заставила ее снова начать терзаться этим грехом молодости и как, следуя совету Мари Руазель, она решила купить у Вуазенши средство для исправления прошлой беды.

– Так, теперь я понимаю все! – сказала Беата, когда Артиньи кончила свой рассказ. – Особенно винить вас я не могу, хотя, будь я на вашем месте, я взяла бы баночку из рук герцогини Орлеанской, отправилась бы со снадобьем прямо к

королю и повинилась бы ему во всем. Однако для моих планов гораздо лучше так, как вышло, а потому я не в претензии на вас. Теперь скажите мне, действительно ли вы так привязаны к Лавальер, как только что уверяли меня?

– О, я бесконечно люблю ее! Клянусь вам в этом всем самым святым для меня! – воскликнула Полина.

– Значит, если я сумею отвести от вас беду и вырвать вас из рук герцогини и ее шайки, то вы согласитесь помочь мне оберегать Луизу от всего дурного и привести ее к полному счастью?

– Если даже вы ничего не сделаете для меня, но мне только можно будет остаться в живых. Я ведь твердо решила покончить с собой, потому что у меня не было иного выхода: или сделать то, что мне приказывали, или уйти из жизни. Если я только буду жива и останусь здесь, то я все равно готова сделать все для счастья Луизы!

– Вы даете мне свое слово в этом?

– Клянусь своим вечным спасением!

– Отлично! В таком случае мы – союзницы. Все мое назначение подле Луизы – незаметно охранять ее от козней врагов, а вся моя сила в том, что никто не догадывается об этой моей роли. Я могу спокойно наблюдать, следить, разузнавать. И действительно, как вы убедились на себе, я знаю многое, почти все! Тем не менее мне одной трудно справиться, и если вы поможете мне...

– О, с восторгом!

– Ну так вот. Первым делом вас надо избавить от зависимости по отношению к герцогине. В один из ближайших дней король при ее высочестве покажет, что ему известно о вашем посещении Вуазенши. Теперь о другом. Вы очень любите своего жениха?

– Ах, теперь я никого не люблю! Я так перемучилась, так исстрадалась...

– Значит, разлука с женихом не очень и огорчила бы вас?

– Я только свободнее вздохнула бы...

– Значит, если на этих днях кавалер де Гранире получит королевский приказ отправиться с поручением... ну хоть в Испанию или Англию, а вы окажетесь необходимой при Лавальер, то...

– Чем я смогу когда-нибудь отблагодарить вас? – с чувством произнесла Полина, поднимая на Беату взор своих просветлевших глаз.

– Сейчас – тем, что вы отправитесь спать и перестанете терзать пустыми муками свое бедное сердечко! – улыбаясь ответила Беата и ласково расцеловала Полину. – Ну а дальше мы посмотрим. Так идите же, идите! Вам необходим отдых! – и, еще раз поцеловав девушку, Беата ласково подтолкнула ее к дверям.

XVI

Следующий день – это был канун затеянного Филиппом Орлеанским холостого пира – прошел для Беаты в массе хлопот. Прежде всего Луиза де Лавальер захандрила и нервничала, и Беате приходилось много возиться с ней. Затем целый час ушел на обсуждение с Жаком Мароном какого-то плана, о котором читатель может составить свое суждение по следующей заключительной фразе Беаты:

– Значит, решено, Жак! Ты сегодня же побываешь в Сен-Клу, передашь старухе Аржилль эту баночку и скажешь, что «госпожа» приказала выехать в Париж ровно в десять часов утра, но перед отъездом она должна старательно намазать мазью из этой баночки свою питомицу с ног до головы. Только, смотри, не выдай себя как-нибудь! Раз этой старухе доверили важное дело, значит, она зорка и проницательна. Возможно, что она на всякий случай обратится к тебе с какими-нибудь вопросами. На всякий случай запомни, что «госпожа», на которую ссылался этот дурачок Клери, – сама герцогиня Орлеанская! Конечно, ты не должен выдавать это так прямо, но, если понадобится, можешь намекнуть...

– Да уж положитесь на меня, барышня! – ответил верный Жак. – Ну так я сейчас же еду!

– С Богом! – благословила его Беата.

Не успел уйти Жак Марон, как доложили о прибытии

Фирмина Потье.

Это был старый-престарый подьячий, которого словно моль повыела. Но, если всеуничтожающая моль – время – и коснулась его внешности, зато умственные способности Потье сохранились в блестящем состоянии. И когда Беата показала старому подьячему генеалогическое древо Перигоров и объяснила, что ей нужно, старик не стал расспрашивать, а прямо принялся за работу. Он разложил на отведенном ему столе захваченную им из дома баночку с чернилами, несколько гусиных перьев, ножик, деревянную табакерку, нацепил на нос монументальные очки и принялся старательно выводить что-то на большом листе пергамента, то и дело отрываясь от работы, чтобы нюхнуть табачка и благоклонным взором окинуть со стороны свое произведение.

Беата то и дело выбегала посмотреть, как идет дело. Оно шло очень медленно, но правильно. Когда Фирмин Потье кончил свою работу и удалился, получив щедрую мзду, уже начинали сгущаться сумерки; когда же тьма сгустилась совсем, от замковых ворот послышался трубный сигнал, извещавший о возвращении короля и его гостей с охоты.

В сущности говоря, Людовик вернулся несколько раньше, чем предполагалось. Но его неудержимо тянуло домой, и он заторопил с возвращением. С того момента как за охотничьим обедом Генриетта подала ему кубок с вином и кокетливо предложила чокнуться с ней за прошлое, с того момента как он одним глотком опорожнил содержимое этого кубка, в

теле короля зашевелилась какая-то странная, не душевная, а скорее физическая тоска по Лавальер. Ему страстно захотелось скорее увидеть ее милое личико или по крайней мере хоть знать, что она – здесь, поблизости, а потому он назначил час отъезда раньше, чем это имелось в виду.

Однако, как ни торопился король, ему все же было неудобно отбиваться от всей компании, дамы же не были расположены скакать сломя голову. Поэтому в Фонтенебло они вернулись в такой час, когда нечего было рассчитывать застать Луизу бодрствующей.

Простившись с гостями, Людовик поспешил к себе, переделся и вышел в парк. Была чудная светлая ночь. Полная луна освещала кусты и дорожки мистическим зеленоватым светом, душно и сладко пахли цветы с куртин, где-то в траве стрекотали цикады. Ах, никогда еще со времен своей ранней юности, когда сердце так широко открыто миру, когда оно тоскует по любви, никогда еще с той поры не переживал король Людовик такого томления страсти!

Рассеянно, тоскливо побродил он по дорожкам и затем свернул к тому крылу замка, где были расположены покои Лавальер. Фасад ее окон был темен, только в одном из них таилось слабое красноватое сияние. Это светил ночничок в спальне «пастушки».

Король отошел в тень густой купы деревьев и некоторое время безмолвно смотрел на озаренное красноватым сиянием окно. Воображение уносило его за преграду плотной за-

навески и рисовало ему прелестную белокурую головку Луизы на подушке. Сладко, безмятежно спит милая, милая де-вушка! Ее рот, вероятно, немного открыт, грудь дышит спо-койно и ровно, по милому, чистому, невинному личику бе-гают красноватые зайчики от дрожания ночной лампы...

– Ах-ах-ах! – протяжно и грустно вздохнул Людовик.

– Ах-ах-ах! – в тон ему насмешливым эхом отозвался чей-то вздох из ближних кустов.

Людовик вздрогнул, словно ужаленный, и кинулся к ку-стам, где белело чье-то платье. Через секунду он уже схватил чью-то нежную руку и вытащил какое-то женское существо на полянку под лучи луны. Тут он заглянул насмешнице в лицо и с удивлением воскликнул:

– Как... Это – вы?

– Я самая, к услугам вашего величества! – ответил звон-кий голосок Беатрисы Перигор.

– А что вы собственно здесь делаете, позвольте вас спро-сить?

– Немного мечтаю... немного вздыхаю... и очень много поджидаю ваше величество!

– А на каком основании вы поджидали именно меня и именно здесь?

– О, я была уверена, что ваше величество пожалует сюда!

– А почему это, позвольте узнать?

– Но – помилуйте! – Луна, запах цветов, теплый ветерок... Я знаю склонность вашего величества к пастушеской идил-

лии и была уверена, что эта обстановка, словно созданная для пасторали, непременно должна привлечь вас под окна Луизы де Лавальер!

– А знаете что? – полусмеясь, полусердясь сказал Людовик, схватив Беату за ухо. – Вам следовало бы хорошенько надрать ваши розовенькие ушки, чтобы вы не смели так дерзко высмеивать своего короля!

– Но помилуйте, ваше величество! Чем же? Я говорю от чистого сердца и со всей почтительностью.

– А мой вздох вы передразнили тоже «от чистого сердца и со всей почтительностью»?

– Ах, как вы несправедливы ко мне, государь! Самые лучшие движения моей души вы истолковываете в дурную сторону. Мой вздох, Боже мой, мой вздох! Да ведь я вздохнула только от искреннего сожаления, что вашему величеству приходится лишь вздыхать под окном Луизы де Лавальер!

– Вы – самый злой, самый ядовитый зверек, какого мне приходилось видеть! – буркнул король и пребольно ущипнул Беату за ухо.

– Да нет же, государь, вы неправильно истолковываете мои слова, – с лицемерной наивностью возразила Беата. – Как же было мне не вздохнуть? Стою я, гляжу и думаю: вот могущественный король, который всевластен; вот красивый, пылкий юноша, который любит и любим. И ему суждено только... вздыхать! А ведь такая ничтожная преграда отделяет его от полного счастья! Если бы он оставил вздохи и

просто... ну, кинулся сам в это манящее розовым светом окно, то... его встретили бы маленький испуг, легкое недовольство, немного слез, не особенно упорное сопротивление. А если бы мой король чуть-чуть усилил свою настойчивость, то все это сменилось бы жаркими объятиями, пламенными лобзаниями и полным, несмятенным счастьем! Сколько светлой радости и как мало труда! А ведь, быть может, в этот момент Луиза де Лавальер в жаркой грезе разметалась на своей одинокой постели; быть может, в этот миг ее розовые уста призывают кого-то и в страстной истоме шепчут имя «Луи». Быть может, она тоже томится, тоже страдает, тоже вздыхает. Увы! Ей тоже суждено только вздыхать! Ведь тот, кто мог бы сменить в ее груди вздохи тоски на вздохи счастливой страсти, сам вздыхает там, где надо действовать. Ах, ваше величество, ваше величество! Только тонкое окно отделяет вас от счастья двух людей, из которых один – вы!

При этих словах король вздрогнул и невольно сделал шаг вперед к окну. Но он тут же снова отступил назад и уныло пробормотал:

– Нет, я ведь клялся...

Беата звонко расхохоталась.

– Чему вы смеетесь, черт возьми? – крикнул король.

– Тому, ваше величество, что я сейчас чуть не заработала себе предков! Как ни как, а движение вы все-таки сделали! Ну да ничего! Сегодня я уже сделала кое-что ради этого, а в будущем, надеюсь, не всегда же ваше величество станет ис-

ключительно... вздыхать!

– Знаете что? – резко оборвал ее король. – Вы сказали, что поджидали меня? Надеюсь – не затем, чтобы высмеивать меня, словно робкого пажа, только что приехавшего ко двору? Ну так к делу! Что вы хотели сказать мне?

– Мне нужна помощь вашего величества. Девушку, которая очень любит Луизу де Лавальер и которая могла бы быть мне очень полезной в обережении дорогого вам человека, опутали наши враги, и я едва успела предотвратить большое несчастье...

– Что такое? – испуганно спросил король.

– Ммм... – замялась Беата. – Нет, уж лучше разрешите мне, ваше величество, снова воспользоваться однажды данным мне правом и держать до поры до времени свои козыри скрытыми, иначе вы можете испортить мне всю игру! Но завтра вечером, на пиру...

– На каком пиру?

– На холостом пиру у его высочества, герцога Филиппа!

– Но я и не собирался там быть!

– А между тем на ваше величество вполне рассчитывают.

– Но я не давал слова. Я уклонился от решительного обещания и в душе отказал.

– И все-таки вы будете там, ваше величество!

– Да вы-то что можете знать, несносное создание?

– Все или почти все, что мне нужно! Ну да не стоит спорить о будущем. Достаточно будет, если завтра вечером

вы вспомните о моих словах... Да, о чем я говорила? Так, вспомнила! Завтра вечером на пиру всех ждет неожиданный сюрприз, и, когда вы увидите нежданное украшение красавицы, вспомните, что это украшение готовилось Луизе де Лавальер.

– Странное вы существо! Ну да я уже убедился, что вас даже пытками не заставишь сказать то, чего вы не хотите. Так, мимо! Вы говорили о какой-то девушке?

– Да, государь. Это – Полина д'Артиньи. Она... – и тут Беата сжато, но обстоятельно рассказала Людовику то, что уже известно читателю.

Но при этом она очень искусно избежала упоминания имен и фактов, связанных с интригой Генриетты; изложив трагическое положение подруги Луизы, она просто объяснила, что этим положением воспользовались враги Луизы как оружием власти над Полиной.

– Ну эта история с беганьем к отравительнице мне не нравится, – недовольно пробурчал Людовик. – И за то что она чуть не наделала какой-то беды Луизе, я еще должен ее выручать?

– Да, ваше величество, потому что этим вы приобретаете верного слугу и выбиваете у врагов оружие!

– Допустим. Что же я должен сделать?

– Завтра ваше величество изволит завтракать у их высочеств?

– Вы и это знаете? Странная девушка! Ну да. Дальше?

– Полина будет нести дежурство. Подшутите вслух над тем, что она – клиентка отравительницы. Тогда ее визит к Вуазен перестанет быть оружием в руках врагов вашего величества.

– Допустим. Дальше?

– А дальше ушлите кавалера де Гранире с каким-нибудь экстренным поручением на край света. Если он захочет увезти с собой Полину – скажите ему, что она нужна здесь. Если он захочет сначала жениться – как можно суровее скажите, что время не ждет и что королевское поручение важнее свадьбы.

– Понимаю! Хорошо, будет сделано. Это – все?

– Пока все, государь!

– Ну так вот что, милая моя. Я нахожу, что вам пора спать. Поняли? Я хочу теперь гулять по парку и... вздыхать, если мне это заблагорассудится! Но я абсолютно не желаю, чтобы в ответ на мой вздох из-за какого-нибудь куста раздалось насмешливое эхо. Поняли? Вы – прелестный зверек и незаменимый слуга. Я вас очень ценю. Но в последнее время вы все-таки слишком часто подвертываетесь мне на глаза и притом... в довольно неудобные моменты.

– Ровно настолько часто и именно в такие моменты, когда я нужна вашему величеству, государь!

– Не спорю и благодарю. Но... я предпочитаю вздыхать один, а потому говорю вам «покойной ночи»! – и, сказав это, король смеясь повернулся спиной к Беатрисе, а затем быст-

рой, эластичной походкой направился по аллее в глубь парка.

– О, благодарность королей! – патетически воскликнула Беата, с улыбкой глядя, как в зеленоватой, лунной дали исчезала стройная, красивая фигура молодого короля.

XVII

Долго прогулял в эту ночь Людовик и с каждым шагом своей быстрой ходьбы по парку, с каждым глотком ночного воздуха чувствовал, как разбивается в его голове тягостный туман, как ровнее бежит по жилам его взволнованная кровь. Мало-помалу его напряженность, его томление, беспричинная, страстная тоска разбивались, словно надречный туман под лучами утреннего светила.

Вернувшись к себе, он без церемонии разбудил старого Лапорта и потребовал вина и еды. Таким образом, в постель он попал не скоро.

А на следующее утро тоже нельзя было залеживаться, сначала надо было отстоять воскресную обедню в замковой капелле, затем принять кое-кого в частной аудиенции, а в заключение поспеть на завтрак к Генриетте. Каждая часть программы требовала своего туалета, а ведь для такого изысканного щеголя, каким был король Людовик Четырнадцатый, перемена туалета представляла очень сложную и ответственную операцию.

Но именно в это утро Людовик чувствовал такую бодрость, что утомительная половина дня не внушала ему никаких опасений. Вообще это утро было разительной противоположностью предыдущему вечеру. Словно с мозга и сердца сняли какое-то щемящее кольцо: все было ясно, спокойно,

светло...

В те несколько минут, которые Людовик проснувшись провел в кровати, он постарался припомнить, что такое важное он должен сделать сегодня. Мало-помалу память воскресила вчерашний разговор с Беатрисой Перигор. Ну с д'Артиньи и Гранире он устроит дело, а вот насчет холостого пира...

Но тут Людовику представился чистый образ Луизы де Лавальер, и мысль принять участие в разгульном пиршестве Филиппа показалась ему отвратительной до ужаса.

«Нет, – мысленно воскликнул он, – на этот праздник я не поеду. Правда, там мне предстоял какой-то забавный сюрприз. Ах, эта потешная Перигор! Но она так уверенно заявила, что я непременно поеду! Вот именно поэтому мне и хочется доказать этой провинциальной сивилле, что и она может ошибаться. Может быть, я спутаю ее расчеты тем, что не поеду. Но что делать! Одна мысль разделить грязные развлечения Филиппа внушает мне такое непреодолимое отвращение, что я должен буду огорчить брата отказом!»

Тут размышления Людовика прервало появление Лапорта, явившегося с докладом, что уже миновал час, назначенный накануне самим королем для церемонии вставания. И король Людовик разрешил приступить к священнодейственной процедуре одевания французского монарха!

Вплоть до завтрака у Генриетты время прошло так быстро, что Людовик не имел свободной минуты на новые раз-

мышления. Он совершенно позабыл о всех инструкциях Беатрисы и вспомнил о них лишь тогда, когда увидел бледное личико Полины д'Артиньи в сонме придворных дам Генриетты Английской.

Они находились как раз в большой гостиной в ожидании завтрака. Шел оживленный, шутливый разговор. Вдруг Людовик оборвал на полуфразе беседу с Филиппом и направился к Полине.

– Что это вы так бледны, барышня? – ласково спросил он ее.

– Но... ваше величество... Бесконечно тронута... Я – как всегда... – запуталась Полина, смущенная неожиданным знаком королевского внимания.

– То-то вот «как всегда»! – передразнил ее король. – Эх вы! Уж если дурной ветер носит вас к бабушке Вуазен, так хоть бы запаслись у этой волшебницы рецептом от бледности! В ваши годы надо быть розовой! – Тут он ласково взял девушку за подбородок и продолжал, сменив шутливый тон на сочувственно-серьезный: – Только вот мой совет вам, барышня: перестаньте бегать по разным ведьмам. Я знаю, вас привлекает туда не что-нибудь дурное, а просто девичья страсть ко всему таинственному и запретному. Но ничего хорошего не может произойти от сношений с нехорошими людьми!

Сказав это, Людовик резко отвернулся и успел заметить, с каким злобным разочарованием переглянулись Генриетта и

Олимпия. Точно так же Людовик, всегда отличавшийся наблюдательностью, не упустил из вида, что, в то время как остальные придворные выказали только самое естественное любопытство к происшедшей сцене, на лицах Гиша и Варда мелькнуло что-то большее: словно тревога, испуг, опасения!

«Так-так! – подумал король. – Это надо будет иметь в виду!»

В этот момент к нему снова подошел Филипп с вопросом: – Так как же, милый брат, ты, надеюсь, примешь мое приглашение?

– Нет, дорогой Филипп, извиняюсь, но решительно отказываюсь! – ответил король. – Я совершенно не в настроении для таких забав. Может быть... когда-нибудь потом, но не сегодня!

И опять Людовик заметил, что на лицах Генриетты, Олимпии, Гиша и Барда мелькнула тень беспокойства. Но он не успел привести в ясность свои суждения по этому поводу, как Генриетта дала знак к шествию в столовую, и надо было оказаться на высоте в качестве любезного кавалера своей застольной дамы, которой, конечно, была сама хозяйка дома.

Завтрак Генриетты был приготовлен на славу, любимые блюда короля чередовались с его излюбленными винами. Король был весел, много шутил, обильно кушал, изрядно пил... И – странное дело! – опять, как накануне, вино произвело на него особое, только еще более сильное действие!

Опять, как вчера, в душе поднялось томление, опять жи-

лы наполнились огненным потоком, властно требовавшим объятий. В глазах Людовика забегали какие-то цветные искорки, и каждая искорка, расплываясь, превращалась в лицо Луизы де Лавальер. Но это не было то лицо, которое он привык видеть, которое он некогда полюбил. В этом лице не было спокойствия, и каждая Луиза на разные лады искала поцелуев, простирала объятия, шептала искаженными страстью губами слова пламенного призыва. В то же время все те женщины, который сидели за столом в ожидании, пока король встанет, казались Людовику странно привлекательными. Он смотрел на Генриетту и не понимал, почему собственно он отказался от ее искусных ласк, переводил искрившийся взор на Олимпию и находил, что Манчини все еще имеет очень соблазнительный вид, потом кидал взор на Полину д'Артиньи, стоявшую за спиной Генриетты и думал, что эти яркие губы на бледном лице должны уметь изнурить поцелуями. И чем дальше, тем все острее, все болезненнее становились эти ощущения.

О, если бы такая странная игра чувств в своей напряженности продолжалась все время, Людовик – он сам чувствовал это – пожалуй не удержался бы от какой-нибудь странной выходки. Но по счастью буря чувственности налетала порывами. То Людовику казалось, что он не выдержит больше ее напора, то вдруг буря отлетала прочь, и в душе поселилось странное ощущение взволнованного покоя.

И все-таки Людовик только и думал о том, как бы поско-

рее окончить этот завтрак. Он стал рассеян, отвечал невпопад на вопросы Генриетты и совершенно не замечал тех многозначительных взглядов, которыми обменивалась герцогиня Орлеанская с Олимпией де Суассон.

Но все когда-нибудь кончается. Кончился и завтрак. Отсидев столько, сколько необходимо было для приличия, Людовик оставил покои герцогов Орлеанских и быстрым шагом, почти бегом отправился к Луизе.

Лавальер встретила его восторженным возгласом и в порыве сердца обвила его шею руками. Все закрутилось в Людовике от прикосновенья обожаемой девушки. Он судорожно прижал ее к себе, почти не сознавая, что делает, приподнял на воздух и сделал шаг к дивану. Но от его неосторожного движенья фарфоровые пастушок с пастушкой, стоявшие на отдельном постаменте, полетели на пол и с грохотом разбились вдребезги. Треск разбивающихся статуэток как-то сразу отрезвил короля и снова прогнал налетевшую бурю острой страсти. Людовик опустил Луизу на землю, заглянул в ее глаза и со стыдом заметил, что взор любимой девушки был грустен, дышал нежным укором, а по щекам текли крупные слезы.

– Ты плачешь, дорогая? – с упреком произнес он, – разве я обидели тебя?

– Я сегодня вообще грустно настроена, обожаемый мой! Сегодня утром пришло с оказией письмо от матери. Ну... у нас не все идет так хорошо, как хотелось бы. Потом матушка

много пишет о чести и достоинстве славных фамилий Лавальер и Сен-Реми, ая... я...

Она закрыла лицо руками. Людовик нежно обвил ее стан и ласково подвел к дивану. Луиза прижалась в самый уголок, Людовик смиренно подсел совсем близко к ней.

Взяв Луизу за руку, и поглаживая, и целуя эту руку, он заговорил о своем глубоком чувстве к ней, о святости и чистоте своей любви, о том, что в положении Луизы нет ничего позорного. Но только сначала речь его текла так мирно. Мало-помалу близость к Лавальер снова стала поднимать в нем только что отлетевшую бурю. Все прерывистее становилось дыханье Людовика, все более жутким блеском загорались его глаза, все бессвязнее слетали с его уст лихорадочные обрывки фраз. Даже в стыдливой, целомудренно-пугливой Луизе эта дикая речь, эти взоры и переливы страсти в тоне зажигали ответные отблески. Испуганно отбивавшаяся вначале, пытавшаяся образумить короля, Луиза вдруг затихла, смирилась и сидела, точно застывшая в пугливом трепете птишка. Все дерзновеннее становились ласки Людовика...

Вдруг откуда-то из парка (откуда? – неведомо, но близко-близко) послышался звучный, сочный баритон, запевший песенку про пастуха и пастушку. Сначала и Луиза, и Людовик не обратили внимания на это пенье, и волнующая мелодия песни показалась им законным аккомпанементом к переживаемому ими моменту. Но вот голос певца перешел в явно язвительные интонации и послышался вызывающий

припев:

Ты – пастушка?

Нет, ты просто – потаскушка!

Луиза вскрикнула, словно пораженная в самое сердце, и с силой оттолкнула от себя короля.

– Ты слышишь? Слышишь? – истерически крикнула она. – Этот певец прав! Я – просто низкая потаскушка! – девушка зарыдала и с обычной женской логикой добавила сквозь слезы: – Ты видишь теперь сам, что позволяют себе здесь со мной, хотя я ни в чем не виновата!

Но король, ошеломленный всем происшедшим, положительно оглушенный этой дерзостью неведомого певца, продолжал недвижимо стоять на том же месте, куда отбросил его толчок Луизы.

А певец тем временем пел третий куплет, еще бесстыднее, еще язвительнее, чем первые два. И в третий раз сатанинским хохотом прозвучал припев:

Ты – пастушка?

Нет, ты просто – потаскушка!

Луиза снова вскрикнула, еще болезненнее, еще мучительнее, чем прежде.

– Я убью на месте этого негодяя! – яростно крикнул король, выходя из своего оцепенения, и, обнажив шпагу, бурно

вылетел из комнаты.

Но стоило ему выбежать за порог комнаты, как с дерева, росшего почти под окном, послышался слабый свист, и пение сразу оборвалось посередине.

XVIII

Людовик, к вящему изумлению всех попадавшихся ему по дороге придворных и слуг, бурей выбежал в парк. Но полянка перед окнами комнат Луизы де Лавальер была совершенно пуста. Король, словно взбешенный волк, обрыскал все углы и закоулки, потоптал даже роскошные цветы в клумбах, истыкал шпагой все кусты, но не обнаружил никого. Безрезультатность поисков довела его ярость до последних пределов, и, держа перед собой шпагу, как бы собираясь поразить какого-то никому, кроме него самого, невидимого врага, король побежал вдоль аллеи.

Вдруг из-за угла навстречу ему показалась фигура Филиппа Орлеанского, шедшего ленивой, развалистой походкой. Увидев своего царственного брата в таком странном виде, герцог вытаращил глаза, раскрыл рот и спросил:

– Милый Людовик, что с тобой? За кем ты гонишься?

– За певцом! – прохрипел король. – Я искрошу его подлое тело в куски! Где он?

– За каким певцом, дорогой брат? – с тревогой в голосе спросил Филипп.

– Как, разве ты не слышал этого подлого, наглого пения?

– Милый Людовик... Я просидел здесь в парке по крайней мере целый час, с самого завтрака, и ей-богу не слышал никакого пения. Тебе что-нибудь показалось...

Для напряженных нервов короля наступила реакция. Он раскрыл рот, выпустил шпагу из рук и пошатнулся. Филипп едва-едва успел подхватить брата и не дать ему упасть. Осторожно обняв его, герцог подвел его к дерновой скамейке и усадил.

Прошло несколько минут в тягостном молчании. Все спуталось, все крутилось цветным вихрем в голове несчастного Людовика. Наконец он растерянно вымолвил:

– Неужели мне все... показалось?

– Ну конечно, показалось! – подхватил Филипп. – Ах, дорогой брат, говорю тебе, ты ведешь слишком усидчивую, слишком перегруженную работой жизнь! Так недолго и до беды! Тебе непременно надо развлечься, отдохнуть.

Людовик промолчал в ответ. Он пытался собрать свои мысли. Перед ним, словно в тумане, мелькнуло испуганное лицо Луизы. И вдруг ему стало до боли стыдно своего поведения. Ведь он клялся, и только случай помог ему не нарушить клятву! Как покажется он теперь на глаза Луизы?

И тут король почувствовал, что он не может встретиться сейчас с Лавальер, что ему стыдно ее, стыдно всех. Хоть бы сбежать куда-нибудь, скрыться, забыться хоть на миг!

А Филипп продолжал:

– Напрасно ты не хочешь поехать со мной в Париж. Как славно отдохнули мы бы там, как весело провели бы время! А каких женщин отобрал для этого пира из своей труппы старый шут Мольер! Да и эта Жанна, о которой я говорил...

Она сложена как богиня. И как танцует. Поедем, Людовик, а? Лошади готовы, подставы дожидаются на местах. Мы, словно ветер, прилетим в Париж!

Этот призыв Филиппа ударил Людовика по нервам, словно весть об освобождении. Ну да, конечно! Ведь хотелось же ему забыться, уйти куда-нибудь от этого тягостного чувства. И в то же время опять сверкнули в глазах разноцветные искры, расплываясь в тысячи соблазнительных женских образов.

– Едем! Только сейчас! – крикнул он, хватая брата за руку.

– Ну вот! – обрадовался Филипп. – Так я пойду распоряжусь, а ты, вероятно, зайдешь к себе переодеться?

– Да, да. Конечно! Я сейчас буду готов...

– Но ты не раздумаешь?

– О, нет! – король сухо расхохотался. – Я так благодарен тебе, Филипп!

Он пожал руку брату и быстрым шагом направился к себе. Шел он, опустив с мрачным видом глаза книзу, и все, кто встречался с ним, испуганно отскакивали в сторону. Но Людовик никого не видел, ничего не замечал.

У себя в кабинете он увидел графин с прохладительным питьем, жадно потянулся к графину, налил себе стакан, выпил его залпом, налил еще и еще...

Питье освежило короля, в голове стало яснее. И в то же время внутри что-то настойчиво, еще настойчивее, чем раньше, звало вон отсюда.

Людовик подошел к большому венецианскому зеркалу и оглядел себя. Костюм был немного смят, кружева чуть-чуть потрепаны.

– Ах, да не все ли равно? – вслух произнес Людовик. – Король – везде и во всем король!

Но тут ему вдруг вспомнилось, при каких обстоятельствах пришел в такое состояние его камзол, и волна жгучего стыда обожгла ему сердце. И в то же время в голову кинулось глухое бешенство.

Людовик резко отвернулся и задел при этом за графин. Через секунду он с диким проклятьем схватил неповинный сосуд с прохладительным питьем, высоко взметнул его над головой и с раздражением кинул об пол, заставляя разлетаться вдребезги.

– Вот! – с облегчением сказал он затем.

– А-гхм! – послышался вдруг позади него чей-то осторожный кашель.

Людовик резко обернулся и увидел... Беатрису Перигор. Теперь он окончательно вышел из себя.

– Опять вы? – заревел он, наступая на девушку со сжатыми кулаками, и, казалось, что он вот-вот изобьет Беату. – Что вам нужно? Как вы смели явиться сюда?

– Ваше величество изволили забыть, но вы сами вручили мне ключ для того, чтобы я могла в необходимый момент незаметно и без помехи явиться к вам, – ровным, спокойным голосом ответила девушка.

Ее спокойствие отрезвило короля.

– Так что же вам нужно? – уже гораздо мягче спросил Людовик.

– Так как ваше величество все же, как я и говорила, решились ехать на праздник герцога Филиппа, то я хотела указать вот на что. Когда на празднике произойдет неожиданный сюрприз, то весть о непредвиденном исходе хитрой затеи наших врагов быстро дойдет сюда, и я предвижу, что под влиянием злобы от неудачи они могут отважиться на такое отчаянное дело, которое я не смогу предупредить. Поэтому необходимо, чтобы вы, ваше величество воспользовались случаем и задержали всех присутствующих на празднике под арестом до расследования, а сами как можно скорее вернулись обратно. Вот и все!

Беата церемонно присела и попятилась к потайной дверке, через которую она вошла сюда.

Король с немым изумлением посмотрел на девушку. Его просто начинала пугать эта необъяснимая осведомленность.

– Я ли сошел с ума, или в самом деле весь мир перевернулся вверх ногами? – пробормотал он. – Нет, я должен дознаться, в чем тут дело. Эй, мадемуазель... мадемуазель! – крикнул он вслед исчезавшей Беатрисе.

Но в ответ ему послышался скрип запираемого замка.

Конечно, Беатриса слышала этот призыв, но ей некогда было удовлетворять любопытство короля. Она спешила к Луизе, бившейся в жесточайшей истерике. Правда, около

Лавальер оставалась д'Артиньи, но в таком беспомощном положении рискованно было оставлять Луизу под защитой легко терявшейся Полины. Мало ли что могли придумать в это время враги Луизы? Вдруг у них появился еще какой-нибудь новый план, и они воспользуются нервным припадком девушки, чтобы под видом лекарства подсунуть ей какую-нибудь гадость? И Беатриса ускорила свои шаги, торопясь к Луизе.

Однако ее опасения были напрасны: Лавальер, уже значительно успокоенная, лежала в полной безопасности на кушетке в своем будуаре, но все еще имела очень несчастный вид. Ее волосы были распущены, заплаканные глаза окружены глубокой синевой, а белые изящные руки, судорожно сжимая какой-то клочок бумаги, безвольно и беспомощно свисали вниз.

– Злая, злая! – с ласковой укоризной произнесла Беата, подходя к Лавальер. – Какой тревоги наделала ты нам всем!

Вместо ответа Луиза привлекла к себе подругу и опять горько заплакала.

– Но побойся Бога, Луиза! – тревожно воскликнула Перигор. – Да возможно ли так глубоко и долго страдать от ничтожной обиды? Какая-то глупая, дерзкая песенка. Да я на твоём месте и внимания не обратила бы!

– Ах, ты ничего не знаешь, Беаточка! – сквозь слезы ответила Луиза. – Разве я плачу от обиды? Да, наоборот, я бесконечно признательна певцу и его песенке! Не будь этого, ведь

я... сегодня... – Она снова заплакала, но поспешила подавить набегавшие слезы и продолжала: – Меня ужасает не то, что было, а то, что чуть-чуть не случилось! Подумать страшно, Беата! Сегодня я совсем потеряла власть и волю над собой, ласки Людовика опьянили меня, и я готова была забыть долг чести и стыдливости. Если бы не эта песня... Подумать страшно! И я плачу от ужаса: вдруг это повторится, и я паду?

Тут Луиза окончательно не выдержала и опять заплакала.

– Ах, вот что! – воскликнула Беата и звонко рассмеялась. – Значит, ты плачешь от мысли, что может настать день, когда ты перестанешь мучить человека, глубоко полюбившего тебя, и дашь ему и себе полное, вполне заслуженное счастье?

– Старый спор, Беата, – уныло и нехотя ответила Луиза. – Только, как видно, мы с тобой никогда ни на чем не столкнемся. Ты видишь счастье там, где, по-моему, – только позор и гибель!

– А если даже так, – запальчиво воскликнула Беата, – если даже для тебя самой в этом был позор или гибель, ты все-таки не можешь отрицать, что для короля в этом было бы счастье! В чем же тогда выражается любовь? Не составляет ли самопожертвование, самоотречение ее главного свойства? Но ты, как видно, просто не любишь или недостаточно любишь своего Людовика, только и всего!

– Люблю ли я его? – меланхолично повторила Луиза. – Ты ошибаешься, Беата! Я пошла бы на казнь, на муку ради

него и ради одной его улыбки радости обрекла бы свою душу вечной гибели! – Она широко распростерла руки вдаль и с дрожью истинной страсти простонала: – О, мой король, мое божество! Дай мне умереть за тебя, и я умру со слезами благодарности и радости! Но ты не хочешь понять одно, Беаточка, – продолжала она. – Нельзя приносить жертву за чужой счет. Я готова отдать королю все, чем имею право распоряжаться. Но разве честь имени Лавальер – только моя собственность? И разве могу я обмануть доверие матери, которая верит, что я не изменю долгу девичьей стыдливости, не опозорю ее седин, не омрачу склона ее честно прожитых лет?

– И ты так уверена, что маркиза де Сен-Реми будет огорчена и придет в отчаяние, если ее дочь займет самое высшее положение, какое только доступно француженке некоролевской крови?

– Милая Беата, – устало ответила Луиза, – мы с тобой уже так часто и много спорили на эту тему, что мне, право, не хочется в двадцатый раз повторять доводы, против которых ты еще ни разу не могла привести серьезное возражение. К тому же, я чувствую себя очень утомленной. Авось сон даст мне сегодня покой, в котором так нуждается моя душа! Вместо ответа вот возьми это письмо, которое я получила сегодня от матушки. Прочти его и скажи тогда сама, могу ли я пойти на то, что ты мне так легкомысленно указываешь!

Луиза протянула Беате письмо, которое она держала зажатым в руке и опять устало упала на подушки. Беата взяла

беленький клочок и с раздражением вышла из комнаты.

Придя к себе, она бросила письмо маркизы де Сен-Реми на стол и машинально пробежала его. Вдруг ее глаза расширились, лицо выразило настороженное, радостное изумление. Склонившись над письмом, Беата еще раз внимательно перечла следующее:

«Дорогая моя дочка! Пишу из Блуа, куда я приехала по вызову маркиза де Сен-Реми. Мне было вовсе не на руку бросать Лавальер в такую пору когда хозяйственные заботы так и кипят, но твоему отчиму опять стало очень плохо. Ах, вообще в последнее время наши дела идут не очень-то хорошо!

Я с ужасом гляжу в будущее. Маркиз с таким трудом получил несколько лет тому назад эту службу у герцогов Орлеанских, все шло как будто хорошо, но в последнее время почва опять заколебалась у него под ногами. Герцогиня шлет одно резкое письмо за другим, маркизу все время строят разные каверзы, непрестанно донимают его всевозможными придирадками, и сразу видно, что ищут только предлога, чтобы отказать ему. Но что будет тогда с нами. Один Бог знает! Лавальер не дает дохода, только-только удается покрыть расходы, а ведь больше у нас ничего нет.

А тут еще и ты огорчаешь нас. Маркиз прямо называет тебя неблагодарной, но я убеждена, что он неверно осведомлен. Люди злы и готовы сочинить, что угодно. Впрочем я не могла как следует расспросить

маркиза, потому что он очень, очень болен и мне не хотелось волновать его.

Но, повторяю, я и так уверена, что маркиз получил неточные сведения. Я знаю тебя, ты – умна, добра и хорошая дочь. Разве могла бы ты забыть, что маркиз всегда был тебе истинным отцом, что мне тяжело на старости лет считать каждый грош, что твой брат, не имея протекции, никогда не добьется повышения, что твоей сестре скоро надо будет показаться в свете? Нет, нет! Я уверена, что все это – сплетни. Наверное, король просто как-нибудь пошутил с тобой, может быть, в добрую минуту сказал тебе несколько ничего не значащих любезностей, а завистники сочинили из этого целую историю. Потому что, если бы... Но нет, нет! Что говорить о том, что невозможно? Кто различит среди пышных придворных роз скромную туреннскую фиалку?

Крепко целую тебя, моя милая Луизетта, и выражаю твердую уверенность, что ты не забудешь о существовании своих близких.

Твоя мать».

– И эта дурочка еще уверяет, что маркиза де Сен-Реми...
О, наивность! – воскликнула Беатриса, звонко расхохотавшись.

Затем она вскочила с места, схватила с бюро лист пергамента с витиеватой надписью на титульном листе: «Родословное древо девицы де Конта, виконтессы де Перигор де

ла Грэ дю Бонтаржи», – и, прижимая его к груди, принялась танцевать какую-то дикую, фантастическую пляску.

XIX

Быстро мчались кони, пожирая одно лье за другим. Кочком съежившись, в углу экипажа сидел король Людовик. Его воспаленный взор машинально улавливал путевые картины, ничего не воспринимая, не запоминая, не реагируя, И все мысли, все чувства сосредоточивались в двух словах: «скорей» и вперед»!

Вот темным пятном синеет вдали лес, набегают, ширится, высится. Вот охватила со всех сторон ароматная лесная полутьма. Вперед! Вперед!

Крутой сбег пути, резкий заворот, стальной блик реки. Бурей проносится экипаж по шаткому мосту. Ходуном ходят расшатавшиеся бревна, скрипят и напрягаются скрепы, того гляди – все расползется, поплывет. Что за забота? Только вперед... вперед!

Поле, деревушка вдали. Далеко отбрасывает в сторону длинную вечернюю тень высокая, остроконечная колокольня. Откуда-то доносится свирель пастуха. Что она напоминает? Король досадливо морщит лоб, и вдруг звуки свирели отчетливо выводят ему: «Ты – пастушка? Нет, ты – просто потаскушка!». Ах, не все ли равно? Только вперед, вперед!

Но что это? Остановка? Ах, перепряжка. Ну, скорей! Главное – вперед, вперед!

И опять мчится экипаж, мелькают леса, поля, мосты, ко-

локольные, а он все мчится и мчится – вперед, вперед!

* * *

Филипп помог брату выйти из экипажа и почтительно повел его по широкой мраморной лестнице, по бокам которой стояли приглашенные на пиршество гости, восторженно и подобострастно приветствовавшие короля.

Людовик остановился посредине и сказал:

– Господа, я очень благодарен вам за приветствия и встречу, но... мне это не по душе. Что за черт? Или вы, может быть, думаете, что я явился на заседание парламента? – он резко, сухо рассмеялся и продолжал: – Нет уж, оставьте на сегодня церемониал. Я хочу веселиться среди друзей. Пусть Вакх и Киприда сравниют здесь всех нас!

– Увы, государь, – ответил старый маркиз де Майетон, – сам всемогущий Зевс не может сравнивать короля с простыми смертными!

Людовик снова рассмеялся, и этот сухой, короткий смешок, необычная нервность короля, явная странность всего его поведения заставили придворных с некоторой тревогой переглянуться.

– Но я и не думаю равняться с тобой, мой старый Майетон! – ответил Людовик, продолжая подниматься и вступая наконец на заставленную цветами и растениями верхнюю площадку. – Ты стар, хил и уже не можешь как следует

служить милым божкам древности. А я молод и полон сил, я хочу вина и женщин! – Король почти крикнул последние слова, и его глаза при этом сверкнули жгучим огнем, словно он бросил кому-то дерзкий вызов. – Вина и женщин! – повторил он и снова тихо засмеялся. – Нет, в этом нам не сравняться с тобой, Майетон, клянусь Венерой, нет! – Он уселся в кресло под пальмой, обвел воспаленным взором присутствующих и потер себе лоб, как бы стараясь собрать разбегавшиеся мысли. – Но все-таки очень прошу вас, господа, забыть на сегодня всякий церемониал! – снова заговорил он после недолгого молчания. – Я устал, господа, мне хочется слиться сегодня с шумной и веселой толпой. Смейтесь, разговаривайте, не обращайтесь на меня внимания – такова моя просьба, таков мой приказ на сегодня, господа!

В этот момент, заметив в стороне Варда, который еще после завтрака стремительно умчался в Париж, Филипп воспользовался словами короля, чтобы сказать:

– В таком случае ты позволишь, милый Людовик, оставить тебя и озаботиться хозяйственными вопросами?

– Делай, что хочешь, и предоставь мне полную свободу. Это – лучшее, что ты можешь сделать для меня! – было ему ответом.

Филипп поспешно подошел к Варду взял его под руку, отвел в сторону и нетерпеливо спросил:

– Ну что?

– Все великолепно, – ответил маркиз. – Механизм дей-

ствует без зацепочки, Жанна отлично освоилась и ничуть не теряется. Что за роскошь эта девчонка!

– Так, – промычал Филипп. – Ну а в остальном? Вакханки одеты? Залы освещены?

– Все готово!

– Так не будем же терять время!

Филипп отошел от колонны, вышел на середину площадки и, хлопнув в ладоши, крикнул:

– Господа, дорогие гости, внимание! Так как пир без женщин – не пир и так как лучшими женщинами все-таки были женщины классической древности, то по моему специальному заказу прямо из седой старины прибыл целый транспорт вакханок!

– Да здравствует герцог Филипп! – дружным хором ответили гости.

– Однако, – продолжал герцог, – бог Вакх решительно отказался прислать столько вакханок, сколько их нужно по количеству моих гостей. «У нас, – сказал он, – женщину надо завоевать, и только сильный и ловкий достоин владеть красивой женщиной. Пусть же сильные и ловкие будут награждены добычей, пусть неловкие и слабые платятся одиночеством за недостаток энергии!» Ну, с богами не спорят, господа, да ведь если подумать, так старик, пожалуй, прав! Поэтому прошу вас всех пожаловать в большой зал. Через одну из дверей ее появятся мои гости из классической Греции. Не зевайте, ловите, хватайте ту, которая понравится вам! И

пусть победители с торжеством ведут свою добычу в пиршественный зал, пусть уныло плетутся за ними побежденные! Прошу!

Гости с хохотом и шутками веселой гурьбой двинулись в комнаты.

У входа в большой зал каждый невольно ахнул. Пол был густо усыпан песком, стены и колонны задекорированы вьющимися растениями, в которые были вплетены розы, а в песке были высажены низкорослые цветущие кусты, которые, не закрывая общего вида, превращали зал в своего рода лабиринт с широкими дорожками и лужайками.

Гости разбрелись по разным уголкам этого импровизированного сада. Дверей было довольно много. Если бы знать, через какую именно вбегут вакханки, можно было бы увеличить свои шансы на добычу, став поближе. Но как это узнать?

Людовик горделиво отошел в сторону и стал так, чтобы видеть перед собой весь зал. Затея брата очень забавляла его, но он и не думал принять участие в общей ловле. Вот еще! Если какая-нибудь вакханка особенно понравится ему, всегда будет время напомнить, что он – все-таки король Людовик! Но интереснее всего позабавиться общей картиной. Вот ведь как все насторожились, точно собаки на зверином следу!

Вдруг послышался какой-то страстный вопль многих женских голосов, часть стены, где дикий виноград маскировал широкую дверь, неожиданно распахнулась, и в зал вбежа-

ла толпа разнузданных вакханок. Легкие сандалии, венок из плюща на распущенных волосах да тигровая шкура, наброшенная на обнаженное плечо, составляли весь их костюм.

Размахивая увитыми плющом тирсами, вакханки выбежали на центральную площадку и с гортанным, призывным воем «Эвоэ, Вакх!» рассыпались по дорожкам. Поднялось что-то невообразимое. Мужчины кинулись вдогонку за женщинами, а те, не переставая издавать дразнящие дикие звуки, увертывались, скакали, словно вспугнутые козочки, через кусты в клумбы, чтобы трепетно замереть наконец в объятьях счастливого охотника.

Король воспаленным взором следил за общей сумятицей. Он любовался, как несся ловкий Вард за стройной, упругой брюнеткой, перепрыгивая через кусты и дорожки и в то же время никого не задевая и не толкая. Он смеялся, видя, как старый Майетон, от которого никак уже нельзя было ожидать особой прыти, заменив опытом и хитростью ловкость и силу, оттеснил в сторону трех молодых соперников и быстро завладел намеченной им себе жертвой. А там тяжелый, грузный, противный колосс Равидон рухнул прямо на шипы розового куста, споткнувшись о ногу, предательски подставленную ему увертливой рыженькой вакханкой с нежной, словно прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали голубоватые жилки, и плутовскими черными глазенками. Король в восторге захлопал себя по бедрам (граф де Равидон всегда вызывал в нем чувство глубокой антипатии) и тут же

заплодировал, увидев, как Филипп, стрелой перемахнув через куст, в одно мгновение ока схватил в объятия не успешную увернуться рыженькую.

Но вот суматоха затихла, все вакханки были переловлены. Победители, гордо обняв свою добычу важно пошли по дорожкам. Несчастливцы (их было очень немного) старались пренебрежительной улыбкой показать, что неудача несколько не огорчает их и если бы они захотели...

Слегка задыхаясь и обнимая свою рыженькую, Филипп подошел к Людовику.

– Что я вижу! – воскликнул он. – Как, ты никого не поймал? Но ты, по-видимому, и не участвовал в общей охоте, Неужели никто из возбудил в тебе желания ловить и поймать? А ведь здесь много настоящих красавиц. Посмотри-ка хоть на мою добычу! Что, небось хотелось бы быть на моем месте?

– Я чувствовал бы себя глубоко несчастным, если бы оказался на твоём месте! – ответил король.

Рыженькая сверкнула черными глазенками и скорчила обиженную гримасу, а Филипп с некоторым смущением спросил:

– Как? Разве ты находишь...

– Я нахожу, что несчастье – обнимать одну, когда хочется обнять всех, всех! – хрипло ответил король.

Филипп засмеялся и шепнул на ухо брату:

– Погоди, за ужином ты обнимешь прекраснейшую жен-

щину, обнимая которую можешь искренне думать, что обнимаешь всех!

Он прошел дальше и кивнул метрдотелю, ожидавшему у одной из дверей. Тот быстро удалился. Тогда Филипп захлопал в ладоши и, крикнув: «к пиру, господа, к пиру!» – повел вперед свою рыженькую. За ним гурьбой пошли и парные, и одинокие, счастливчики и неудачники.

Томные, вкрадчивые рыдания скрипок оркестра Люлли встретили гостей при входе в столовую. Ароматной, дурманящей волной пахнул на них ветерок из одной комнаты, воздух которой был пронизан цветами и куреньями.

Посредине столовой полукругом изогнулся стол. В ярком блеске люстр и канделябров радужными пятнами сверкали цветы, искрился хрусталь, расплзались лучистыми отсветами массивное серебро и золото. Вместо стульев или кресел по касательной к дуге стола были поставлены увитые цветами кушетки.

Филипп подвел короля к середине стола и затем принялся рассаживать гостей, стараясь устроить так, чтобы неудачники все же хоть с одной стороны имели возле себя вакханку. Когда все было приведено в порядок, он возлег сам через место от короля, от которого его отделяла рыженькая.

Полулежа на своей кушетке, король оглянулся по сторонам и только теперь заметил, что как раз против его места к столу примыкал круглый выступ, шириной локтей в семь. У самых краев этот круг был обвит, как и все здесь, гирляндой

разных цветов. Но внимание короля было тут же отвлечено пестрым роем лакеев, забежавших с кувшинами и блюдами.

Людовик подставил свой кубок под струю темно-красного бургундского и залпом выпил благородное, старое вино. И еще более пряно запахло для него цветы, еще страстнее зарыдали скрипки!

Началось пиршество – разгульное, хмельное, дурманящее. Нервный смешок вакханок, старое вино, пряные яства, рыдающие вздохи скрипок, радужные пятна цветов – все погружало чувства в дразнящий туман. И казалось, что грезишь, что сонным видением переживаешь мечту олимпийского пира!

Но вот Филипп ударил по серебряной доске и, когда шум затих, крикнул:

– Теперь молчание и внимание, господа!

Лакей почтительно подал герцогу деревянный молоток с очень длинной ручкой. Филипп вооружился этим странным орудием и троекратно стукнул в самую середину таинственного выступа, приходившегося против королевского места. Тогда доска выступа словно раскололась на восемь частей, которые провалились внутрь, обнажая широкое отверстие.

Все, затаив дыхание, устремили взоры к этой таинственной трубе.

Филипп два раза ударил в серебряную доску, литавры оркестра Люлли глухо и таинственно забили тихую дробь, в отверстии послышался какой-то шелест, оттуда показалась

голова, затем плечи, торс, и глазам восхищенных зрителей предстала на серебряном блюде закутанная в прозрачное покрывало женщина. Оркестр грянул аккорд и стих. Женщина в покрывале замерла в античной позе. И из груди присутствующих вырвался единомудушный вздох: перед ними была ожившая статуя, тело которой могло соперничать с мрамором в лучших творениях ваятелей древности!

Несколько минут, а, может быть, – часов или секунд – кто мог воспринять счет времени при виде этой воплощенной красоты идеала женского тела? – женщина на блюде продолжала неподвижно стоять, словно ожившая Книдская Венера,¹³ еще не скинувшая последнего покрывала!

Но вот герцог снова ударил в серебряную доску, оркестр заиграл сладострастную, дикую мелодию быстрого темпа, и Книдская Венера пришла в движение.

Эти дикие, фантастические движения в сущности нельзя было назвать танцем, но они были прекраснее всякого тан-

¹³ В раннем периоде древнегреческого искусства Венера обыкновенно изображалась красивой женщиной, облаченной в хитон. По мере падения истинно-религиозного чувства строгий облик богини утрачивался и скульпторы все откровеннее выражали Венерой идею чувственной любви, все более обнажая богиню. В IV веке жители острова Коса заказали великому Праксителю статую Афродиты. Скульптор, решившись на смелое нововведение и желая дать воплощение красоты в наготе, исполнил две статуи – одетую и нагую. Заказчики избрали первую, как более согласную с религиозными традициями, а вторую приобрели книдяне. Книдская Венера изображала богиню в тот момент, когда, скинув последнее покрывало, она кладет его на близстоящую вазу и входит в воду для купания.

ца. Змеей извивалось гибкое, упругое тело, дразняще белевшее мрамором сквозь зеленый газ покрывала, и воспаленным взором следил король за каждым поворотом, за каждым изгибом мечты пластической Грации. Все страстные грезы его последних дней, казалось, воплотились в этом теле. И, невольно задерживая дыхание в груди, Людовик трепетно ждал, когда богиня кончит свою жертвенную пляску и прострет к нему свои манящие объятия!

Но вот резким аккордом оборвалась музыка. Танцевавшая остановилась, на мгновение замерла, затем резким движением сорвала с себя покрывало и, опустившись на одно колено и страстно простирая к королю белые руки дивной пластичности, застыла, как бы ожидая призыва.

Король жадно пожирал воспаленным взором безукоризненные линии ожившей статуи. На одно мгновение его глаза с любопытством остановились на двух родинках, симметрично расположенных, со строгими очертаниями королевских лилий, по обе стороны груди. Он слегка нагнулся вперед, поднял руки, как бы собираясь притянуть к себе красавицу.

Но тут случилось что-то странное, необъяснимое, что показалось каким-то кошмаром всем присутствующим. Словно устав от своей неподвижной позы, красавица слегка вздрогнула, затем содрогнулась резче, словно ужаленная насекомым. Затем все ее тело стало дрожать. Видно было, что красавица, нервно передергивая плечами, от чего-то удер-

живается. Рука, несколько раз вздымавшаяся и отдергивавшаяся, не выдержав наконец, потянулась к груди, к плечам, к бокам. И везде, где, почесывая, коснулась эта рука, вдруг, на глазах у всех, показывались красные пятнышки, которые тут же багровели, превращались в отвратительную сыпь и расползались все шире и шире.

С криком отвращения вскочил король.

Красавица окончательно не выдержала. Упав на серебряное блюдо, она принялась кататься по нему яростно терзая ногтями все свое зудевшее, болезненное, еще недавно такое белоснежное, такое прекрасное, теперь такое отвратительное тело. А сыпь проступала все ярче, все ожесточеннее чесалась несчастная Жанна Риколь, ее тихие стоны стали переходить в вопли, потом в рычание. Не выдерживая больше, она, рыча, словно затравленный зверь, рвала ногтями тело, превращавшееся в сплошную язву.

– Что это значит? – крикнул король, бешено топнув ногой.

Но никто не ответил ему. В ужасе застыли группами повскакавшие с мест гости, бледный, с трясущейся челюстью стоял в стороне герцог Филипп.

Король брезгливо отвернулся и пошел к выходу. Вдруг он вспомнил слова Беатрисы де Перигор. Как, да ведь она сказала вчера: «Когда вы увидите неожиданное украшение красавицы, вспомните, что это украшение готовилось Лавальер».

– Герцог Филипп! – яростно крикнул он, остановившись в дверях.

Герцог растерянно подбежал к брату:

– Ваше величество...

– Что это значит, герцог?

– Но, ваше величество, я сам не понимаю...

– А я понимаю, ваше высочество! То, что вы предательски готовили другой, обрушилось на вас самих. Герцог Филипп! Клянусь Богом, если бы вас не защищала общность крови со мной, завтра же ваша голова скатилась бы под топором палача! Но ничто – ни происхождение, ни высокий сан, ни кровное родство со мной – не спасет ваше высочество, если теперь вы осмелитесь нарушить мое приказание. Я приказываю, чтобы из стен этого дворца никто не смел выходить до завтра. Всякое сношение, с внешним миром должно быть прервано, пока не будет получен мой указ, определяющий вашу дальнейшую участь. Я подумаю над вашей судьбой, но молитесь вашего патрона, святого Филиппа, чтобы он вселил мне в душу хоть каплю милости к вам! – Король оглядел присутствующих и, остановившись на герцоге де Сент-Эньяне, крикнул: – герцог де Сент-Эн्यान! Вас я не могу считать заодно с заговорщиками, но, если я ошибаюсь, да хранит Господь вашу голову! Приказываю вам немедленно отправиться за войсками и окружить цепью солдат Пале-Рояль. Затем мне немедленно должны быть приготовлены лошади и высланы верховые за подставами. Вы будете сопровождать меня. Да скажите командиру части, что он отвечает мне головой за всех, кто здесь находится. К этой несчастной позвать

доктора. Ее нужно унести отсюда, а то бедняжку еще отравят, чтобы скрыть следы преступления. Ступайте, герцог, я подожду вас внизу!

Король повернулся и вышел из столовой. Спустившись по мраморной лестнице, он уселся внизу в кресле. Вскоре послышался шум экипажа. Вслед за этим прискакал на рысях отряд конных солдат. Еще раз подтвердив командиру отряда свое предупреждение, что он отвечает головой за малейшее упущение в надзоре за строгой блокадой Пале-Рояля, король уехал с Сент-Эньяном.

Тем временем Филипп, чуть не плача, уцепился за Варда:

– Бога ради... Что делать? Что делать?

Тот пренебрежительно пожал плечами:

– Я дорого дал бы за то, чтобы узнать, какая каналья испортила нам все дело. Но теперь уже ничего не поделаешь. Что делать, спрашиваете вы? Да ровно ничего! Продолжать!

– Что продолжать?

– Да веселиться! Неужели нам нужно в тоске и отчаянии просидеть здесь до утра? Полно вам! Король отходчив, да и едва ли у него найдутся улики в руках. Иначе он постудил бы не так. Моя голова вам порукой, что завтра все сгладится. А теперь будем пить и любить!

– Ты прав, Вард! – согласился Филипп.

Жанну Риколь унесли. Опять заиграли скрипки оркестра Люлли, гости расселись, слуги забегали с вином и кушаньями. Мало-помалу опять послышался нервный смешок вак-

ханок. Оргия снова вошла в свою колею. Только теперь она стала еще отчаяннее, безудержнее. Никто не знал, что сулит ему завтрашний день, и каждый хотел взять все что можно от сегодняшнего!

XX

Вард не ошибался, называя короля отходчивым. Как ни был возмущен Людовик, он не мог не уловить в трагическом происшествии комических черточек. Конечно, он еще не понимал вполне, что такое тут произошло, но приблизительно представлял истину довольно точно. Иначе говоря, он догадывался, что Жанной Риколь и обезображиванием Луизы его хотели отвлечь от его страсти, а вот этот маленький чертенок – Беатриса Перигор – вмешался, и планы врагов перевернулись в обратную сторону. Как она это сделала? Об этом он не мог составить себе ни малейшего представления! Но сделала она это великолепно – такая ловкая, маленькая шельма! И король, еще недавно выказывавший все признаки бешеного гнева, вдруг, к величайшему изумлению Сент-Эньяна, начал тихо посмеиваться. Затем ему представилось, какую гримасу скорчит Генриетта, когда узнает о происшедшем, и при этой мысли король начал откровенно хохотать.

Так доехали они до Фонтенебло. Было около часа ночи, когда Людовик вошел к себе в комнату. Но спать ему не хотелось. Неестественное возбуждение, охватывавшее его еще несколько часов тому назад, совершенно улеглось, голову уже не жал какой-то стальной обруч, мысли текли ровно и спокойно. Открыв окно, Людовик облокотился на подоконник, любуясь, как полная луна ныряла в прихотливых волок-

нах растрепанных тучек.

– Какая чудная ночь! – вполголоса пробормотал он.

– О, великолепная! – согласился за его спиной голос Беатрисы Перигор.

Король вскочил, обернулся и в течение некоторого времени молчал, не зная, рассердиться ли ему или рассмеяться. Но вся фигура девушки представляла собой такое воплощенное смирение, такое олицетворение невозмутимой невинности, что Людовик не выдержал и расхохотался.

– Ну-с, вы зачем? – коротко спросил он ее затем.

– Я пришла за своими предками, государь! – ответила Беатриса, показывая на сверток пергамента, который она держала в руках.

– Слушайте, маленький дьяволенок, – сказал король, подбегая к девушке и пребольно ухватывая ее за розовенькое ушко, – хотя вы и замечательно ловко устроили свою каверзу – и вы еще расскажете мне, как подстроили ее, расскажете, расскажете, расскажете! – при каждом повторении этого слова Людовик пощипывал ухо Беаты. – Но... предков вы этим еще не заслужили... о, нет! Вспомните-ка наш договор: за что я обещал вам добропорядочных предков?

– Но я пришла получить предков не за «каверзу», а по точному смыслу нашего договора, государь! – ответила Беатриса.

Людовик широко раскрыл глаза, выпустил ухо девушки и воскликнул:

– Что такое? Вы хотите сказать... Но нет, это невозможно! – в нем вспыхнула злоба при мысли, что надежда, так ярко сверкнувшая перед ним, опять должна отойти в сумрак несбыточного, и он крикнул: – Или вы в самом деле так обнаглели, что осмелились явиться сюда для того, чтобы шутить со мной, словно с ровней?

– Но вы, государь, даже еще не выслушали меня! – смиренно возразила Беатриса.

Людовик напряженным взором посмотрел ей в лицо. Он заметил, что уголки ее губ слегка вздрагивают, а в глазах бегают шельмовские огоньки, и снова в сердце его загорелась надежда.

– Ну теперь уже вы не отвертитесь от меня! – произнес он, хватая девушку за руку и усаживая ее на диван. – Потрудитесь немедленно доложить мне, какую хитрую каверзу вы еще задумали!

Беатриса отложила в сторону большой сверток пергамента, достала из-за корсажа какое-то письмо, расположилась поудобнее на диване и начала:

– Начну, государь, немного издалека. Что делает врач, когда хочет излечить больного? Он осматривает его, определяет природу болезни и потом уже прописывает лекарство. Вся моя ошибка в самом начале заключалась в том, что я не последовала примеру врачей. Но случай натолкнул меня на уяснение природы той болезни, излечить которую я вознамерилась.

– Да будет благословен этот случай, если так! – воскликнул Людовик.

– Попробуем же разобраться, в чем ваша болезнь, то есть, иными словами, что мешает вашему величеству и Луизе быть вполне счастливыми? Вас, государь, связывает данная клятва не употреблять насилия, Луизу же – дочерний долг в том виде, как она его понимает, и только. Но если устранить одну из причин – ту или эту, то вы оба с восторгом заключите друг друга в объятия!

– Да ведь королевскую клятву ничто не может устранить! – со вздохом заметил Людовик.

– Нет, и потому остается лишь та причина, которая связывает Луизу. Надо вам сказать, государь, что все это время я настойчиво наседала на нее, доказывая, что она просто глупит, отказываясь от счастья. Но Луиза не сдавалась, хотя и признала, что ради счастья вашего величества готова пойти на всякие жертвы.

– О, чистая душа! – вздохнул король.

– Наконец сегодня, – продолжала Беатриса, – Луиза в подкрепление своих доказательств дала мне прочесть это письмо. Вот оно! Благоволите прочитать его, государь!

Людовик взял протянутое ему письмо маркизы де Сен-Реми, рассеянно пробежал его и сказал:

– Ну что же тут особенного? Самое обыкновенное письмо глупой провинциальной матери!

– Да так ли, государь! А мне вот кажется, что маркиза де

Сен-Реми даже слишком умна! Ваше величество, да неужели же и вы впадете в такую же ошибку, как и наивная Луиза? Ведь маркиза отказывается верить, что ее дочь не воспользуется счастьем ради своих близких! И если маркизу привезти сюда и пожаловаться ей, то...

Беатриса не договорила, так как король, снова схватив отложенное письмо, стал лихорадочно перечитывать его.

– Да ведь вы совершенно правы... – с какой-то растерянностью пробормотал он, перечитав письмо.

Да, теперь король вдруг прозрел. Но как же до сих пор ему самому не пришло в голову, что надо действовать через мать, раз именно мать была, по словам Луизы, единственной помехой его счастью? Как же он не подумал об этом? Разве не знал он своего дворянства, разве ему не было известно, что за деньги, имения, ордена или просто за власть и влияние любая мать с восторгом отдаст дочь королю?

Все эти мысли молнией пробежали в голове Людовика, и все-таки он сидел хмурый, сосредоточенный, какой-то растерянный. Счастье слишком близко, слишком ощутительно предстало перед ним сразу, неожиданно, внезапно, и он не чувствовал себя в состоянии так же внезапно и сразу охватить всю его полноту.

Но вдруг ему представилась Луиза, покорно склоняющаяся в его объятия; он словно почувствовал трепет ее девственного тела, пламень ее взволнованного страстью дыхания. И куда сразу девалась вся его подавленность, куда уле-

тела хмурь!

Вскочив с дивана, Людовик, словно расшалившийся паж, сделал пируэт в воздухе, затем подскочил к Беатрисе и расцеловал ее в обе щеки. Говорить он пока еще не мог: радостное волнение лишало его дара слова!

Так прошло несколько минут, в течение которых девушка сидела с самым невозмутимым видом, хитрыми глазенками наблюдая за радостным волнением короля. Наконец Людовик воскликнул:

– Вы – прелесть! Просите у меня, чего хотите!

– Но, ваше величество, я только и хочу предков! – ответила Беата.

Король шаловливо расхохотался и воскликнул:

– Э, нет! Это против уговора! Мы условились, что предков вы получите... потом, когда...

– Ваше величество! – взмолилась Луиза. – Это совершенно невозможно! Мне необходимо получить предков в кредит! Ну, подумайте сами, государь: когда все ваши мечты осуществляются, разве у вас найдется свободная минутка для меня и моих предков?

– В этом вы, пожалуй, правы! – воскликнул король смеясь. – У меня пропало столько времени даром, что теперь я не намерен терять больше ни секунды. Но... – он немного задумался. – А очень долгая канитель с вашими предками?

– Да ничутьюшки, государь! – радостно воскликнула Беатриса, протягивая пергамент, – здесь у меня уже все преду-

смотрено и все заготовлено! Только недостает королевской подписи и печати!

Король улыбаясь взял из рук девушки пергамент и прочитал надпись, где говорилось, что он, король, сим подтверждает правильность генеалогического дерева Беатрисы и – восстанавливает ее в утраченном предками звании.

– Хорошо! – сказал он наконец. – Но за то, что я даю вам предков в кредит, вы должны будете дать мне кое-какие разъяснения и советы. Мы сейчас с вами поужинаем – из-за вашей каверзы мне пришлось прервать очень изысканное и во многих отношениях интересное пиршество! – А за ужином поговорим.

С этими словами король дернул за кисть сонетки, которая была соединена шнуром со звонком в комнате старого камердинера.

Через несколько минут на пороге комнаты показался Лапорт. Увидев Беатрису, он вытаращил глаза, даже протер их, словно подозревая, что это ему просто пригрезилось со сна, и в немом изумлении отступил на шаг.

– Слушай, старый шут! – с комической угрозой крикнул король. – Если ты будешь так угрюмо и подозрительно смотреть на эту хорошую, чистую девицу и делать вид, будто подозреваешь нас здесь в шалостях, то я разделаюсь с тобой по-свойски! Вот возьму, да и вскочу к тебе на шею верхом, как делал в детстве. Что ты тогда запоешь? Пожалуй, теперь труднее тебе будет скакать рысью, чем лет двадцать тому на-

зад?

– Все такой же! – буркнул старый ворчун, укоризненно отмахиваясь рукой. – Эх, ваше величество, ваше величество! И когда вы только в разум войдете?

– Через пять минут после того, как ты принесешь нам сюда ужин! – ответил король. – И если ты действительно заинтересован в том, чтобы я стал солиднее, то поторопись! Принеси-ка нам, старина Лапорт, холодной дичи, ветчины, какой-нибудь паштет и вина: мне сегодня помешали поужинать. И принесешь все это сам, потому что... Я говорю серьезно! – тут король слегка возвысил голос. – Эта барышня здесь по очень важному и секретному делу, о ее присутствии никто не должен даже подозревать! Понял? Ну, шевелись! Да поскорее тащи ужин, я голоден!

Лапорт скрылся.

– Прежде всего, – спросил король, подсаживаясь к Беатрисе, – как же вы думаете поступить с мамашей Луизы?

– Да это очень просто, государь! – ответила спрошенная. – Я могу завтра же в середине дня выехать и уже послезавтра, во вторник, буду до вечера в Блуа. В тот же день я увижусь с маркизой, переговорю с ней, укажу ей на опасность дальнейшего промедления. Наверное, маркиза заторопится с выездом, и в среду утром мы двинемся в путь. Тем временем вы, государь, озаботитесь устройством дома для Луизы в Париже. Проезжая через Фонтенебло, я осведомлюсь через какое-нибудь доверенное лицо... ну, скажем, через гер-

цога д'Арка, где именно помещается дом, предназначенный вашим величеством для помещения госпожи де Лавальер. К самой Луизе ни я, ни ее мамаша не зайдем, а проедем прямо в Париж. Туда мы, вероятно, прибудем в четверг вечером. В пятницу, в середине дня, вы, ваше величество прибудете в Париж, переговорите обо всем с маркизой, а затем за Луизой, от имени матери, будет послан экипаж. Луиза придет, ничего не подозревая, и после материнского внушения с восторгом падет в объятия вашего величества!

В тот момент в дверь тихо постучали, и в комнату вошел Лапорт с накрытым столиком. Старик поставил стол, ушел и вернулся обратно с подносом, содержимое которого он поставил на стол. Затем, буркнув: «Готово, государь!», он окончательно скрылся.

– Ваша мысль мне очень нравится, – сказал король, подсаживаясь к столику и жестом приглашая Беатрису занять место против него. – Конечно, я предпочел бы, чтобы все это случилось завтра же, ну, да как-нибудь доживу уж до пятницы! Так, так... Значит, завтра вы едете за моим счастьем? Ну что же, оно в хороших руках. Только вот что еще: в безопасности ли будет Луиза в ваше отсутствие? И что надо будет предпринять для этого?

– Гм... Это зависит... Скажите, государь, весть об исходе ужина у герцога могла дойти до Фонтенебло?

– Нет, потому что оттуда со мной вернулся только один Сент-Эньян, а ему приказано хранить строгое молчание, ко-

тогого он не нарушит. Остальные же сидят в Пале-Рояле, окруженные кордоном конных стражников. Вы видите, я вспомнил ваш совет и исполнил его! Но я совершенно не знаю, как мне поступать дальше. Не держать же мне до скончания века брата и его гостей под арестом во дворце? И как мне наказать эту дерзкую компанию? Ну, брата и его супругу я вышлю из Парижа...

– Боже сохрани, ваше величество, от такой непоправимой ошибки! – с ужасом воскликнула Беата. – У ее высочества найдутся очень много поклонников, которые согласятся за одну ее улыбку рискнуть жизнью и отправить Луизу де Лавальер к праотцам! Нет, государь, если позволено мне будет высказать свое мнение...

– Но я только и жду его, черт возьми! До сих пор для меня ничего, кроме хорошего, не вышло оттого, что я следовал вашим советам!

– Благодарю, ваше величество, и в таком случае продолжаю. Самое лучшее будет сейчас же послать кого-нибудь в Париж с запиской к его высочеству и с приказом отставить стражу. Содержание записки, если позволите, я продиктую вашему величеству. Да чего же лучше! Вот там на столе я вижу очинённые перья, и там можно будет не только написать письмо, но и узаконить моих предков!

Король улыбнулся настойчивости девушки и молча перешел к письменному столу.

– Ну, давайте уж ваших предков! – сказал он, беря в руки

перо.

Беатриса с сильно бьющимся сердцем подала ему пергамент, и ее мечты наконец-то облеклись в плоть и кровь: на пергаменте четко утвердилась королевская подпись и заалела ярким пятном королевская печать!

– Ну а теперь диктуйте! – не переставая улыбаться, командовал Людовик.

– Прежде всего необходимые пояснения, государь! – сказала Беатриса. – По существу заговорщиков, конечно, следовало бы наказать, но ведь в конце концов важнее всего безопасность самой Луизы. Да и раз планы заговорщиков потерпели крушение, то пусть преступников простит Бог. Я говорю это к тому, что во главе заговорщиков стоят такие важные лица, которых было бы неудобно наказывать вполне по заслугам, ну, а лиц, только подчинившихся их воле и менее сановных, нельзя наказывать слабее, чем коноводов. Поэтому достаточно будет им только пригрозить, и тогда, боясь наказания, они не только сами ничего не предпримут, но и других удержат. Вот моя мысль. Так, если благоугодно вашему величеству, соблаговолите писать!

И девушка продиктовала королю следующее:

«Я знаю все! Ваше преступление заслуживает кровавой расплаты. Но я не хочу проливать родную мне кровь и не могу наказывать других, менее виновных, сильнее главных зачинщиков. К тому же Господь по великому милосердию Своему отвел вашу преступную руку, и да почиет милость

Его и на вас также!

Возвращайтесь обратно. Я постараюсь побороть в своем сердце отвращение при виде тех, кто мог презреть все божеские и человеческие законы, и ничем больше не помяну прошлого. Да будет оно забыто!

Но я не могу и не хочу распространять свою снисходительность на будущее. Это – последняя капля моего терпения. И я объявляю всем вам свою непреклонную волю:

Если с головы Луизы де Лавальер упадет хоть один волосок, если будет произведено хоть малейшее покушение – кем бы то ни было, хотя бы лицом, совершенно к вам непричастным! – на ее жизнь, здоровье или безопасность, то герцог и герцогиня Орлеанские будут высланы на безвыездное житье в один из провинциальных замков под надзор специального коменданта, графиня де Суассон окончит дни свои в Бастилии, а граф де Гиш и маркиз де Вард будут публично и позорно казнены на Гревской площади рукой палача.

Эта моя воля непреклонна, это мое решение ни при каких обстоятельствах ни малейшему изменению не подлежит. Я сказал!»

Людовик дописал последнее слово, подписался и, с немым изумленьем посмотрев на скромно стоявшую Беатрису, сказал:

– Но вы чертовски умны, милая барышня! Да вы ведь превосходнейшим образом выводите меня из самого запутанного положения! Я, право, не знаю, что бы я делал без вас! Нет,

одними предками я не расквитаюсь с вами. И, если вы так богаты, что не хотите от меня иной награды, то это не помещает мне наградить вас иным путем! Ну да об этом потом. А теперь пойдем кончать нашу трапезу. И вы непременно должны рассказать мне, как вы устроили всю эту хитрую механику и овладели всеми тайнами заговорщиков!

– Но, ваше величество, – ответила Беатриса, снова занимая свое место против короля, – все это так просто, что я боюсь, что вы будете разочарованы!

Вслед за тем она кратко, но обстоятельно посвятила Людовика в историю, которая уже известна читателям по предыдущему.

– Да, не скрою, случай был особенно благосклонен к вам, – сказал король по окончании рассказа. – Но ведь и то сказать – кому хоть раз в жизни не представляется счастливый случай? Только все дело в том, что один человек умеет использовать благоприятный момент, а другой – упускает его и потом уже не встречает второго такого же. Но все-таки мне еще не все ясно. Почему же вы с первого дня не сказали мне всего? Мы написали бы точно такое же письмо, и дело обошлось бы без риска!

– Как знать, государь? – возразила Беатриса. – Прежде всего ведь моей конечной целью было дать вам и Луизе полное счастье, а себе – предков. Между тем не встречая иных препятствий, кроме целомудренного упорства Лавальер, вы могли бы утомиться ее сопротивлением, государь. То, что

вам готовили в виде хитрой ловушки их высочества, могло бы случиться само собой. Тогда Луиза, потеряв ваши симпатии, осталась бы беззащитной, с нею все равно свели бы счеты, вы, ваше величество попали бы в расчетливые объятия какой-нибудь лживой и коварной красавицы, а я так и осталась бы ни с чем. Это – одно. А другое: чем бы вы объяснили свое предупреждение, государь, если бы у вас не было никаких доказательств? Ее высочество хитра, она сумела бы убедить ваше величество рядом ловко подтасованных фактов, что я – или лгунья, или хитрая обманщица. Да и я часто слышала, что замысел, разрушенный вначале, не производит такого потрясающего действия, как, если все идет сначала, по-видимому, превосходно, и вдруг все рушится в тот момент, когда, казалось бы, стоит только руку протянуть и сорвать взлелеянный плод. Вот почему я предпочла, чтобы по наружному виду план герцогини протекал без помех. Подумать только! Такой сложный, хитрый, искусно задуманный план! Сколько трудов, работы, стараний ушло на его осуществление! И вдруг, когда все обещало успех, план провалился? Это так паразит герцогиню, что на время она отвлечется от планов мести, а там, дальше, она вообще охладет и забудет... Но вот существует одна особа, которая внушает мне большие опасения. Это – графиня де Суассон. Прекрасная Олимпия неукротима в злобе. Пожалуй, никакие угрозы, ни даже боязнь подвести всех остальных под гнев вашего величества не остановят ее. Поэтому я желала бы, чтобы

эта особа чем-нибудь вывела ваше величество из себя, чтобы ее можно было под другим предлогом подвергнуть высылке под надзор.

– О, за этим дело не станет! – весело воскликнул король. – Олимпия Манчини действительно неукротима, и только из уважения к прошлому я щадил ее до сих пор. Но вызвать ее на какую-нибудь выходку – пустое дело, и могу почти с уверенностью сказать, что, вернувшись из поездки в Блуа, вы не застанете при дворе графини де Суассон! Ну-с, а теперь мы, пожалуй, действительно обо всем переговорили, и, так как час поздний, нам обоим, я думаю, не худо будет посоветоваться каждому со своей подушкой! А? Вы, кажется, того же мнения, по крайней мере, ваши быстрые глазки делаются все туманнее. Ну, не буду задерживать вас! До свидания, милая мадемуазель... Впрочем, извините... – король взял из рук Беатрисы ее свежеиспеченную родословную и с пафосом прочел: – До свидания, высокочтимая девица де Конта, ви-контесса де Перигор де ла Грэ дю Бонтаржи!

XXI

– Милый Ренэ, – сказала Беатриса, когда (это было на следующее утро после получения ею узаконенной родословной) герцог д'Арк явился к ней, вызванный ее запиской, – я должна уехать по личному делу на несколько дней и хотела попросить вас, чтобы вы посторожили без меня мою Луизу. Я очень опасаюсь, что в это время на нее будут произведены покушения, а д'Артиньи легко теряется и ненаходчива.

– Приказывайте, Беата! – коротко ответил Ренэ. – Я готов все сделать для вас, но, боюсь, что моя помощь в этом отношении не будет очень существенной. Служба у короля занимает все-таки достаточно времени...

– Да нет, Ренэ, я конечно и в мыслях не имела требовать от вас, чтобы вы стояли на часах у дверей Лавальер! – перебила его молодая девушка. – Единственное, чего я прошу у вас, это – чтобы вы время от времени проверяли, находится ли прислуга на своих местах, а если вечером или ночью вздумаете спуститься в парк и прогуляться, то пройдитеесь также около окон Луизы и понаблюдайте, не крадется ли кто-нибудь туда. Конечно, легко может случиться, что что-нибудь произойдет именно тогда, когда вас не будет поблизости, но, я думаю, если вы будете проверять прислугу, то она подтянется и уже не пропустит ничего подозрительного.

– Это я обещаю вам. Беата, – произнес Ренэ. – Так вы,

значит, едете? Когда?

– Сегодня.

– А... надолго?

– Дней на пять, на шесть.

– Вот как? – в голосе Ренэ послышалась нотка огорчения. – Мне будет очень не хватать вас, Беата, – тихо прибавил он. – Я привык к вам в это время и сам не ожидал, что весть о разлуке причинит мне такую боль!

– Вот как? – с нервным смешком воскликнула Беата. – Друг мой, вы неосторожны! Вы способны внушить мне, что вы... что я... Впрочем, о чем тут говорить! Ведь у меня нет предков, а значит...

– Беата, к чему действительно говорить о том, что невозможно! – с глухой болью произнес Ренэ.

– Ну, к чему всегда говорить только о возможном!? – возразила девушка. – Отчего иной раз и не помечтать? Я любила в детстве сказки, люблю их и теперь... Мало того – верю, что и теперь порой сказка становится действительностью.

– О, если бы сказки осуществлялись и теперь! – скорее простонал, чем выговорил Ренэ. – О, если бы...

– Что было бы тогда? – чуть дрожавшим голосом спросила Беатриса.

– Не все ли равно, раз это «если бы» так и останется пустым «если»?

– Но я хотела бы знать, Ренэ! Я уже сказала вам: я до сих пор люблю сказки! Ну, так что же было бы тогда?

– Не мучьте меня, Беата! – простонал Ренэ. – Для вас – все шутки и смешки, а между тем я так страдаю!

Видит Бог, если бы я смел распоряжаться своей судьбой, если бы над моей жизнью не тяготели заветы дома герцогов д'Арк... Порой я дохожу до безумия, готов стать изменником родовым традициям. О, к чему судьба была так жестока ко мне? К чему она послала мне... Но нет, я не смею даже говорить об этом...

– Ну не смеее, так и не будем говорить, – с деланной небрежностью произнесла Беатриса. – Кстати, там, на бюро лежит интересный документ. Загляните-ка в него, милый Ренэ!

Герцог равнодушно подошел к бюро, машинально взял лежавший там сверток пергамента, развернул его, мельком заглянул. Вдруг он вздрогнул, словно от испуга. Как бы не веря своим глазам, он приблизил пергамент к самому своему лицу, лихорадочно перелистал, опять заглянул на надпись первого листа.

Беатриса, искоса наблюдавшая, видела, как волновался юноша. Вдруг он положил пергамент обратно на место, размеренным шагом вышел на середину комнаты, опустился на одно колено и торжественным голосом произнес:

– Высокочтимая и уважаемая девица де Конта, виконтесса де Перигор де ла Грэ дю Бонтаржи! Прошу и умоляю вас разрешить мне смиренно просить вашей руки, дабы вы могли осчастливить меня честью разделить мое имя, состояние

и жизнь!

У Беатрисы предательски задрожали губы, когда, встав и приняв подобающую случаю позу, она не менее торжественным тоном начала:

– Высокородный и достопочтенный господин мой, Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк! Осчастливленная вашим лестным искательством, я... – но тут деланная напыщенность изменила девушке; она, к величайшему изумлению Ренэ, громко, звонко, весело расхохоталась и, в один прыжок очутившись около юноши, обвила его шею своими руками и, словно задыхаясь от счастья, произнесла: – Ренэ мой! Мой Ренэ!

Больше она не могла проговорить ни слова. Вся дрожа от затаенной, долго сдерживаемой страсти, она прижалась к Ренэ и приникла девственно нетронутыми устами к его лицу.

Ренэ даже руками развел от изумления и негодования! Как это возможно, чтобы какой-нибудь из герцогов д'Арк целовался со своей невестой в самый момент торжественного сватовства? Но что скажет ряд благородных предков, взирающих на них в этот момент с райских высот? (Иначе, как в раю, ни один из герцогов д'Арк по своему высокому положению не мог, конечно, быть.) Не перевернутся ли их кости в массивных каменных гробницах?

Но жизнь победила смерть! Трепещущее, полное жизни и огня тело Беатрисы, плотно прижавшееся к Ренэ, заставило его забыть о пожелтевших прадедовских скелетах. И, страст-

но прижав к себе любимую девушку вновь сомкнувшимися руками, Ренэ принялся осыпать поцелуями ее шею, глаза, щеки и губы.

Тут случилось что-то донельзя странное, необыкновенное, выходящее за грани умопостижимого! Безвольно и бессильно поникнув в мощных объятиях юноши, Беатриса вдруг заплакала!

Ренэ смущенно и осторожно подвел девушку к креслу и бережно усадил плачущую. Он знал ее смеющуюся, знал иронизирующую, подсмеивающуюся, поддразнивающую, знал разгневанную, мечущую грома и молнии, но... плачущую! Нет, никогда не мог представить себе юный герцог д'Арк, чтобы эта веселая, насмешливая девушка была способна плакать, да еще от страсти и счастья!

XXII

Ровно и тихо потекли для Луизы де Лавальер дни после возвращения короля с пиршества у герцога Орлеанского.

Предыдущая неделя была беспокойна и тревожна. Король навещался к своей подруге лишь урывками и в краткие минуты свидания, как мы уже знаем, бывал так буен и настойчив, что Луизе казалось – вот-вот Людовик нарушит все свои клятвы и насилием сломит ее стыдливое сопротивление.

Но с новой недели все пошло по-новому. Король проводил у Луизы целые дни, был ласков, нежен и очень тих. Он с большим удовольствием слушал ее чтение пасторальных стихотворений и охотно поддерживал разговор на любимые ею темы – о превосходстве дружбы над любовью, добродетели над пороком, умеренности над роскошью и сельской жизни над жизнью в городе. Правда, по временам Луизе казалось, что король исподтишка посмеивается над нею, потому что порой в его глазах вспыхивали какие-то подозрительные огоньки. Но особенно этим вопросом она не задавалась. Ах, она была так счастлива, что в сердце ее обожаемого короля улеглись все бури и воцарилось благодетельное спокойствие!

Только однажды это спокойствие было нарушено бурной вспышкой Людовика. Но как быстро и легко улеглась эта вспышка!

Случилось это так. В среду, после того как все Фонтене-

бло облетела сенсационная весть о стычке, происшедшей у короля с графиней де Суассон, и о ссылке графини на безвыездное житье в ее имениях под надзором. Как следствие этой стычки, Луиза была ошеломлена новым сенсационным происшествием: лакей неожиданно доложил ей, что его высочество, герцог Филипп Орлеанский и его сиятельство граф Арман де Гиш желают иметь честь приветствовать высокочтимую госпожу де Лавальер.

Только опыт, уже приобретенный временем пребывания при дворе, и воспитание помогли Луизе кое-как побороть свое испуганное изумление и растерянность. Она немедленно поспешила навстречу герцогу и его спутнику и в очень изящных выражениях высказала свою радость от оказанной ей чести.

Но Филипп и Гиш никак не хотели согласиться, что их посещение делает честь Луизе. По их словам, наоборот, – величайшая честь для них обоих, что прекраснейшая женщина Франции, истинная звезда Фонтенебло, удостоила принять их обоих!

Вообще весь визит прошел в какой-то дуэли, где вместо шпаг скрещивались улыбки и утонченные комплименты. И – странное дело! – хотя ни та ни другая сторона ни на минуту не собирались принять за чистую монету все эти любезности, обе они расстались не только примиренными, но и в значительной степени обвороженными друг другом. По крайней мере, Филипп, выходя от Луизы, сказал Гишу, что Лавальер

гораздо лучше, чем можно было думать, что она бесспорно очень умна и красива, а Гиш заверил герцога, что теперь он от души рад провалу всех их планов гибели королевской подруги. А Луиза вскользь заметила Полине д'Артиньи, что герцог Филипп, хотя и недалек, но по-видимому очень добродушный человек, да и Гиш лучше, чем она думала.

Пред уходом Филипп, попеняв Луизе, что ее вовсе не видеть на интимных вечерах у герцогской четы, взял с нее слово, что она непременно будет у них сегодня, когда опять соберется кое-кто запросто. Луиза не знала, на что решиться, но король, пришедший вскоре после ухода визитеров и ничего не знавший о намерении Филиппа явиться с поклоном к Лавальер, был очень тронут покаянием брата и горячо поддержал его просьбу.

Вот на вечере и произошла вспышка, о которой мы упоминали выше. Для короля Генриетта и Филипп устроили особый карточный стол, и Людовик со страстью сел испытывать благоволение богини Фортуны. Необходимо прибавить, что король признавал лишь такую высокую игру, что сам герцог Орлеанский не всегда решался быть его партнером, так как при недостатке счастья тут можно было очень крупно пострадать. Поэтому для королевской игры в партнеры приходилось избирать самых крупных крезов придворной аристократии.

В этот вечер королю не везло, и это начало раздражать его. О деньгах он не жалел – вся казна Франции была к его

услугам, но его сердило, что, несмотря на все его игрецкие выверты и кунштютки, все обращалось против него. Самый разумный ход волей случая обращался ему во вред, самая грубая ошибка партнера превращалась для того Фортуной в способ сорвать крупный куш!

Мало-помалу на других столах бросили игру, и вокруг королевского стола собралась довольно большая толпа зрителей. Людовик волновался все больше и больше, с его уст срывались все более резкие замечания, и Филиппу, которому в этот вечер особенно везло, доставалось каждую секунду. Но герцог не обижался – он был счастлив: ведь в этот вечер он блестяще поправил свои дела!

Луиза никогда не любила карточной игры, и интерес, проявленный всем обществом к несчастью Людовика, не коснулся ее. Поэтому, походив по комнатам, она присела за соседним столом, покинутым игроками, и призадумалась.

Это заметил Гиш, который ради поправления своего кредита при короле считал теперь своей неременной обязанностью оказывать Луизе всякие знаки внимания. Он сейчас же подсел к девушке и стал развлекать ее веселым разговором.

Это заметил Людовик. Не раз он отвлекался от игры, чтобы злым взглядом скользнуть по разговаривающей парочке. Наконец он не выдержал. Схватив первую попавшуюся карту – ею оказалась двойка бубен, – он написал на ней что-то свинцовым карандашом и резким движением бросил карту на стол перед Луизой.

Лавальер взяла карту и прочла:

«Вы себя безобразно держите! Что за манера предаваться бесцеремонному кокетству на глазах у всех? Хоть бы догадались удалиться со своим рыцарем в укромный уголок. Черт знает что такое!»

Луиза мягко улыбнулась, провела своей белой тонкой рукой по лбу, а затем, в приливе вдохновения, разыскала в лежавшей перед ней колоде карт двойку червей и написала на ней:

«Pour m'ecrire avec plus de douceur,
Il fallalt choisir un deux de coeur.
Les carreaux ne sont falts, ce me semble,
Que pour servir Jupiter en courroux.
Mais deux coeurs vraiment unis ensemble,
Peuvent ils rien s'annoncer que de doux». ¹⁴

Записав это, Луиза встала и с очаровательно-ясной улыбкой положила карту перед королем.

Взор Людовика прояснился; он благодарно кивнул Луизе головой, а через несколько минут прекратил игру совсем,

¹⁴ «Чтобы написать мне более нежно, следовало выбрать двойку червей. Бубны, как мне кажется, сотворены лишь для того, чтобы служить Юпитеру во гневе. Но что, кроме самого нежного, могут возвестить друг другу два сердца действительно соединенные вместе?» Прелестная игра слов этого стихотворения станет ясной, если мы прибавим, что по-французски «каро» значит и масть «бубны», и (в сочетании с именем Юпитера) громовые стрелы, посылаемые в гневе «отцом, богов», а «кёр» значит и масть «черви», и сердце.

заявив, что ему не может везти сегодня и потому бесцельно испытывать долее капризную богиню счастья.

На следующий день Людовик явился к Луизе, и первыми его словами были:

– Ты дала мне хороший урок, моя обожаемая! А чтобы мне не забыть его, я велел положить твои грациозные стихи на музыку. Слушай! – и, взяв лютню, он пропел стихи Луизы.

В этот день король вообще был необычайно нежен и тих. Но пробыл он у Луизы недолго. Как он сообщил, ему необходимо было отправиться сегодня в Париж по важному делу. Но он выразил при этом уверенность, что они очень скоро свидятся опять.

XXIII

В пятницу Луиза с утра очень нервничала и грустила. И вдруг ей подали письмо, в котором маркиза де Сен-Реми извещала, что она прибыла в Париж и желает видеть свою дочь, поэтому пусть Луиза сейчас же приезжает в высланном за ней экипаже.

То-то была радость для Луизы! Сразу слетела с нее грусть, мигом обсохли слезы. Поспешно переодевшись, она села в карету и помчалась по направлению к Парижу.

Луиза была так поглощена радостью предстоявшего свидания, что совершенно не обратила внимания на некоторые странности своего путешествия. Повсюду были выставлены подставы, все делалось, чтобы ускорить проезд. Как могла маркиза де Сен-Реми, стеснённая в средствах, обеспечить дочери так дорого стоившую роскошь?

Однако Луиза даже не задумывалась над этим. Она увидит мать, свою милую, обожаемую мать! Только это и наполнило ее душу.

Но вот показались предместья Парижа, вот карета покадилась по улицам города. Кое-где уже зажигались огни, повсюду виднелись большие толпы народа, вышедшего подышать вечерней прохладой.

Луиза ни на что не смотрела, ни о чем, кроме своего свидания с матерью, не думала. Ах, ведь скоро уже, скоро!

Наконец карета, покрутившись по улицам, остановилась перед большим и нарядным домом.

«Как, неужели здесь? – с недоумением подумала девушка. – Да у кого же могла остановиться мама? Или у нас в Париже имеются богатые родственники, о существовании которых я даже не знала?»

Но ей некогда было отдалиться своему недоумению, ливрейный лакей почтительно распахнул дверку кареты и помог девушке выйти. Величественный швейцар распахнул входную дверь, и наверху роскошной мраморной лестницы Луиза увидела мать. Взвизгнув от радости, она стрелой взбежала по лестнице и чрез секунду смеясь и плача повисла на шее у матери.

Маркиза ласково обняла дочь и повела ее в комнаты. Там, усадив девушку на стул, она долгим, любовным взглядом окинула ее свежую, стройную фигуру.

– Так ты не забыла меня, все еще любишь хоть немножечко? – произнесла Луиза после первых ласк.

– Разве мать может забыть дочь? – ответила маркиза. – Но вот ты, милая Луиза, по-видимому, и разлюбила свою мать, и забыла о ее существовании!

– О мама! – с нежным укором воскликнула девушка.

– Да, да, милая Луиза, – серьезно и настойчиво повторила мать, – к сожалению, дурные слухи, о которых я тебе писала и которым вначале не верила, оказались совершенно справедливыми. Могла ли я ожидать это от тебя! Так, значит, все-

милостивейший король действительно обратил на тебя свое внимание?

– Но, мама, выслушай же меня! – волнуясь и чуть не плача, перебила ее Луиза. – Клянусь тебе, ведь между нами ничего нет!

– Ничего нет! – с негодованием повторила Сен-Реми. – Да ведь именно об этом-то я и говорю! Именно это-то и заставило меня приехать сюда! Ничего нет! И она говорит это так, как будто это – невесть какая заслуга!

– Мама, я ничего не понимаю! – со страхом произнесла Луиза.

– Этому я верю! – отрезала маркиза. – Все-таки я верю в твое доброе сердце и готова допустить, что ты наделала ошибок лишь по наивности.

– Но, мама! Каких ошибок?

– И ты еще спрашиваешь! Да что ты и в самом деле вчера родилась? Неужели даже все это время, проведенное при дворе, ровно ничему не научило тебя? Скажи мне, пожалуйста, король был так милостив, что обратил на тебя внимание?

– Да-а...

– Он сказал, что любит тебя?

– Да, но...

– Он добивался полной взаимности с твоей стороны? Да? Ну а ты?

– Но я конечно... Честь имени... наша семья... Разве ты пережила бы? Мне было очень трудно бороться... Я сама

глубоко полюбила Людовика...

Тут Луиза окончательно запуталась: она чувствовала, что все выходит вовсе не так, как, по ее мнению, было нужно. Вот она защищается, а как будто выходит так, что ее защита – обвинение...

– Слава богу, что добрые люди приняли в тебе участие и своевременно известили меня! – с отчаянием воскликнула маркиза. – Что могло бы произойти, если бы я продолжала оставаться в блаженном неведении? Ну я вижу, ты несколько не поумнела в Париже. Ведь ты до сих пор еще не понимаешь... Нет, как это вам нравится! Она не понимает! – Маркиза в ужасе вскинула руки и посмотрела на дочь таким разгневанным взором, что Луиза еще глубже опустилась в самую бездну страха и ужаса. – Ну так выслушай теперь меня! – грозно продолжала маркиза. – Знаешь ли ты, что могло произойти, что чуть-чуть не произошло? Там, у нас, к маркизу стали придирааться, и не далее, как на этих днях, ему было предложено сдать должность. Позор и разорение! А здесь королю чуть не подсунули красивую девчонку, и, если бы расчет врагов удался, он выкинул бы тебя из головы. Да как ты не понимаешь, что твоя жеманность глупа, бессмысленна и вредна! О каком позоре ты говоришь? Какое положение может быть выше положения любимой королем женщины? Что выше счастья быть любимой самим королем, да еще каким – молодым, пылким, красивым? И вот, имея возможность дать себе самой высшее счастье, а в то же время дать сча-

стью своему государю, что является первейшим долгом всякого верноподданного, ты строишь из себя какую-то монашку. Мало того, ты могла обеспечить мне с твоим отчимом спокойную и довольную старость, своей сестре – выгодную партию, своему брату – блестящую карьеру! И всем этим ты поступаешь так себе, из пустого, глупого жеманства? Нет, Луиза, я тебя просто не понимаю! А главное – упорствуя в своей глупости, ты еще имеешь дерзость ссылаться на меня, будто это я внушила тебе такие идиотские правила! Это я-то, которая только и думает, что о семье, которая всю жизнь работала, не покладая рук ради своих детей! О!

– Но, мама... если бы я могла знать... – растерянно пробормотала Луиза, окончательно ничего не понимая.

– Ну а так как теперь ты знаешь... – произнесла энергичная дама и, взяв Луизу за руку, кратко и решительноскомандовала: – Идем!

Она повела растерянную, взволнованную Луизу через анфиладу комнат.

Но что это? С дивана в одной из комнат встал и двинулся навстречу им сам король Людовик!

Словно в тумане услышала Луиза, как мать почтительно проговорила:

– Вот, ваше величество! Я сделала этой глупышке надлежащее внушение!

Затем, почтительно пятясь назад, маркиза скрылась, предусмотрительно прикрыв за собой дверь.

Трепещущая, неподвижная стояла посредине комнаты Луиза.

Людовик подошел к ней, привлек взволнованную девушку к себе, и его голос, словно откуда-то издали, прочувствованным шепотом влился в ее душу:

– О, моя Луиза! Я сделаю тебя счастливой! Ты не раскаешься, поверь мне!

В страхе и нежной истоме Луиза закрыла глаза. Со счастливой покорностью отдалась она ласкам Людовика.

Так кончилась пастушеская идиллия короля Людовика, так завершился этот глупый и странный для нравов того времени водевиль!

Эпилог

Перо уже готово было выписать столь приятное сердцу каждого автора слово «конец», как вдруг пришли новые соображения, заставившие отложить это благое намерение на несколько страничек.

А вдруг читатели не примирятся с тем, что дальнейшая судьба главных персонажей, выведенных в романе, останется им неизвестной? Вдруг они взглянут на дело так, что превращение Лавальер из «пастушки» в самую обыкновенную королевскую фаворитку отнюдь не помешает им узнать, что случилось с Христиной де ла Тур де Пен после скандала в Лебединой беседке и как жилось пронырливой Беатрисе Перигор в роли герцогини д'Арк?

Предполагая возможность этого, хочу теперь хоть, в нескольких словах заполнить этот пробел.

* * *

Филиберт Клери и Христина де ла Тур де Пен, позорно изгнанные из Фонтенебло, отправились в Париж, чтобы там обдумать дальнейшее. Но, как они ни думали, выбора у них не было. Во Франции им нельзя было оставаться, а для далекого путешествия у них не было средств. И в конце концов

они решили отправиться в Англию, чтобы попытаться счастья при тамошнем дворе.

Так они и сделали. Повенчались в Париже, все, что только можно было, реализовали в наличные деньги и в ближайшие дни уже дожидались в Кале отплытия судна в Дувр.

С этим же судном, направляясь в Лондон, ехал важный турок. Это был посланник, имевший тайное дипломатическое поручение к королям Франции и Англии.

Турок держался важно и совершенно неприступно, но наружность Христины, по-видимому, произвела на него неотразимое впечатление. Кончилось тем, что, когда, после десятидневного пребывания в Лондоне, он уехал восвояси, исчезла также и Христина. Филиберт с горя поступил в английскую армию, англизировался, женился на англичанке из богатой среднедворянской провинциальной семьи и умер в возрасте восьмидесяти семи лет, оставив после себя восемнадцать детей.

Много короче и несравненно бурнее было дальнейшее существование Христины.

Из Лондона она отправилась со своим турком морем. Но турок, как и следовало ожидать, отнюдь не привык сносить женские капризы и уже на третий день путешествия за первую же попытку покапризничать исправно отхлестал свою возлюбленную собачьим арапником. Христина молча снесла наказание и с того времени стала держать себя тише воды ниже травы. Но, когда, после недолгой стоянки в

Кадиксе, судно двинулось далее, турок нигде не мог найти француженку. Христина исчезла, а вместе с ней у турка исчезли значительная сумма денег и много драгоценностей.

Сбежав в Кадиксе, Христина направилась в Мадрид. Несколько лет она играла там роль знатной дамы, под шумок всеми средствами приумножая состояние. Но счастье не благоволило ей. Неосторожно приняв участие в какой-то политической интриге, Христина в 1666 году должна была бежать, еле-еле успев захватить с собой хоть что-нибудь из драгоценностей и денег.

Она перекочевала в герцогство Тосканское, а через два года переселилась в Венецию. Она уже начинала уставать от этой скитальческой жизни, да и годы уходили, унося молодость и красоту, но не принося взамен обеспечения на старость. И вот наконец счастье как будто улыбнулось Христине: ею бесконечно пленился богатый кандиот, прибывший по делам в Венецию. Он приехал на месяц, а пробыл в Венеции около года, сгорая от страсти и не решаясь объяснить в любви женщине, вечно окруженной цветом венецианской аристократии. Наконец влюбленный кандиот пустился на последнее средство: он почтительнейше попросил у Христины ее руки и вскоре увез ее к себе в Кандию, в качестве законной жены.

Прошло полгода в безоблачном счастье. Христина успела в это время глубоко полюбить мужа, и прежняя жизнь распутной и хищной куртизанки начала казаться ей лишь тя-

желым сном. Вдруг вспыхнула война с Турцией; Кандия была взята, разграблена, усеяна трупами и пожарищами. Муж Христины пал, замученный турками, а ее самое отвезли в Константинополь, чтобы продать там на невольничьем рынке. И вот, когда Христина стояла на площади в толпе других невольниц, ожидая покупателей, перед ней неожиданно остановился тот самый посол, которого она ограбила и покинула девять лет тому назад в Кадиксе.

Турок сейчас же купил Христину и у себя во дворце предал ее позорному и долгому мучительству. Затем полуживую Христину посадили в мешок с полудюжиной голодных кошек и бросили в воды Босфора. Плотный, просторный мешок потонул не сразу, и в течение нескольких минут турок, стоя на мраморной террасе своего дворца, мог наслаждаться стонами Христины и рычаньем кошек, которые, чувствуя, как их мало-помалу заливает вода, пытались когтями проложить себе путь к спасению через обнаженное тело Христины. Но вот мешок окончательно скрылся под водой, и вместе с тем кончилась многогрешная и бурная жизнь Христины де ла Тур де Пен!

* * *

Свадьба Беатрисы де Перигор и Ренэ д'Арка состоялась приблизительно через месяц после переезда Луизы де Лавальер в предназначенный ей королем дом в Париже.

На свадьбе присутствовало очень немного лиц, но зато среди них был сам король Людовик, да и брачный пир происходил во дворце Лавальер в его присутствии.

Между прочим, он сделал молодым истинно царский подарок, а именно: пожаловал Беатрисе ценную бриллиантовую герцогскую диадему, а Ренэ – значительную сумму денег на восстановление Бретвиля в былом блеске. Этим подарком король выказал необыкновенное внимание и такт: теперь уже никто не мог бы сказать герцогу, что он позолотил свой герб на приданое жены.

Совершив свадебное путешествие в родные места и распорядившись в Бретвиле всеми необходимыми работами, молодая чета вернулась в Париж. Ренэ с удовольствием остался бы в Бретвиле, чтобы лично понаблюдать за ремонтом дорогого его сердцу замка, да и Беата уезжала из Тарба с тяжелым сердцем: ее отец был очень плох, и юная герцогиня боялась, что старик отойдет в вечность без нее. Но ничего было поделать. Король высказал непрременное желание, чтобы Беатриса продолжала быть подругой и охранительницей Луизы де Лавальер, а молодая парочка чувствовала себя слишком обязанной Людовику, чтобы уклониться от исполнения его воли.

Таким образом супруги д'Арк вернулись в Париж.

Вскоре началась богатая праздной сутолокой придворная жизнь осеннего и зимнего сезона, и Ренэ с Беатрисой едва-едва удавалось урвать какой-нибудь часочек в неделю,

чтобы провести его с глаза на глаз у себя, в своем уютном гнездышке. Зато когда это удавалось, они оба бывали в восторге, и любимой темой их разговоров служила мечта о жизни в Бретвиле, где уже никто и ничто не смогло бы мешать им любить друг друга. Но отъезд от двора на родину пока был именно мечтой, о которой можно только грезить.

Так шло время. И вдруг оправдалась поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Однажды у короля был интимный ужин, на который собралось несколько ближайших придворных, в том числе герцог Ренэ и маркиз де Вард, снова вошедший в милость.

На этом ужине король выпил немного больше, чем следовало, а потому и стал болтлив... гораздо больше, чем следовало! И вот ему пришла в голову не особенно умная идея начать хвастать, как несколько времени тому назад он разорвал все хитросплетения врагов Луизы де Лавальер.

Вард и Гиш сейчас же насторожились и употребили все усилия, чтобы заставить короля разоткровенничаться до конца. Но когда все, подстрекаемые ухищрениями Варда и Гиша, стали просить короля сказать имя того ловкого человека, который сумел провести всех за нос и лично остаться в тени, король решительно заявил:

– Нет уж, господа, этого имени я вам не назову! И лучше не ломайте своих голов, потому что вам все равно никогда не догадаться! О, тот, кто помог мне тогда, – хитрейшая каналья на свете! – Тут король ласково улыбнулся, вызвав

в памяти некоторые сцены из его тогдашней конспирации с шустрой Беатрисой Перигор. – Но по наружности этого никогда не подумаешь, потому что истинная хитрость в том и заключается, чтобы до конца суметь разыграть из себя протачка! Ну, довольно об этом! – решительно заявил он. Тут его взгляд упал на молчаливо сидевшего д'Арка, и он обратился к нему: – Что ты так задумчив, мой верный Ренэ? Отведай-ка вот этого паштета из фазанов, ведь это твое любимое кушанье!

Тут Людовик простер свою любезность до того, что встал и сам пододвинул Ренэ блюдо с паштетом.

Когда, после ужина, собутыльники короля разошлись по домам, Вард взял Гиша под руку, увел его в свою комнату и там сказал:

– Арман, заметил ли ты, что король сам подвинул этому выскочке блюдо с паштетом?

– Да, – ответил Гиш, – но это – один из очень частых фактов, с которыми волей-неволей приходится мириться. Герцог д'Арк занял непоколебимо прочное положение, и из королевской милости его уж ничем не вытеснишь! Обидно это для нас, старинной придворной знати, но... что поделаешь?

– И неужели же ты не усмотрел в этом факте ничего, кроме знака особенного королевского благоволения? – воскликнул Вард.

– Я тебя не понимаю! – удивленно возразил Гиш, не могший похвастаться такой острой и холодной наблюдательно-

стью, такой способностью к быстрой оценке положения, как его собеседник. – Ну так скажи, что особенного заметил ты в этом?

Вард помолчал, как бы внося порядок в явившиеся у него мысли, и затем начал размеренным тоном:

– Помнишь тот вечер, когда мы собрались у герцогини Орлеанской, еще не веря, что гроза пронеслась над нами так сравнительно благополучно? Мы были готовы к ссылке, как к лучшему исходу после провала и изобличения нашей за-теи, и вдруг король с непонятным нам капризом всепрощения ограничился лишь суровой отповедью в письме. Помнишь ли ты, о чем мы говорили тогда?

– Конечно, помню, – ответил Гиш. – Сначала мы ломали себе голову над вопросом, каким образом неизвестному хитрецу удалось заманить нас в ту самую яму, которую мы рыли другим. Но затем герцогиня прервала наши споры и догадки, сказав, что сейчас у нас еще нет материала для выяснения этого вопроса, но она во всяком случае требует от всех нас, чтобы мы раз и навсегда оставили теперь Луизу де Лавальер в покое, так как дела все равно не поправишь, а испортить его легко. Олимпия тогда категорически отказалась повиноваться этому приказанию, говоря, что все равно сведет счеты с интриганкой Лавальер, но ее слава богу убрали и запрятали далеко отсюда, так что ее неистовство уже не могло подвести нас. Вот и все!

– Я согласен с тобой; слава богу, что графиню де Суассон

убрали, и я первый облегченно вздохнул, когда узнал о ее стычке с королем и о постигшей ее участи. Связь со злобной итальянкой уже начинала утомлять меня, но как бросить такую женщину, как Олимпия? Тут уж без кинжала и яда не обойдешься! Но это так, между прочим. Я хотел сказать, что ты ошибаешься, говоря «вот и все!». А клятву, данную нами Генриетте, ты забыл?

– Клятву? – удивился Гиш. – Ей-богу, не помню! Я тогда был очень расстроен и легко мог пропустить что-то мимо ушей.

– Ну так слушай! Генриетта взяла с нас слово, что мы не будем продолжать покушения на жизнь, здоровье и безопасность самой Лавальер, но в то же время взяла с нас клятву, что мы употребим все силы к тому, чтобы обнаружить интригана, раскрывшего и парировавшего наш замысел. Цель этого следующая: когда мы откроем интригана, он должен сойти со сцены!

– Да, мне помнится что-то в этом роде! – подтвердил Арман. – Но какое отношение может это иметь к нашему разговору?

– А вот какое. Человек так устроен, что, какой бы силой воли он ни обладал, он не может заставить себя сразу прервать течение своих мыслей. Подтверждение этому ты найдешь в тысяче фактов, а история с паштетом – один из них. Король вспомнил об интригане, помогшем ему разрушить наши планы. Он сам прекратил разговор на эту тему,

но, несомненно, еще продолжал некоторое время думать об этом. И вот он замечает, что герцог задумчив, вспоминает, что тот любит паштет. Почему он не заметил, что Эньян, обыкновенно серьезный и важный, в этот вечер под влиянием излишнего поклонения богу Вакху был чрезвычайно весел? Почему король вспомнил, что герцог д'Арк любит паштет из фазана, но не вспомнил, что ты любишь то самое старое мускатное вино, которого в этот вечер почему-то никому, кроме короля, не подавали? Ведь герцог всегда молчалив, а Эньян был весел только сегодня. А ты несравненно чаще разделяешь королевскую трапезу, чем д'Арк, потому что тебя король ценит выше всех как собутыльника. Почему же произошло все это? Да потому что мысль короля продолжала работать в прежнем направлении; он думал о том, кто тогда помог ему, и обратил внимание на д'Арка. А чрезвычайная любезность, выразившаяся в собственноручном пододвигании блюда, явилась результатом вновь вспыхнувшего чувства благодарности за прошлое!

– Как, ты хочешь сказать... – воскликнул Гиш. – Но это невозможно! Ну подумай сам! Чтобы этот картонный, придурковатый герцог был способен так тонко, так искусно перевести наши нити в свои руки и так гениально обратить наш же удар на нашу же голову? Да никогда!

– Гиш, – серьезно заметил Вард, – вспомни слова короля: «Истинная хитрость в том и заключается, чтобы до конца разыграть из себя простака!»

Гиш задумался, стал припоминать, сопоставлять и в конце концов пришел к тому же заключению, что и Вард: человеком, разрушившим их планы, мог быть только Ренэ! Как уже знает читатель, это был ошибочный вывод, но самый острый ум легко впадает в заблуждение, если начинает ударяться в слишком тонкие и сложные умозаключения!

Таким образом «виновник» был найден. Значит, оставалось выполнить данную некогда клятву.

Конечно, пришлось посоветоваться с Генриеттой.

Герцогиня вся так и загорелась жадой мести! Необходимо заметить, что, будь этим виновником не Ренэ, а кто-нибудь другой, Генриетта, занятая в то время очень сложной политической комбинацией, может быть, и не стала бы настаивать на мести, но у нее с Ренэ были еще особые счета, о которых мы в свое время не упоминали, чтобы не заслонять главного течения рассказа посторонними, более мелкими, эпизодами.

Дело в том, что Генриетта пленилась герцогом еще тогда, когда он в первый раз явился к ней во дворец. Красавица-герцогиня сделала еще одну попытку заставить Ренэ быть любезным, всеми силами давая понять, что ему, такому красивому юноше, ни в чем отказа не будет. Но Ренэ или не понимал, или делал вид, что не понимает, и продолжал придерживаться с Генриеттой холодного, почтительного тона. А такое обращение – в глазах женщины одно из величайших, совершенно непростительных преступлений!

Итак, Генриетта вся загорелась мстостью, и способ заставить герцога смертью заплатить за старый грех был найден. Оставалось только ждать благоприятного случая, чтобы пустить в ход задуманную механику.

Вскоре после этого Беатриса получила прискорбное известие, что ее отец при смерти. Герцогиня сейчас же отправилась в Тарб и успела приехать, чтобы принять последний вздох старика.

Теперь она стала наследницей колоссального состояния и большого доходного дела. Состояние никогда не обременительно, но что было делать герцогине с торговым предприятием, вести которое не позволял ей сан? И вот ей пришлось задержаться в Тарбе, чтобы продать дело.

С практичностью, всегда отличавшей ее, молодая женщина быстро устроила это. Все торговое дело было передано старшему приказчику на льготных условиях и с постепенной выплатой. Таким образом, уже через полтора месяца после отъезда из Парижа Беатриса снова вступила в дом своего мужа.

Но невеселую картину застала она там: Ренэ лежал тяжелобольной, при смерти! Да и то, что он еще не умер, надо было приписать особенно счастливому случаю!

Однажды, когда король обедал, Ренэ, бывшему на дежурстве, подали блюдо с паштетом из фазана, которое, по словам лакея, было переслано самим королем от своего стола.

Ренэ только что плотно поел, но маленький кусочек лако-

мого блюда все-таки отведал. В этот момент пришли звать его к королю.

Конечно, Ренэ первыми делом поблагодарил Людовика за высокую милость, но король удивился и решительно заявил, что ровно ничего не посылал герцогу. Вдруг Ренэ побледнел, упал на пол и стал корчиться в судорогах. Хорошо, что врач оказался поблизости, и сейчас же можно было принять меры! Благодаря этому, а также тому, что желудок герцога был полон и что он отведал самую незначительную порцию паштета, удалось поддержать его жизнь. Но, как заявил врач, исследовавший паштет, яда, которым он был насыщен, хватило бы на то, чтобы отравить чуть ли не сотню людей!

Король, взбешенный таинственным происшествием, приказал нарядить строжайшее следствие, но обнаружить виновников покушения так и не удалось.

Беатриса застала мужа в то время, когда он все еще был между жизнью и смертью. Молодая женщина сама взялась ухаживать на больным, и вскоре он стал заметно поправляться.

Герцогиня твердо решила воспользоваться первым удобным случаем, чтобы отказаться от придворной жизни, ставшей ей и мужу слишком опасной. Новое покушение заставило ее саму создать такой случай. Однажды, после того как врач прислал лекарство, пришел новый посланный и принес вторую бутылочку совершенно такой же по виду микстуры. Посланного задержали, но это оказался настоящий слу-

га доктора, лекарство же в первой склянке по исследованию оказалось страшным ядом.

Опять на ноги были поставлены все следственные власти, и опять виновников покушения не нашли. Беатриса заявила королю, что увезет Ренэ на родину, когда же Людовик из эгоизма воспротивился этому, герцогиня уговорила врача заявить, что ее муж никогда не поправится, иначе как на чистом деревенском воздухе. И вот однажды рано утром, когда Париж еще спал, больного, слабого герцога Ренэ положили на конные носилки и вывезли из Парижа. Через две недели осторожного пути Беатриса наконец вздохнула с облегчением: перед ними были обновленные стены старого Бретвиля!

Конечно, Ренэ с Беатрисой и остались у себя в замке. Через два-три месяца здоровая натура Ренэ восторжествовала, и он совершенно поправился. Он занялся хозяйством, охотой, стал устраивать роскошные приемы. А там Беатриса подарила его сыном и стала исправно из года в год приумножать население замка. Это создало новые радости, новые заботы, новые обязанности. О придворной жизни и некогда было, да и не хотелось вспоминать. И не успели Ренэ и Беатриса оглянуться, как старшему их сыну уже стукнуло шестнадцать лет!

И вот тут-то герцогская чета совершила поступок, который вызвал немало толков во всем округе. Они отправили сына в Париж, но не ко двору, а... в университет! Точно так же все остальные сыновья (а их было всего семь человек) по

достижении шестнадцати лет отправлялись учиться.

Конечно, это не мешало их воспитанию в духе дворянских требований того времени. Все Бретвили отлично владели шпагой, прекрасно танцевали, умели держать себя в обществе. Но ни один из них не был пустым щеголем и вертопрахом. И Ренэ, и Беатриса, каждый в положенный им от Господа Бога час, спокойно закрыли глаза, уверенные, что честь имени как герцогов д'Арков, так и Бретвилей (то есть младших сыновей) находится в надежных руках!

* * *

Необходимо сказать еще о судьбе одной из главных героинь интриги, направленной против Луизы де Лавальер, а именно о Генриетте Английской.

Убедившись, что сердце короля Людовика окончательно отошло от нее, Генриетта как-то сжалась, ушла в себя. Наружно она повела лихорадочную, полную смены и празднеств жизнь, но внимательный наблюдатель мог бы заметить, что шум и пестрота существования не приносили герцогине никакой радости, а служили лишь средством оглушить себя, заставить смолкнуть вопли и стоны израненного сердечка.

Да, Генриетта искренне любила Людовика, и никто и нечто не могли заменить ей утраченную любовь. И видно было, как сжигала шумная, бурная жизнь молодую женщину. Ее глаза, вечно сверкавшие лихорадочным блеском, приня-

ли какое-то жуткое, пустое выражение; белизна лица сменилась прозрачной бледностью; грациозная гибкость стана явно переходила в устрашающую худобу. Герцогиня стала покашливать, ее желудок все чаще и чаще отказывался ей служить. Но, не обращая внимания ни на угрожающе признаки, ни на мольбы ближайших друзей, Генриетта продолжала жечь свое здоровье с обоих концов. Еле-еле оправившись от тяжелого желудочного заболевания, она устраивала шумный пир, на котором ела самые тяжелые кушанья и жадно пила крепкие вина. Если покашливание переходило в упорный, изнурительный кашель, Генриетта устраивала ночную увеселительную прогулку выбирая для этого холодную, сырую ночь и появляясь при этом в самом легком наряде. А если герцог Филипп, скандализированный достаточно нескромным поведением своей супруги, устраивал, ей бурную сцену ревности, то вслед за этим она еще более скандально подчеркивала полную разнузданность своих чувств.

Но всем было видно, до какой степени герцогиня была равнодушна к тем, кого она удостаивала своим вниманием. Гиш был первым, кто помог ей хоть несколько забыться после измены Людовика. Вард оказал ей немало услуг, да и с ним Генриетта тоже пережила краткую страничку поверхностной страсти. Но, когда на жизнь Луизы де Лавальер было произведено новое неудачное покушение и король, не обнаружив виновников, засадил Варда в Бастилию, а Гиша выслал в Голландию, – Генриетта отнеслась к этому так, как

будто никогда и ничто не связывало ее жизни с жизнью обоих молодых людей.

Однако, если бурная, праздная жизнь не давала герцогине Орлеанской ни малейшего удовлетворения, одно помогало ей хоть несколько мириться с душевной пустотой. Это была политика, которой теперь усиленно занялась Генриетта.

Мы уже знаем, что герцогиня с детства проявляла недюжинные дипломатические способности и талант в области политической интриги. Дипломатические хлопоты всегда были ее страстью, а теперь политика оставалась последней нитью, связывавшей молодую женщину с королем. Любовь Людовика она не могла вернуть, но общность интересов и политических планов духовно объединяла их и обеспечивала Генриетте признательность и дружбу короля. И вот она энергично взялась за окончательное упрочение соглашения между Францией и Англией.

После долгих хлопот ей удалось наконец завершить свою работу договором, заключенным ею в Дувре летом 1670 года. Пользуясь своим влиянием на брата Карла, она добилась от Англии существенных уступок и гарантий. В конце июня Генриетта вернулась в Сен-Клу, где в то время жил двор, полная восторга от своей удачи.

И опять начался ряд бесконечных празднеств, в которых герцогиня принимала живейшее участие. Все чаще ее посещали приступы острого и мучительного недомогания, но Генриетта продолжала отмахиваться от советов врачей и

просьб друзей.

Двадцать девятого июня, разгоряченная прогулкой в жаркий день, Генриетта приняла для освежения холодную ванну. Через час у нее поднялись ужасные внутренние боли. Гофмейстерина хотела сейчас же позвать лейб-медика герцогини, мсье Эспри, но Генриетта строжайше запретила это и потребовала, чтобы ей дали стакан цикорной воды.

Едва-едва она отпила глотка два из поданного ей стакана, как вдруг ее лицо позеленело, и несчастная женщина принялась корчиться с душою раздиравшими стонами. Страшно было видеть, как корчило, сводило и трепало все ее худенькое, истощенное, но все еще прекрасное тело!

Кинулись за врачами, дали знать герцогу Филиппу и королю. Но боли, несмотря на старания медиков, не прекращались, и Эспри открыто заявил, что считает положение герцогини безнадежным. В ночь на 30 июня 1670 г. вся королевская семья собралась у постели умирающей. В два часа утра Генриетта тихо отошла в вечность.

Молниеносность заболевания и смертельного исхода не могла не породить толков, и весь двор откровенно твердил, что Генриетта была отравлена.

Называли даже имя ее убийцы, припоминали, что в минуты ревнивой злобы герцог Филипп не раз грозил жене страшной карой.

В то время отравления начали принимать характер открытой эпидемии, и яд служил популярным средством избавить-

ся от неудобного человека, будь то аристократ или простой мещанин, сановник или слуга. Но на членов королевской семьи покушений еще не производилось, поэтому не мудрено, что король Людовик пожелал во что бы то ни стало удостовериться, справедливы ли эти упорные слухи об отравлении Генриетты. Кроме того, расследование было необходимо уже во имя политических интересов страны, так как английский король едва ли потерпел бы, чтобы слухи о насильственной смерти его сестры остались непроверенными. В силу всего этого Людовик приказал произвести вскрытие трупа Генриетты.

На вскрытие был приглашен английский посол лорд Монтэрю, которому было предложено назначить во врачебную комиссию любое количество английских врачей по своему выбору. Вскрытие и исследование внутренностей трупа Генриетты было произведено со всей тщательностью, какую допускало тогдашнее состояние медицинской науки, но, как гласил протокол вскрытия, ни малейших следов отравления врачами обнаружено не было, и причиной смерти была объявлена страшная азиатская болезнь – холера.

Однако толки о насильственной смерти Генриетты все же не прекращались. Правда, с внешней стороны все обошлось благополучно, и король Карл ни в чем не изменил добрым отношениям с Францией. Но лорд Монтэрю, по всей видимости, не был вполне убежден!

Если порассудить, так приходится согласиться, что иссле-

дование трупа Генриетты не может почитаться бесспорным доказательством. Даже теперь, когда наука достигла в этом отношении грандиозных успехов, не всегда удается установить наличие отравы; что же и говорить про те времена, когда медицина еще обреталась в полном младенчестве и когда химия, без которой немыслимо точное исследование, только еще зарождалась? Таким образом, врачи легко могли ошибиться совершенно добросовестно. А ведь не забудем, что установить факт отравления было бы крайне невыгодно для политики короля Людовика. Достаточно было приступить к вскрытию не сразу, а дать трупу немного разложиться, и тогда уже все концы могли быть похоронены!

Таким образом, истинная причина смерти Генриетты осталась тайной. Но во всяком случае едва ли этой причиной была холера. Достаточно указать, что решительно никто из окружавших герцогиню не заболел этой болезнью – явление, довольно странное при заразительности холеры и полном пренебрежении и неведении санитарных и дезинфекционных мер в те времена!

Как бы там ни было, но внешность была соблюдена. Генриетту похоронили с блеском и помпой. Знаменитый проповедник Боссюэт произнес при отпевании одну из речей, уцелевших для потомства в качестве образца классического церковного красноречия. Пламенная, то скорбно-нежная, то громовержущая речь Боссюэта заставила многих плакать и всех потрясла. Генриетта была бы довольна, если бы мог-

ла слышать слова проповедника. Но еще более была бы она довольна, если бы могла из своего последнего земного пристанища услышать песенку, которую распевали в то время по всему Парижу:

«On dit que la Vallère
S'en va sûr son déclin;
Ce n'est que par manière
Que le roi suit son train.
Montespan prend sa place.
Il faut que tout y passe
Ainsi de main en main».¹⁵

* * *

Да, Лавальер «склонялась к своему закату»! Но этого и следовало ожидать. Такова была участь большинства фавориток французского двора, а ведь Луиза лишь до тех пор выделялась из блестящей плеяды королевских возлюбленных всех веков, пока разыгрывала непривычную для нравов двора слащавую пастораль. Но кончились пасторали и все необычное, и в свои права вступило обычное. А обычное значило: недолгая страсть, пресыщение, забвение!

¹⁵ «Говорят, что Лавальер склоняется к закату; это – лишь обычная манера короля следовать своим путем. Монтеспан собирается занять ее место. Так и должно, чтобы все переходило из рук в руки».

Свыше восьми лет продолжалась любовь короля к тихой и нежной Луизе. В течение этого времени она родила ему четырех детей, из которых выжили только двое: дочь Мария Анна и сын, получивший титул графа де Вермандуа. А к концу этого времени король стал скучать, стал все реже бывать у своей Луизы.

И вдруг наступила развязка!

В то время Франция вела нескончаемые войны. Однажды король, явно томившийся приевшейся ему жизнью среди вечных празднеств, объявил, что уезжает к армии.

Мрачные предчувствия овладели душой Луизы, и со слезами она заявила королю, что эта их разлука, наверное, будет вечной. Людовик смеялся над необоснованными страхами своей подруги, горячо ласкал ее, но Луиза невольно заметила, что разлука с ней не казалась ему уже такой невозможной и тяжелой, как раньше.

Прошло несколько времени. Король слал Луизе письма, полные уверений в любви и страстном томлении по ее ласкам, и Лавальер самой казались детскими ее недавние страхи. И вдруг пришла весть о большой победе, одержанной французскими войсками, и о том, что король намерен вернуться в скором времени обратно.

Королева решила устроить помпезную встречу супругу-победителю. Людовик был извещен, что Мария Тереза с блестящей свитой выезжает по тому направлению, по которому он должен был ехать в Париж. Торжественное свидание

предполагалось устроить в Авени.

Узнав об этом, Луиза не могла удержаться от неловкого и даже прямо бестактного шага: она без всякого приглашения присоединилась к поезду королевы. Конечно, будучи возведена в сан герцогини и получив номинальное назначение на почетный пост в свите королевы, Луиза тем самым уже приобрела известные права. Но, ввиду ее особенного положения, было не совсем уместно на этих правах настаивать. К тому же, обыкновенно Луиза никогда не осуществляла этих прав и появлялась на официальных празднествах во дворце лишь каждый раз по настойчивому требованию Людовика. Поэтому самовольное присоединение к поезду королевы было встречено с враждебным недоумением.

Но Луиза ничего не замечала. Вся ее душа рвалась навстречу королю, и все мысли были полны одним желанием: как можно скорее увидеть своего Людовика.

Подъезжая к Авени, королева отдала строжайшее распоряжение, чтобы ничей экипаж не осмелился выдвинуться вперед при появлении короля. Конечно все поняли, что этот приказ имеет в виду одну только Лавальер, но именно последняя как раз и не обратила на него никакого внимания. О, тут и речи не могло идти об упрямстве, заносчивости, желании похвастать своим привилегированным положением! Для этого Луиза была слишком скромна и застенчива. Но она до такой степени фанатически ждала Людовика, что не была способна руководиться чем-либо, кроме жажды как

можно скорее увидеть его.

И вот настал момент встречи. Поезд королевы подъехал к довольно отлогому спуску. В этом месте путь, спустившись в долину, сейчас же снова вздымается кверху. В тот самый момент, как на одном краю этой котловины показался поезд королевы, на другом вырисовалась сверкавшая золотым шитьем представительная фигура короля.

Увидев Людовика, Луиза забыла обо всем на свете. Она приказала кучеру гнать карету со всей быстротой, и ее экипаж, понесшись с горы, значительно опередил как королеву, так и всех остальных.

При виде экипажа, бросившегося к нему навстречу Людовик решил, что это – королева, и тоже понесся вскачь книзу. Съехав в долину, карета Луизы остановилась. Король подскочил к ней, заранее помахивая шляпой в воздухе. Вдруг он резко осадил коня и, не стесняясь присутствием свиты, поскокавшей за ним следом, крикнул:

– Как вы осмелились выехать вперед ее величества? Какая непонятная дерзость!

После этого, не сказав ни одного ласкового слова, не кинув на Луизу приветливого взгляда, Людовик резко повернул лошадь и помчался дальше навстречу уже спешившей к нему королеве.

Словно убитая, Луиза осталась сидеть на месте. Все мысли разбежались в ее голове, все померкло в ее глазах. Уже несколько раз лакей обращался к ней с почтительным вопро-

сом, не прикажет ли ее светлость ехать обратно, а Луиза все не слышала обращенных к ней вопросов.

Конечно, вскоре король почувствовал угрызения раскаяния за то, что так сурово отнесся к своей подруге. Но Луиза уже чувствовала, что для нее все кончено. К тому же король все более поддадал чарам Атенаисы Монтеспан, и последняя вскоре открыто заняла место Лавальер. Луиза еще продолжала жить при дворе, но прежние отношения с Людовиком порвались окончательно.

На короткий момент былая страсть короля вспыхнула еще раз, но в дикой и, пожалуй, даже унижительной для Луизы форме.

Однажды какой-то промотавшийся герцог заявил в кругу собутыльников, что ему не остается иного исхода поправить дела, как жениться на особе с состоянием. На другой день этот же герцог по какому-то совершенно постороннему делу заехал к Лавальер. Конечно сейчас же побежала сплетня, которую передали королю.

Людовик сорвался с места и полетел к Луизе.

– Правда ли, что вы выходите замуж за такого-то? – крикнул он. – И вы еще будете уверять, будто и в самом деле любили меня?

– Ваше величество, – тихо ответила Лавальер, – до короля у меня был только Бог, после короля у меня остается только Бог. Я прошу у вашего величества разрешения поступить в монастырь...

Волна былой страсти охватила сердце короля. Осыпая руки Луизы поцелуями, он молил ее отказаться от этого намерения. Он говорил ей о том, что она молода¹⁶ для такого конца, что еще не все потеряно, что его любовь вернется и воспрянет с новой силой.

– Нет, ваше величество, – продолжала твердить Луиза, – прошлое было слишком сказочно, слишком хорошо, чтобы вернуться опять!

В конце концов разрешение было дано ей, и 28 апреля 1674 года бывшая «пастушка королевского двора» превратилась в кармелитку-сестру Луизу.

Она прожила до 1710 года и тихо отдала Богу душу до последнего вздоха не переставая молить Бога за того, кто был солнцем ее светской жизни.

¹⁶ Лавальер в то время было тридцать лет.